И В А Н Д О Б Р Е В

ИРАНСКИТЕ ПО ПРОИЗХОД ПРАБЪЛГАРСКИ ТИТЛИ НА БЪЛГАРСКИТЕ ВЛАДЕТЕЛИ И САНОВНИЦИ

П Р Е Д И С Л О В И Е.....x

Авит.....x
Багаин.....x
Багатур.....x
Бат.....x
Кавхан.....x
Калутаркан.....x
Табар.....x
Шад.....x

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.....x
Цитирана литература.....x
Източници.....x
Съкращения.....x

С О Ф И Я
2016

ИЗТОЧНОИРАНСКАТА ПО ПРОИЗХОД ПРАБЪЛГАРСКА ТИТЛА „БАГАТУР”

The Huns are the immortal topic of human pioneering spirits

(Хуните са безсмъртната тема на прогресивния човешки дух!)

Източноранската по произход престижно-почетна прабългарска титл. *багатур*, гръц. *βαγατουρ*, е засвидетелствана в гръкоезичните прабългарски надписи (В. Бешевлиев), както и върху лични печати от времето на Първото българско царство (К. Попконстантинов), а с такива форми и значения като **богатоуръ, богатꙑрь** „богатырь“ [СлДСЯз, 40] тя е в употреба още и в съчиненията на Преславските книжовници. Тази титла се присвоява главно на багаините, войниците от личната гвардия на хана, които са актуално действащи военни лица, а така също и на престолонаследниците на царя (Ив. Добрев), които пък по принцип са военни лица само потенциално, както и на колобрите, които също са военно задължени, макар и по един по-особен начин:

Τον πολών Βουλγαρον ο εκ θεου αρχον
Ο Περσιανος απεστιλεν Ισβουλον τον
καυχανον Δοσας αυτον φοσατα κε τον
Ητζιργου βοιλαν κε τον κανα βοιλα
κολοβρον κε ο καυχανος επι τους
Σμολεανους ον.
Η της αληθηναν γυρευη, ο θεος θεορι
κε, η της ψευδετε, ο θεος θεορι.
Τους Χριστηανους οι βουλγαρις πολα
αγαθα Επυισαν κε οι Χριστηανοι
ελησμονισαν, Αλλα ο θεος θεορι.

Персиан, от бога архонт на многото българи, изпрати Ишбул, кавхана, като му даде войски и ичиргу боила и кана колобъра. И кавханът към смоляните... Който търси истината, бог вижда и който лъже бог вижда. На Християните българите направиха много добрини и християните забравиха, но бог вижда.

+Κανα ςυβιγι Ομουρταγ
Ο κολοβρος ο ιζουργου κολοβρος
Θρεπτος ανθροπος μου ιτον
Απεθανεν εσο.

Кана сюбиги Омуртаг:
Колобърът ичиргу колобърът
беше мой сътрапезник и умря вътре.

Κανα ςυβιγι Μαλαμηρ
Τζεπα βογοτορ βοηλα κολοβρος
Ητον κε του αρχοντος θρεπτος
Ανθροπος ητον κε ασθενησας
απεθανεν κε επενεναλην αυτο
ης μνημοσυνον αυτο.

Кана сюбиги Маламир: Чепа боготор боила беше кулубър и на архонта сътрапезник и като се разболя, умря и се постави това за негов спомен.

Прабългарският колобър играе водещо-основна роля при почитането на върховния прабългарски бог Тангра и изпълняването на съответните ритуали в негова чест; той е член на консултативния съвет на хана и един от най-приближените му, благодарение на когото може да бъде спечелена дори и битка на бойното поле (В. Бешевлиев).

Докато участието на капхана и на ичиргу боила в похода като висши военачалници е ясно, то това на колобъра е неясно. От никой известен досега прабългарски надпис не личи той да е бил военно лице или да е командувал някаква войскова част. Обаче ако се вземе предвид, че у аварите т. нар. бооколобър е бил жрец или магьосник, а у някои

азиатски народи той се занимавал с магическа дейност, трябва да се приеме, че и службата на колобъра е била подобна или същата. В такъв случай участието му в похода трябва да се свърже с 35-ия отговор на папа Николай I [47] до допитванията на българите: „Вие разправяте, че сте били свикнали, когато отивате в сражение, да съблюдавате дни и часове и да извършвате заклинания, игри, пеения и някакви гадания..."

Според китайски извори хуните от предхристиянската епоха „предприемали нападения или водили сражения при пълнолуние или нарастваща луна, а при намаляваща войниците се оттегляли". Същото съобщават и за тюрките: „Те изчакват малко преди пълнолунието, за да предприемат грабителските си походи". Готският историк Йорданес в „Гетика" разказва, че в навечерието на Каталаунското сражение Атила заповядал на предсказателите да изследват бъдещето. Те наблюдавали според техния обичай вътрешностите на закланите животни и резките по изчистените кокали и предсказали нещастния за хуните край на сражението. Тюрките хитан тръгвали на поход само ако резките и пукнатините по кокалите лопатки на овцете показвали добър изход.

Колобър от Шуменско

Колобър от Крагуй

Византийските хронисти разказват за няколко загубени за ромеите сражения с тюркски народи поради магиите им. В 519 г. българите, които живеели в Панония (дн. Унгария), нанесли тежко поражение на византийските войски, понеже, както съобщава византийският историк Йоан Зонара, си послужили със заклинания и магии. Друг византийски извор Йоан Антиохийски предава, че хуните, които бунтовникът Виталиан водел със себе си и между които се намирали и българи, предизвикали в сражението при Калиакра с правителствените войски чрез магии толкова голям мрак (навярно слънчевото затъмнение през 514 г.), че очите им се покрили с тъмнина и те изпопадали в пропаст със стръмни брегове и там загинали. В речника на Суидас се намира подобно съобщение за аварите: „Поради проливния дъжд предизвикан от хитрините на аварите и съществуващата мъгла съгледвачите не били в състояние да разпознаят настъпващите неприятели." Най-сетне в същия речник е запазен откъслек от историята на византийския историк Менандър, който разказва: „Аварите възнамеряваха да нададат неприятен и див рев при започването на сражението и бойният вик, примесен с думкане на малки тъпани, така да усилят, че ромеите да изпаднат в страх и ужас."

Сложните магически обреди, от които зависел щастливият изход на сражението, са били извършвани очевидно от нарочно подготвени и умеещи лица. Те са ръководели военните действия според поличбите и чрез магически деяния. Следователно колобрите у българите са били магьосници, или т. нар. у тюркските народи шамани, на които са приписвани свръхестествени сили и качества. Затова тяхното участие във военните действия е било наложително, за да завършат успешно [Бешевлиев 2009, 48-50, вж. и срв. Tekin 2016, 48-49].

*С титл. колобэр/**κολοβρος** по време на Първата българска държава се удостояват лица из средата на родовете на хановете, боилите или багаините, които притежават способността или известна предварителна подготовка за ясновидство и изпълняват функциите на жрец, а освен това, правят съответните жертвоприношения и гадания преди началото на всяко сражение. Ето защо, „колобэр“ заема важно място във военната йерархия на Първата българска държава след кавхана и ичиргу боила и безспорно е един от шестте велики боили съветници на ювиги хана* [Добрев 2016, 87-96].

...λ βαγατουρ βαγαινου
λορακηα ην ομου νγ| κασιδια με|

Κανα συβιγι Ομουρταγ
ὁ Σλαβνας ὁ βαγατουρ βαγαινος
θρεπτοσ ανθροποσμου ιτον
κε ασθενισασ απεθανεν

Κανε συβυγη Μαλαμηρ
Τζεπα βογοτορ βοηλα κολουβροσ
ητον κε του αρχοντοσ θρεπτοσ
ανθροποσ ητον κε ασθενη σασ
απεθανεν κε επενεναλην αυτο
ησ μνημοσυνον αυτου.

*...л багатур багаинът има
ризници всичко 53 и шлемове 45.
Кана сюбиги Омуртаг:
Славнас багатур багаин беше мой
сътрапезник и като се разболя, умря.
Кана сюбиги Маламир:
Чепа боготор боила колобър и
храненик на архонта. Той като
се разболя, умря. Това се постави за
негов спомен.*

В началото на надписа е издълбан един прабългарски знак, който има навярно значението на кръстния знак в първия приведен надпис. Началото на сложната титла багатур багаин е думата багатур, която се среща и в руски език под формата богатыр, където тя е от тюркски произход. Тя значи „юнак”, „герой”. Така са били наричани, както изглежда, бойците, отличили се в сражения.

Прабългарското лично име Чепа се среща само тук. Формите боготор (т. е. багатур) и кулубър (т. е. колобър) са може би видоизменени под влияние на славянския български език, който не може да не е оказвал влияние върху тюркския български.

Вече от България произхожда следният оловен печат, намерен във Варна, сега в Археологическия музей в Русе. Той има светлозелена патина. На лицевата страна е представен двураменен кръст върху олтар с гръцки надпис, а на обратната страна има гръцки надпис в пет реда, ограден със зрънчест венец. На лицевата и на обратната страна надписът гласи:

+Κυριε βοητη τῳ σῳ δουλω
+Ιωαννη βαγατουρ κανα Ηρτχιθυηνω

*Господи, помагай на твоя раб
Йоан багатур кана Иртхитюенски*

Титлата багатур кан показва ясно, че се касае за българин, който, както показва изразът „твоя раб”, е бил християнин. Прилагателното Иртхитюенски може да е образувано от местно или родово име. Словоредът в надписа е характерен за печатите от XI-XII век.

Притежателят на печата е иначе неизвестен. Употребата на вече изчезналия в гръцки език дателен падеж показва, че печатът е бил приготвен в Цариград, гдето в по-изискания гръцки се срещат старинни форми [Бешевлиев 2009, 17-159].

+Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλῶ Ἰωάννη βαγατούρ κανά ηρτχ θηνω
[Господи, помагай на твоя раб Йоан багатур на канартикина/на престолонаследника].
+Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλῶ Μηχαήλ βαγατουρ κανέ ηρτχ θηνος
+Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλῶ Μηχαήλ βαγατουρ κανέ ηρτχ θηνος
[Господи, помагай на твоя раб Михаил багатур на канартикина/на престолонаследника].
[Попконстантинов 2008, 68-79].

В текстовете на другите девет от намерените печати обаче като +Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλῶ Ἰωάννη βαγατούρ κανά ηρτχ θηνω; +Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλῶ Μηχαήλ βαγατουρ κανέ ηρτχ θηνος, лекс. βαγατουρ вече не е наименование на професия или занимание, а престижно-почетна титла, сан, който обикновено се присвоява на синовете на владетеля. И доколкото е много добре известно, че Симеон има и двама синове на име Йоан и Михаил, то повече от излишно-неуместни са предположенията, че споменатите в надписите на печатите две лица са багатури на неясно кой престолонаследник, „елитна войска, чиито представители са членове на личната императорска гвардия и от благороден произход, командват различни отряди, изпълняват военни задачи и придружават представители на владетели в мисии в чужбина“ и други от този сорт.

Независимо, че в съответните изречения има нещо много объркано-неясно, и като семантика, и като граматика и стилистика, все пак по-натакък авторът приема, че е „съществувала самостоятелна титла багатур“, която „била длъжностна титла, присъждана само на багатура на престолонаследника и багатура на царя. Тази титла се нарежда сред най-висшите служби в царския двор, вследствие на което нейният носител е имал право единствен след царя да има печат.“ Багатурите са „част от институционалната система в първото българско царство“, които притежават „собствен печат с личното име, титла и пояснението, че е „багатур на престолонаследника“ и тям подобни. Според нас обаче титл. βαγατουρ не е

длъжностно-рангова, а престижно-почетна и съобщава единствено и само за високото благородничество на своя притежател и носител. Към тези две производни значения или два лексико-семантични варианта(?) на лекс. багатур трябва да се прибавят още и някои може би прозвища, на основата на които пък възникват вероятно и лични или фамилни имена. Екстраполацията на текста от четирите печата върху текстовете от деветте печата е неоправдано-некоректна, но особено странното в случая е липсата на съответния предлог и падеж [срв. Попконстантинов 2008, 68-79; Popkonstantinov 2011, 1].

Намерени са обаче печати от двама престолонаследници на Симеон, които живеят по време на царуването на цар Петър и по-специално, 2 печата на Йоан и 7 печата на Михаил, изработени на 4-5 матрици. Привидното противоречие тук се снема от актуалната тогава държавно-политическа ситуация, при която всеки един от двамата Симеонови синове, напълно самостоятелно и отделно, се самопровъзгласява за престолонаследник на баща си Симеон и започва да води ожесточена борба за трона срещу брат си Петър. А тази борба изисква и усилена вътрешна и международна кореспонденция, именно което води и до бързото износване и подмяна и на печатите им [вж. и срв. Ramstedt 2015, 64-65; ДТС, 55,369-371; ЭСЧвЯз, 169; Clauson, 202-203; Moravcsik, 148; ЭСТЯз-а, 179-180,302-304,370].

Наред и допълнително към всичко това, всеки прабългарски хан си има различна по численост лична дружина или гвардия, членовете на която се наричат багаини. Наистина дружинниците при ефталитите прабългари наброяват десетина души, но тук техният статут и функция са малко по-други (Прокопий). Доколкото пък при някои от средновековните тюркски народи броят на гвардейците обикновено е около 150 души, видно особено добре от рунически надписи, намерени съвсем близо до прародината на българите (И. Кормушин), то числеността на дружината на отделните ханове от Първото Българско Царство най-вероятно варира от порядъка на 100-200 души.

Приблизително толкова ще да са били и дружинниците на Аспарух, като най-малко тридесетина от тях [вж. и срв. Ангелов 2015, 2; Овчаров 1992, 75] загиват в неуспешен опит да спасят живота на своя хан. Всъщност във военно време багаините гвардейци придружават хана и ако той реши да влезе в битка, то те са пред и зад него и пазейки живота му, жертвайки дори собствения си живот, допринасят в немалка степен за крайната победа над врага. По този начин постъпват и багаините на хан Аспарух, когато той се доверява на кръвните си братя хазарите и придружен само от дружината си, стига чак до Днепър, за да преговаря с тях за източната граница на държавата. Но те го нападат ненадейно-вероломно и заедно с него в една много неравна битка намират смъртта си както самият той, така и много от любимите му багаини със саби в златни ножници [Добрев 2016, 60-75].

Специфично-характерното и даже куриозно-любопитното за прабългарската титл. *багатур* е това, че още от най-дълбока древност, а и в по-ново време чак до края на Ранното средновековие, като нарицателно или собствено съществително име, пряко или косвено тя е разпространена в множеството диалекти и езици и се използва от голям брой племена и народи в границите на огромно-необятната

територия от Северния ледовит океан до Индийския океан от север на юг и от Тихия океан, включително и в корейския език [Choi 2016, 6], до Атлантическия океан от изток на запад, в това число и в Мала Азия и Балканите [вж. и срв. ЭСТЯз-б, 82-85; Doerfer-2, 366-377].

Ареал на българските племена и народи
през Късната Античност и Ранното Средновековие

Единственото логично обяснение на цялата тази невиждана и нечувана лингвистична чудесия е, че приблизително такъв в действителност е и ареалът на българските племена и народи през Късната Античност и Ранното Средновековие, в рамките на който те се разпространяват компактно-масово между Байкал и Рейн, но изолирано-спорадично чак до Корея и Япония на изток и Апенините, Скандинавския полуостров и Ирландия на запад.

И все пак, най-съществено-значимото, но същевременно и най-съкровено-скъпоценното за всеки българин, през нейния „живот" на една най-обикновена титла е това, че на нейна основа възниква и се образува тъкмо млим *Багатур*, кит. *Maodun* 冒頓單于/冒顿单于 на първия български император в Централна Азия от времето малко преди Новата ера, каган Багатур (209-174) с неговата огромна по размери и население империя и с непоколебимо-твърдото му поведение и отношение към китайците:

Имя «Модэ» транскрибируется тем же Мао-Тунь. Уже Ф. Хирт показал, что Мао-Тунь — не что иное, как китайская транскрипция багадур, где дифтонг ао в слове Мао сигнализирует о возможном выпадении интервокального γ, а конечное н в слове тунь соответствует звуку р, что доказано уже целой серией аналогичных реконструкций.

Напомню китайские транскрипции Аньси=Арсак, гяньгунь/гяргур=кыргыз, и т.п. Таким образом Модэ=Маотунь — это имя-прозвище багадур, позднейшее батыр, русское богатырь [Бернштам 2012, 181-182].

baga:tu:r *by origin almost certainly a Hunnish (Hsiung-nu) Proper Name, and more specifically that of the second Hsiung-nu shan-yü (209-174 B.C.) whose name was transcribed by the Chinese as Man-tun (Giles 7,699 12,221 ; Old Chinese prob. Something like moğ-tun). The word occurs only once in the early period and then still as a P.N. but was an early I.-w. in Mong. as ba'atur (Haenisch II/bağatur Kow. 1058), primarily as an element in P.N.s, e.g. Yesügei Ba'atur (Haenisch 184) but also as a common noun meaning 'picked warrior'. It is prob. that the transition from name to noun took place in Mong.; Turkish had other words like alpa:gut with this meaning. The word reappears in Turkish in the medieval period generally in forms with medial -h- which suggest that the immediate source was Pe. S.i.s.m.l. in SE, NC, SC, and NW as batır/batur, R IV 1511-15, which seem to be direct borrowings fr. Mong. See Doerfer II 817 and Studies, p. 19. Türkü VIII ff. atım Bağa:tu:r Çiğşi: 'my name is Bağa:tu:r Çiğşi:' Tun. IV 12 (ETY II 96): Xwar. XIV maŋa alp bahatur quwwatlığ kişiler ıda bérgil 'send me tough warriors and strong men' Nahc. 151, 9: Kom. XIV 'brave (man)' bağatur CCI; bahadur CCG; Gr.: Kır. XV şucā 'brave' bahadur Tuh. zob. 8; Kaw. 23, 12; 60, 6* [Clauson, 313].

Маодунь *(имя шаньюя):* 冒頓 *(ИЗ II 512)*冒 > *Маодунь:* - **冒頓** 1. **冒** *mào, mūh, mù, mâw;* 2. **頓** *dùn, tūrs, twən, twən, tòn* 'останавливать(ся)'. *Предположительное чтение: ЗХ mūh-twə̄ nh. Основатель сюннуского государства, объединил сюнну в 209 г. до н.э.* [Дыбо 2013, 111].

The first Asian Hun ruler recorded in the chronicles was Touman ***頭曼****19 danhu, who reigned until 209 B.C. We cannot speak about an empire just yet. He ruled over the Ordos, i.e. the area within the bend of the Yellow River and further northeast as far as the Gobi Desert. There lived some tribes in the neighbourhood like the Wusun* ***烏孫*** *and the Yuezhi* ***月氏*** *in the west, the Xianbei* ***鮮卑*** *and the Wuhuan* ***烏桓*** *in the north and the northeast, the Donghu* ***東胡*** *in the south, the Loufan* ***樓煩*** *and the Linhu* ***林胡*** *in the southeast.*

His son named Maodun (Bator) ***冒頓****20 should have become his successor but he designated another son, whose mother was his favourite wife, as crown prince and sent Maodun (Bator) to the Yuezhi as a hostage. Some time later he attacked the Yuezhi and Maodun (Bator) had to escape and run for his life so he stole a Yuezhi horse and galloped homeward. There he killed his father, his stepmother and everybody of whom he thought might oppose him and in 209 B.C. he proclaimed himself danhu. Then Maodun (Bator) started his campaign, conquering the tribes*

around his country one by one - first he subjugated the Donghu, upon which the Linhu and the Loufan joined him by themselves and marched together with him westward, where he gained a victory over the Yuezhi (around 204 B.C.), then he led his troops to the east and defeated the states Yan 燕 and Dai 代. It was at this time that the empire founded by Qin Shi Huangdi was collapsing, the rule of the Qin dynasty had just been overthrown and struggles for power were continuously going on, Liu Bang, the future Han emperor, had to fight with Xiang Yu, warfare among rivals did not stop for a minute, which made the whole country exhausted and impoverished. This certainly was to the advantage of Maodun (Bator), who became strong and powerful - his army counted over 300,000 archers. He expanded his country to become a powerful empire - its eastern ends were washed by the waves of the Pacific Ocean, to the west it reached over the valley of the Ili River, it got beyond the Great Wall through the valley of the Yellow River in the south, and to the north faded into the vast and distant Siberian wilderness.

Бележки под линия:

19 Touman: d'u/d'əu-mi̯wən or mwan/muan GS: 118e. 266a.

20 Maodun: mog/mau or mək-twən/tuən or d'wən/d'uən, GS: 1062b. 427j. This is a transcription of the Hun name Bagatur, then Baator and Bator. The consonents "m" and "b" go back to a common "w", so either "m" or "b" can be pronounced, and thus we can say bфg for mфg. Furthermore, for the transcription of the syllables with final -r the scholars of the Han time used to apply characters which ended in -n, so the -r in place of the final -n in the twən or tuən of EMC gives the syllable -tur or -tor. Thus have we got the word bagatur or bator, which word still exists both in Mongolian and in Hungarian language with the same meaning of "brave". We may make a tentative hint that Mongolian, Hungarian and Turkic languages could have originated from the common stem of the Xiongnu language. We must add that HIRTH had long ago equated the name Maodun with the form Bagtur; see HIRTH: 82 [Csornai 2010, 37].

В 206 г. до н. э. Модэ объявил себя шаньюем. 24 гуннских рода признали Модэ своим повелителем. Часть племенной знати вначале оказала сопротивление узурпатору, но Модэ казнями и репрессиями удалось подавить оппозицию. Затем после того как гунны под командованием Модэ одержали ряд побед над соседями, гуннская родовая знать полностью перешла на его сторону. «Посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ шаньюю и признавали его мудрым».30

Придя к власти, Модэ выделил в составе гуннской армии 4 конных корпуса, они отличались по масти коней: черная, белая, рыжая и серая. В первые же годы правления Модэ совершил ряд походов против соседних народов. На востоке в 209 г. до н. э. были разгромлены дунху, которым гунны недавно еще сами платили дань. Земля, скот и имущество дунху достались гуннам. Остатки побежденных дунху бежали в Маньчжурию, Монголию и Южное Забайкалье. На западе Модэ совершал походы против племен юэчжи. На юге гунны нанесли ряд ударов по Китаю. В Китае к этому времени пала династия Цинь (в 207 г. до н. э.). После пятилетней свирепой гражданской войны утвердилась династия Хань. Ослабевший Китай не сразу собрался с силами и не мог оказать сильного сопротивления врагам. Гуннам в 204 г. до н. э. удалось снова завоевать Ордос. В 188 г. до н. э. после ряда военных неудач китайский император Гаоцзу вынужден был заключить с Модэ договор о «мире и родстве», выдать за гуннского шаньюя китайскую царевну и, кроме того, обязался ежегодно присылать обусловленное количество дани.

Могущество гуннского шаньюя возросло настолько, что в 192 г. до н. э., вскоре после смерти китайского императора, Модэ направил вдовствующей императрице Гаохоу письмо с предложением выйти за него замуж. Это послание с совершенно неприкрытой дерзостью, вытекающей из сознания своей силы, полностью приведено у Сымацяна с ответом императрицы: «Сирый и дряхлый государь, рожденный среди болот, возросший в степях между лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле; сирый и дряхлый также живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего не имею».31 Смысл этого послания вполне ясен. Модэ откровенно высказывает свое желание получить в качестве приданого за царственной вдовой Китайскую империю.

Императрица, как сообщает источник, «весьма разгневалась», но ответила в смиренном тоне: «Шаньюй не забыл ветхой столицы и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх и, вычисляя дни, заботится о себе. Она состарилась, силы ослабели, волосы линяют, зубы выпадают, в ходу теряет размер в шагах. Шаньюй ослышался, а этим нельзя запятнать себя».32 Отказ был заглажен ценным подарком - двумя царскими колесницами и двумя четверками лошадей. Снова был подтвержден ранее заключенный договор о «мире и родстве» между гуннами и Китаем [История Сибири 2014, 241-250].

*В сие время Дом Дун-ху был в силе. Дом Юечжы в цветущем состоянии. У хуннов Шаньюй [56] назывался Тумань. [57] Тумань не мог устоять против Дома Цинь [58] и переселился на север. По прошествии /**11**/ десяти лет Мын Тьхянь умер; удельные князья восстали против Дома Цинь. Срединное царство пришло в смятение, и гарнизоны из преступников, поставленные Домом Цинь по границе, все разошлись. После сего хунны почувствовали льготу; мало по малу опять перешли на южную сторону Желтой реки, и вступили в прежние межи с Срединным царством. Шаньюй имел наследника, по имени Модэ; [59] после от любимой Яньчжы родился ему меньшой сын; Шаньюй хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего: почему отправил Модэ в Юечжы заложником. Как скоро Модэ прибыл в Юечжы, Тумань тотчас произвел нападение на Юечжы. Юечжы хотел убить Модэ, но Модэ украл аргамака у него, и ускакал домой. Тумань счел его удальцом, и отделил ему в управление 10.000 конницы. [60] Модэ сделал свистунку [61] и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову; кто на охоте пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову. Модэ сам пустил свистунку в своего аргамака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно нестрелявшим в аргамака отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять сам пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись, и не смели стрелять. Модэ и сим отрубил головы. Еще по /**12**/ прошествии **[47]** некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в Шаньюева аргамака. Приближенные все туда же пустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом Модэ, убив*

Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя Шаньюем. [62]

Корони на български владетели от Централна Азия

I. Шаньюй Модэ. *В то время, как Модэ вступил на престол, [дом] Дун-ху был в силе и цветущем состоянии. Получив известие, что Модэ убил отца и вступил на престол, Дун-ху отправил к нему посланца сказать, что он желает получить тысячелийного коня,* [63] *оставшегося после Туманя. Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможи сказали ему: тысячелийный конь есть сокровище у хуннов. Не должно отдавать. К чему, сказал им Модэ, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них? И так отдали тысячелийного коня. По прошествии некоторого времени Дун-ху полагая, что Модэ боится его, еще отправил посланца сказать, что он желает получить от Модэ одну из его Яньчжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: Дун-ху есть бессовестный человек; требует Яньчжы. Объявить ему войну. Модэ сказал на это: к.чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины /**13**/ для них? И так взял свою любимую Яньчжы и отправил к Дун-ху. Владетель в Дун-ху еще более возгордился. В хуннуских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1.000 ли необитаемая.* [64] *На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Модэ, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам,* [65] *не удобна для них, а он желает иметь ее. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем, советовавшим* ***[48]*** *отдать землю отрубил головы.*

Модэ сел верхом на лошадь, и отдал приказ - отрубить голову каждому, кто отстанет. После сего он пошел на восток и неожиданно напал на Дун-ху. Дун-ху прежде пренебрегал Модэ и потому не имел предосторожности. Модэ, прибыв с своими войсками, одержал совершенную победу, уничтожил Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом. По возвращении он ударил на западе на Юечжы и прогнал его,

*на юге покорил Ордосских владетелей Лэуфань и Байян, и произвел поиски на Янь и Дай; обратно взял все земли, отнятые у хуннов полководцем Мын Тьхянь, и вступил с Домом Хань в границы в Ордосе, при Чао-на и Лу-ши; [66] после сего снова произвел поиски на Янь и Дай. — В сие время войска Дома Хань были в борьбе с Хян-юй; [67] Срединное царство изнемогло под /**14**/ тяжестью войны; и это обстоятельство дало Модэ возможность усилиться. Он имел под собою более 300 т. войска. — От Шунь-вэй до Туманя — в продолжение слишком тысячи лет — Дом Хуннов то возвышался, то упадал, то делился, то разсевался: и посему порядок прежнего преемственного наследования у них невозможно определить. При Модэ Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору; почему названия наследственных государственных чинов можно еще описать. Установлены были: 1) Восточный и Западный Чжуки-князь; [68] 2) Восточный и Западный Лули-князь; [69] 3) Восточный и Западный великий предводитель; [70] 4) Восточный и Западный великий Дуюй; [71] 5) Восточный и Западный великий Данху; [72] 6) Восточный и Западный Гуду-хэу. [73] У хуннов **[49]** мудрый называется Чжуки; почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки-князем. От Восточного и Западного Чжуки-князей до Данху, высшие имеют по 10 т., а низшие по нескольку тысяч конницы. Всего двадцать четыре старейшины, которые носят общее название темников. [74] Вельможи вообще суть /**15**/ наследственные сановники. Хуянь, Лань [75] и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые Дома. Князья и предводители Восточной стороны занимают Восточную сторону против Шан-гу и далее на восток до Су-мо и Чао-сянь; князья и предводители Западной стороны занимают западную сторону против Шан-гюнь и далее на запад до Юечжы, Ди и Кянов. Шань-юева орда находилась прямо против Дай и Юнь-чжун. [76] Каждый имел отдельную полосу земли, и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Восточный и Западный Чжуки-князья, Восточный и Западный Лули-князья считались самыми сильными владетелями. Восточный и Западный Гуду-хэу были их помощниками в управлении. [77] Каждый из 24 старейшин - для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляют у себя Ду-юй, Данху и Цзюйкюев. [78] В первой луне нового года старейшины не в большом числе съезжаются в храм при Шаньюевой орде. [79] В пятой луне все собираются /**16**/ в Лун-чен, где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам. Осенью, как лошади разжиреют, все съезжаются **[50]** обходить лес, причем производят поверку людей и скота. Законы их: извлекшему острое оружие и фут [80] - смерть; за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные - смерть. Суд более десяти дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек. Шаньюй утром выходит из лагеря покланяться восходящему солнцу, ввечеру покланяться луне. Он сидит на левой стороне лицом к северу. Дни уважаются первые в месяце под названиями Сюй и Сы, в первый раз в месяце встретившиеся под сими буквами. Покойников [81] хоронят в гробе; употребляют наружный и внутренний гробы; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое; но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц соумирающих бывает от ста до нескольких сот человек. [82] Предпринимают дела, смотря по*

*положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают. Кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу. /**17**/ Пленные и мужчины и женщины поступают в неволю; [83] и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью. Искусно заманивают неприятеля, чтоб обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеваются Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его. Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, [84] Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым. [85] В [201] сие время, 201, Дом Хань только что утвердил спокойствие в Срединном государстве, и перевел князя Хань Синь в Дай с пребыванием в Ма-и. Хунны в больших силах осадили Ма-и, и князь Хань Синь **[51]** покорился им. [86] Хунны, получив Хань Синь, потянулись с войском на юг; перешед через хребет Гэучжу, они осадили Тхай-юань, и подошли к Цзинь-ян. Гао-ди сам повел [200] войско против них, 200. Зимою случились сильные морозы и снега. Около трети из ратников /**18**/ отморозили пальцы у рук. [87] Почему Модэ притворился побежденным, и, отступая, заманивал гнавшееся за ним китайское войско. Модэ скрыл отборные войска, а выставил одни слабые: почему все китайское войско, состоявшее из 320 т. наиболее пехоты, устремилось за ним. Гао-ди прежде других прибыл в Пьхин-чен; а пехота еще не вся пришла. Модэ с 400 т. отборной конницы окружил Гао-ди в Бай-дын. [88] В продолжение семи дней китайское войско не могло доставить осажденным съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей. Гао-ди отправил лазутчиков подкупить Яньчжы. Яньчжы сказала Модэ: два государя не должны стеснять друг друга. Ныне ты, приобрев земли Дома Хань, не можешь жить на них; сверх сего государь Дома Хань есть человек умный. [89] Обдумай это, Шаньюй. Модэ назначил время, в которое Ван Хуан и Чжао Ли, предводители князя Хань Синь, должны были придти к нему, и не пришли: почему начал подозревать, что они вступили в договор с Домом Хань; сверх сего принял в соображение слова своей Яньчжы. И так он открыл в одном углу проход: Гао-ди отдал своим войскам приказ - с натянутыми в стороны луками идти прямо чрез открытый угол, и сим образом соединился с главными силами. Модэ пошел в обратный путь. Гао-ди также прекратил войну и отправил Лю Гин заключить договор, основанный на мире и родстве. [90] **[52]***

*/**19**/ **Историческое пополнение.** Гао-ди, он же Гао-хуан-ди и Гао-цзу, основатель династии Хань, прозывался Лю, по имени Ван, по проименованию Цзи. Родился в нынешней губернии Гян-су в области Сюй-чжеу-фу. Он имел орлиный нос, широкий лоб, был прост и одарен обширным соображением.*

Впоследствии князь Хань Синь, занявший место полководца у хуннов, Чжао Ли и Ван Хуан несколько раз нарушали договор, опустошали области Дай и Юнь-чжун. Спустя несколько времени Чень Хи, [91] подняв бунт и соединившись с Хань Синь, умышлял произвести нападение на Дай. Китайский Двор выставил войско под предводительством полководца Фань Кхуай, который обратно взял Дай, Яй-мынь и Юнь-чжун; но не

выступал за границу. В сие время военачальники Дома Хань один за другим передавались хуннам; почему Модэ часто приходил грабить страну Дай, и это беспокоило Дом Хань.

Историческое пополнение. *В это время Лю Гин подал следующий голос: спокойствие в Империи только что восстановлено; войска изнурены войною, и оружием подчинить хуннов невозможно. Модэ убил отца, женился на мачихе, и силою наводит страх; убедить его милостью и справедливостью невозможно; а можно упрочить это дело хитростью, и даже потомков его сделать вассалами. Если выдать за него старшую царевну, то он непременно полюбит ее и возведет в Яньчжы; сын от нее /**20**/ непременно будет наследником престола. По временам года будем посылать наведываться и внушать им правила благоприличия. Модэ при жизни своей будет сыном и зятем, а по смерти его Шаньюем будет внук по дочери. Сим образом без войны можно покорить их. Хорошо, сказал император и хотел отправить старшую царевну; но Люй-хэу воспротивилась. И так дочь придворного вельможи выдали за Шаньюя с титулом царевны. Лю Гин послан для заключения договора о мире и родстве. Ганму 198 год.*

[198] 198 Гао-ди отправил, 198, Лю Гин препроводить княжну своего Дома с названием царевны в Яньчжы Шаньюю с ежегодным определенным количеством шелковых тканей, хлопчатки, вина, риса и разных съестных вещей, и постановить в договоре считаться братьями, [92] на основании мира и родства. Это несколько приостановило Модэ. ***[53]***

Впоследствии Лу Гуань, владетель княжества Янь, взбунтовался и с несколькими тысячами своих сообщников, поддавшись [195] хуннам, начал обеспокоивать земли от Шан-гу на восток, 195. Наконец, Гао-цзу преставился, 195. В царствование императрицы Хяо-хой Люй Тхай-хэу [93] Дом Хань только что утвердился: [192] почему хунны гордились, Модэ послал к императрице Гао-хэу письмо, 192, написанное в дерзких выражениях.

Историческое пополнение. *Модэ отправил посланника к Гао-хэу с письмом следующего содержания: "сирый и дряхлый государь, /**21**/ рожденный посреди болот, возросший в степях между лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле; сирый и дряхлый также живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего не имею". [94] Гао-хэу пришла в сильный гнев, и позвала к себе министров; она полагала казнить*

посланника и объявить войну хуннам. Дайте мне сто тысяч войска, сказал Фань Кхуай, и я вдоль и поперек пройду земли хуннов. Но Ги-бу сказал на это: надобно отрубить голову Фань Кхуай. Когда Чень-хи возбунтовался в Дай, тогда китайское войско состояло из 320.000 и Фань Кхуай был верховным предводителем.

В то время хунны окружили Гао-ди в Пьхин-чен и Фань Кхуай не в силах был избавить его. В Империи в песнях пели: под городом Пьхин-чен подлинно было горько; семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука. Ныне отголосок этой песни еще слышен; раненые только начинают приподниматься, а Фань Кхуай хочет снова потрясти Империю. Сверх сего кочевые иноземцы подобны птицам и зверям; [95] их добрыми словами не следует восхищаться; их обидными словами не следует огорчаться. Хорошо, сказала Гао-хэу, и приказала Чжан Цзэ написать следующий ответ: Шаньюй не забыл ветхой столицы [96] и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх, и, вычисляя дни, заботится о себе. ***[54]*** *Она состарелась, силы ослабели; волосы линяют, зубы выпадают; в ходу теряет размер в шагах. Шаньюй ослышался, а этим нельзя запятнать себя. Ветхая столица не сделала преступления; надлежит оказать ей снисхождение. Имею представить тебе две царские колесницы и две четверни лошадей. Модэ по получении письма еще отправил посланника принести благодарность и сказать, что он еще не имел случая видеть вежливость Срединного государства. К счастию государыня извинила его. (Заимствовано из истории старшей династии Хань).*

Гао-хэу думала объявить ему войну, но полководцы сказали ей, что покойный Гао-ди был умный государь и воин, но и он стеснен был под городом Пьхин-чен. И так Гао-хэу удержалась, и [179] подтвердила мир и родство с хуннами. Хяо Вынь-ди, по вступлении на престол, 179, опять [177] подтвердил договор о мире и родстве, но в пятой луне

третьего лета, 177, хуннуский западный Чжуки-князь перевел свои кочевья в Ордос, и начал разорять границу в области Шан-гюнь; инородцы убивали и в плен уводили жителей. Почему Хяо-Вынь-ди указал министру Гуань Ин с 85.000 конницы и колесниц идти в Гао-ну против западного Чжуки-князя, но западный Чжуки-князь ушел за границу. Вынь-ди предпринял путешествие в Тхай-юань; но в это самое время Цзи-бэй Ван взбунтовался. [97] *Вынь-ди возвратился и отозвал войска, посланные на хуннов.*

[176] В следующий год, 176, Шаньюй прислал китайскому Двору письмо [98] *следующего содержания: "поставленный небом хуннуский Великий Шаньюй почтительно вопрошает* [99] *Хуан-ди [император (китайский)] о здравии. В прошлое время Хуан-ди писал о мире и родстве. /**23**/ Дело сие, к взаимному удовольствию, кончено согласно с содержанием письма. Китайские пограничные чиновники оскорбляли западного Чжуки-князя, и он без представления (ко мне) по совету Илу-хэу Наньчжы и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор, заключенный между двумя государями, разорвал братское родство между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственною державою. Получено от Хуан-ди два письма с выговорами, но посланный с ответным письмом еще не прибыл, а китайский вестник не* ***[55]*** *возвратился, и это было причиною взаимных неудовольствий между двумя соседственными державами. Как нарушение договора последовало от низших чиновников,* [100] *то западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юечжы. По милости Неба, ратники были здоровы, кони в силе; они поразили Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений.* [101] *Жители сих владений поступили в ряды Хуннуских войск, и составили один дом. По утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным жителям, как было вначале. Пусть малолетные растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Но как еще не получено мнение Хуан-ди, /**24**/ то отправляя Лан-чжун* [102] *Сидуцяня с письмом, осмеливаюсь с ним представить одного верблюда, двух верховых лошадей и две четверни. Если не угодно Хуан-ди, чтоб хунны приближались к границам, то надобно предписать чиновникам и народу селиться подалее от границы".* [103] *Посланный по прибытии тотчас был обратно отправлен и в шестой луне приехал в Чайвань.* [104] *По получении сего письма при китайском Дворе держали совет: что выгоднее, война или мир и родство? Государственные чины были того мнения, что с торжествующим неприятелем, недавно победившим Юечжы, трудно воевать; сверх того, земли хуннов, состоящие из озер и солончаков, неудобны для оседлой жизни, почему считали выгоднее держаться мира и родства. Хяо Вынь-ди согласился на их мнение, и в шестое лето, переднего счисления,* [105] *[174], отправил к хуннам письмо следующего содержания: 174 "Хуан-ди почтительно вопрошает хуннуского великого Шаньюя о здравии. В письме доставленном мне Лан-чжун Сидуцянем сказано: Западный Чжуки-князь без* ***[56]*** *дозволения, а по совету Илу-хэу Наньчжы нарушил договор, заключенный между двумя государями, прервал братское согласие между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственною державою. Но как нарушение договора /**25**/ последовало от низших чиновников, то Западный Чжуки-князь в наказание послан был*

*на Запад на Юечжы, и он покорил сие владение Теперь желательно прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее, и подтвердить прежний договор, чтоб доставить пограничным жителям спокойствие; пусть малолетные растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Я очень одобряю это: ибо так мыслили древние святые государи. Дом Хань договорился с Домом хуннов быть братьями, и потому посылает Шаньюю чрезвычайное количество даров. Нарушение договора и разрыв братского согласия всегда происходили со стороны хуннов. Впрочем, как дело Западного Чжуки-князя уже покрыто прощением, то прошу Шаньюя не простирать гнева далее; и если Шаньюй желает поступать согласно с содержанием письма, то пусть объявит своим чиновникам не нарушать договора, а действовать согласно с письмом Шаньюя. Посланный сказывал, что Шаньюй лично предводительствовал в Западной войне и переносил великие трудности. Почему посылаю надеваемый [106] вышитый кафтан на подкладке, длинный парчевой кафтан, золотой венчик для волос, пояс золотом оправленный и носороговую пряжку к поясу золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей, 30 кусков камки, и 40 кусков шелковых тканей, темномалинового и зеленого цвета. [107] Отправляю сановника для личного представления". Вскоре после этого Модэ [174] умер, 174. Сын /**26**/ его Гиюй поставлен под наименованием Лаошан [108] Шаньюя* [Бичурин_1, 88-95].

Позднее в [царстве] Янь появился мудрый военачальник Цинь Кай, который был послан заложником к ху, и ху стали доверять ему. Возвратившись [в Янь], он внезапно напал на дунху, нанес им поражение и вынудил их отойти более чем на 1000 ли. Цинь У-ян, пытавшийся вместе с Цзин Кэ [63] заколоть циньского вана, был внуком Цинь Кая. [Царство] Янь также построило длинную стену от Цзаояна [64] до Сянпина [65] и образовало для защиты от ху округа Шангу [66], Юйян [67], Юбэйпин [68], Ляоси [69] и Ляодун [70].

В это время из семи борющихся царств [71], в которых носили пояса и шапки чиновников, три царства граничили с сюнну [72]. Позднее при военачальнике царства Чжао, Ли Му [73], сюнну не смели вторгаться в пограничные земли Чжао.

В дальнейшем, после того как Цинь уничтожило шесть царств, [император] Ши-хуан приказал Мэн Тяню [74] во главе войска численностью в сто тысяч человек [75] напасть на севере на ху. [Мэн Тянь] отвоевал обратно все земли к югу от реки [Хуанхэ] [76], создал вдоль Хуанхэ укрепления, построил сорок четыре уездных города у реки и заселил их преступниками, приговоренными к ссылке на границу; проложил прямую дорогу от Цзююаня [77] до Юньяна [78]; затем срезал склоны гор, прокопал рвы в горных долинах и привел в порядок все, что можно было исправить начиная от Линьтао [79] до Ляодуна на

протяжении более 10 тыс. ли [80]. Кроме того, он переправился через Хуанхэ и занял земли между [горой] Яншань [81] и Бэйцзя [82].

В это время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем [83] у сюнну был Тоумань [84]. Тоумань, оказавшись не в состоянии победить [царство] Цинь, переселился на север. ***[38]***

Минуло более десяти лет [85], Мэн Тянь умер, чжухоу восстали против Цинь, в Срединном государстве воцарилась смута, а все сосланные [династией] Цинь для защиты границ были снова убраны [86]. Благодаря этому сюнну почувствовали свободу, постепенно переправились на южный берег Хуанхэ и стали граничить с Срединным государством по старой укрепленной линии.

У шаньюя был старший сын по имени Маодунь [87]. Позднее у него появился младший сын, родившийся от любимой яньчжи [88]. Шаньюй, желая устранить Маодуня и возвести на престол младшего сына, отправил Маодуня заложником к юэчжи. Как только Маодунь прибыл к юэчжи заложником, Тоумань внезапно напал на юэчжи. Юэчжи хотели убить Маодуня, но он украл у них прекрасного коня и ускакал на нем обратно. Тоумань оценил его мужество и приказал [Маодуню] командовать десятью тысячами всадников.

Тогда Маодунь изготовил свистящие стрелы и стал обучать своих всадников стрельбе из лука. Объявив приказ: «Все, кто не станет стрелять туда, куда полетит свистящая стрела, будут обезглавлены», Маодунь поехал на охоту на птиц и зверей: при этом всем тем, кто не стрелял туда, куда летела свистящая стрела, отрубил головы.

Вскоре Маодунь пустил свистящую стрелу в своего прекрасного коня. Некоторые из приближенных не осмелились стрелять, и Маодунь тут же отрубил головы тем, кто не стрелял в прекрасного коня. Некоторое время спустя [Маодунь] снова сам пустил стрелу в любимую жену. Некоторые из приближенных очень испугались и не посмели стрелять. Маодунь отрубил головы и им. Еще через некоторое время Маодунь выехал на охоту и пустил свистящую стрелу в прекрасного коня шаньюя. Все приближенные также выстрелили в него. Маодунь понял, что [отныне] он может полагаться на всех своих приближенных.

Последовав за своим отцом — шаньюем Тоуманем на охоту, он выпустил свистящую стрелу в Тоуманя; все его приближенные тоже выстрелили туда, куда полетела свистящая стрела, и шаньюй Тоумань был убит; после этого [Маодунь] предал смерти мачеху, младшего брата и сановников, не желавших повиноваться ему. [Затем] Маодунь сам вступил на престол и стал шаньюем.

Когда Маодунь вступил на престол, дунху были сильны и достигли расцвета. Узнав, что Маодунь убил отца и вступил на престол, они отправили гонца сообщить Маодуню, что хотят получить бывшего у Тоуманя коня, пробегавшего в день 1000 ли. Маодунь посоветовался с сановниками и все они сказали: «Конь, пробегающий в день 1000 ли, является драгоценным конем для сюнну, не отдавайте его». «Маодунь ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одного коня», и отдал дунху коня, пробегавшего в день тысячу ли.

Через некоторое время дунху, думая, что Маодунь боится ***[39]*** *их, отправили гонца сказать ему, что они хотят получить одну из шаньюйских яньчжи [89]. Маодунь снова*

стал советоваться с приближенными, и все приближенные с негодованием ответили: «Дунху не знают правил приличия, а поэтому и требуют яньчжи. Нападите на них». Маодунь ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одну женщину», взял любимую яньчжи и отдал ее дунху.

Правитель дунху, еще более возгордясь, начал захватывать земли на западе [90]. Между [дунху] и сюнну пролегала брошенная земля, на которой на расстоянии более 1000 ли никто не жил; и те, и другие жили по ее краям, образуя оуто [91]. Дунху отправили гонца сказать Маодуню: «Брошенную землю за пределами оуто, служащей границей между сюнну и нами, сюнну не должны посещать, мы хотим владеть ею». Маодунь снова посоветовался с сановниками и некоторые из сановников сказали: «Это — брошенная земля, ее можно отдать и можно не отдавать». Крайне разгневанный Маодунь ответил: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее». Всем, советовавшим отдать землю, он отрубил головы.

[Затем] Маодунь сел на коня, приказал рубить голову каждому в государстве, кто опоздает явиться [92], двинулся на восток и внезапно напал на дунху. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Маодунем, не принимали мер предосторожности. [Поэтому], когда Маодунь во главе войск совершил нападение, он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежавший ему домашний скот.

Возвратясь, [Маодунь] напал на западе на юэчжи и прогнал их; на юге он присоединил земли, лежавшие к югу от Хуанхэ и принадлежавшие правителям [племен] лоуфань и байян: (вторгся в Янь и Дай), полностью вернул сюннуские земли, отобранные Мэн Тянем по приказу [императора] Цинь и установил с Хань границу по прежней укрепленной линии к югу от Хуанхэ, [расширив свои владения] до Чжаона [93] и Фуши [94], после чего стал вторгаться в Янь и Дай [95].

В это время ханьские войска были заняты борьбой с Сян Юем [96], Срединное государство было утомлено, военными действиями; это помогло Маодуню усилиться, у него набралось свыше трехсот тысяч лучников.

Со времени Шунь-вэя до Тоуманя прошло более тысячи лет [97], в продолжение которых [сюнну] временами усиливались, временами слабели, распадались и делились, но это было так давно, что невозможно выяснить и последовательно изложить переходы власти от одного правителя к другому.

*При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству, поэтому переходы власти от одного правителя к другому и названия государственных чинов [с этого времени] можно выяснить и изложить [98]. **[40]***

Ставятся левый и правый сянь-ваны (букв. мудрый ван); левый и правый лули-ваны; левый и правый великий военачальник; левый и правый великий дувэй; левый и правый великий данху; левый и правый гудухоу. Сюнну называют мудрого «ту-ци», поэтому старший сын [шаньюя] назначается левым туци-ваном. От левого и правого сянь-ванов до данху, сильных, имеющих десять тысяч всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч [всадников], — всего двадцать четыре начальника, для которых установлено звание — вань-ци [99]. Все сановники занимают должности по наследству. Три фамилии Хуянь, Лань и позднее появившаяся Сюйбу считаются у сюнну знатными родами.

Все князья и военачальники левой стороны живут на восточной стороне против [округа] Шангу и далее, гранича на востоке с Хуйхэ и Чаосянь; князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне, против [округа] Шанцзюнь и далее на запад, гранича с юэчжи, ди и цянами; ставка шаньюя располагается против [округов] Дай и Юньчжун. Каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый и правый лули-ваны. Левый и правый гудухоу помогают [шаньюю] в управлении. Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников [100], дувэев, данху и цецзюев.

В 1-й луне [каждого] года все начальники съезжаются на малое собрание в ставку шаньюя и приносят жертвы. В 5-й луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота.

По существующим среди них законам, извлекший [из ножен] меч на один фут подлежит смерти [101]; у виновного в краже конфискуется семья [102]; совершивший легкое преступление наказывается ударами палкой [103]; совершивший тяжелое преступление предается смерти. Самый продолжительный срок заключения в тюрьме — не более десяти дней, и во всем государстве число заключенных не превышает несколько человек.

*Утром шаньюй выходит из ставки и совершает поклонение восходящему солнцу, вечером совершает поклонение луне. Когда садится, то обращается лицом на север, и левая сторона от него считается почетной. Из дней превыше всего ценят приходящиеся на [циклические знаки] у и сы [105]. Для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро, одежды и шубы [106], но не насыпают могильных холмов, не сажают деревья [107] и не носят траурных одежд. Любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу, и количество их достигает самое большее несколько тысяч или сотен человек [108]. **[41]***

Затевая войну, наблюдают за положением звезд и луны [109]; при полнолунии нападают, при ущербе луны отступают. Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают

захваченную добычу, а взятых в плен делают [его] рабами и рабынями. Поэтому каждый, естественно, воюет ради выгоды. Искусно заманивают врага для того, чтобы окружить его. Поэтому, когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому, как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение и терпят поражение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются, подобно облакам. Кто привезет с поля боя тело убитого, получает все имущество [его] семьи [110]. Позднее, когда [Маодунь] покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли [111], все знатные люди и сановники сюнну подчинились [ему] и стали считать шаньюя Маодуня мудрым.

В это время [император] династии Хань, только что водворивший спокойствие в Срединном государстве, дал Синю, носившему титул Хань-вана [112], новое владение в Дай с местопребыванием в Маи [113]. Крупные силы сюнну напали на Маи и окружили город, после чего Синь, имевший титул Хань-вана, сдался сюнну. После перехода Синя на сторону сюнну, они послали войска на юг, пересекли [горы] Гоучжу, напали на [округ] Тайюань [114] и подошли к Цзиньяну [115].

[Император] Гао-ди, лично возглавив войска, выступил против сюнну. В это время была зима, стояли сильные морозы, шел снег, из каждого десятка солдат два или три потеряли [от мороза] пальцы. Маодунь, притворившись побежденным, стал отступать, заманивая ханьские войска. Когда ханьские войска начали преследование, Маодунь сделал засяду из отборных воинов и выставил слабых; тогда все ханьские войска, насчитывавшие триста двадцать тысяч воинов, главным образом пехотинцев [116], устремились преследовать разбитого противника.

Гао-ди раньше других прибыл в Пинчэн [117] когда сюда еще не подошла вся пехота. Воспользовавшись этим, Маодунь выпустил четыреста тысяч отборных всадников, которые окружили Гао-ди [на горе] Байдэн [118] и в течение семи дней ханьские войска, находившиеся в [горах] и вне [их] не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продовольствием. Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых [лошадях], на восточной стороне - на серых с белым пятном на морде, на северной стороне - на вороных и на южной стороне — на рыжих лошадях [119].

*Гао-ди отправил гонца, поручив ему тайно передать яньчжи богатые подарки, и яньчжи сказала Маодуню: «Вы, два государя, не мешаете друг другу. Если ныне и будут захвачены ханьские земли, все равно ты, шаньюй, никогда не сможешь жить на них. Кроме того, у правителя Хань также могут быть хитрые замыслы, подумай об этом, шаньюй». **[42]***

Маодунь условился с Ван Хуаном и Чжао Ли — военачальниками Синя, носившего титул Хань-вана, о сроке соединения войск, но войска Ван Хуана и Чжао Ли не прибыли, а поэтому он стал подозревать, что они вступили в сговор с [императором] Хань. В связи с этим он вспомнил слова яньчжи и снял в одном месте окружение. Тогда Гао-ди приказал своим воинам, держа в руках натянутые луки, обращенные стрелами в сторону [врага], выходить через открывшийся проход и таким образом в конце концов соединился с основными силами [120]. Вслед за этим Маодунь вернул свои войска обратно. Ханьский император тоже отвел войска и прекратил военные действия, повелев Лю Цзину [121] заключить [с сюнну] договор о мире, основанном на родстве.

После этого Синь, имевший титул Хань-вана, ставший военачальником у сюнну, а также Чжао Ли и Ван Хуан несколько раз в нарушение договора вторгались и грабили округа Дай и Юньчжун. Спустя некоторое время Чэнь Си [122] поднял восстание и, сговорившись с Хань Синем, напал на Дай. Для отражения нападения [император] Хань послал Фань Куая, который снова занял уезды в округах Дай, Яньмынь и Юньчжун, но не вышел за границу.

В это время многие ханьские военачальники во главе войск переходили на сторону сюнну [123], а поэтому Маодунь часто нападал на земли округа Дай и грабил их. Так как [государство] Хань страдало от этого, Гао-ди послал Лю Цзина пожаловать шаньюю принцессу из императорского рода в яньчжи, обещать ежегодно посылать в подарок определенное количество шелковой ваты, шелковых тканей, вина, риса и продуктов питания и условиться об установлении братских отношений [двух государств]. Благодаря этому был заключен договор о мире, основанном на родстве, и Маодунь несколько сократил набеги.

Позднее Лу Вань, носивший титул Янь-вана [124], поднял восстание, перешел на сторону сюнну во главе нескольких тысяч сообщников и стал беспокоить набегами земли к востоку от округа Шангу.

После кончины Гао-цзу, при императоре Сяо-хуе и вдовствующей императрице Люй[125], поскольку династия Хань только что утвердилась, сюнну относились к ней с высокомерием. В связи с этим Маодунь написал и отправил Гао-хоу [126] письмо, в котором содержалась глупая болтовня. Гао-хоу хотела [послать войска] против Маодуня, но все военачальники сказали: «Даже император Гао-ди, отличавшийся мудростью и военным талантом, и то попал в трудное положение в Пинчэне», после этого Гао-хоу отказалась от своего намерения и снова стала поддерживать с сюнну мир, основанный на родстве [127].

Когда на престол вступил император Сяо-вэнь, он снова стал прилагать усилия к укреплению договора о мире, основанном на родстве. ***[43]***

В 5-й луне на 3-м году его правления (177 г. до н. э.) сюннуский правый сянь-ван вторгся в земли к югу от Хуанхэ и поселился [там], оттуда [он] стал нападать на варваров в округе Шанцзюнь, оборонявших границы [128], грабить их, убивать и угонять в плен население. В связи с этим император Сяо-вэнь повелел главному помощнику [129] Гуань Иню отправить против сюнну боевые колесницы и конницу общей численностью восемьдесят пять тысяч воинов, выехать в Гаону [130] и напасть на правого сянь-вана [131]. Правый сянь-ван отошел за укрепленную линию. Вэнь-ди прибыл в округ Тайюань. В это

время Цзи-бэй-ван поднял восстание, а поэтому Вэнь-ди возвратился [в столицу] и отозвал войска главного помощника, напавшие на хусцев [132].

В следующем году (176 г. до н. э.) шаньюй отправил [императору] Хань письмо, в котором говорилось: «Поставленный небом великий шаньюй сюнну почтительно спрашивает о здоровье императора. В прошлом император говорил о мире, основанном на родстве, и в соответствии со смыслом [посланного мне] письма между нами воцарились согласие и радость. [Однако] ханьские пограничные чиновники стали притеснять и оскорблять правого сянь-вана. и правый сянь-ван, не испросив [моего] разрешения, а по советам Хоуилухоу Наньчжи и других лиц вступил в борьбу с ханьскими чиновниками, расторгнул договор между двумя государями и нарушил существовавшие братские отношения. Получив ваше вторичное письмо с упреками, я отправил гонца с письменным ответом, но гонец не вернулся, а ханьский посол не прибыл [133]. Таковы причины недружелюбия Хань и недоверия соседнего с ней государства.

Ныне, поскольку из-за мелких чиновников был нарушен договор, я наказал правого сянь-вана, отправив его на запад [на войну] против юэчжи. Благодаря милости неба командиры и воины были в хорошем состоянии, а лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжи, которые были истреблены или сдались. Я усмирил [также] лоуланей, усуней, хуцзе и двадцать шесть других соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну [134]. Итак, все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью. Поскольку северные области уже усмирены, я хотел бы прекратить войну, дать отдых воинам, откормить лошадей, забыть прошлое и возобновить старый договор, дабы успокоить пограничное население и восстановить первоначальное положение, чтобы малолетние могли достигать зрелого возраста, а старики спокойно жить на своих местах, наслаждаясь из поколения в поколение спокойствием и радостью. Так как я не знаю ваших намерений, посылаю телохранителя [135] Сихуцяня с письмом, в котором прошу высказать их, [а также] подношу одного верблюда, две верховые лошади и две упряжные четверки. Если вам нежелательно, чтобы сюнну приближались к границе, то прикажите [своим] **[44]** *чиновникам и народу селиться от границы подальше. По прибытии гонца отправьте его сразу обратно, с тем чтобы в середине 6-й луны он вернулся в земли Синьван [136].*

Получив письмо, [император] Хань стал обсуждать, что выгоднее — написать на сюнну или же соблюдать договор о мире, основанный на родстве. Все сановники сказали:

«Шаньюй только что разбил юэчжи, он воодушевлен победой и [сейчас] нападать на него нельзя. Кроме того, если мы и приобретем земли сюнну, то жить среди озер и солончаков все равно не сможем. Выгодней всего мир, основанный на родстве». [Император] Хань согласился с этим мнением.

На 6-м году первого периода правления Сяо-вэня (174 г. до н. э.) [137] *император Хань направил сюнну письмо следующего содержания: «Император почтительно спрашивает о здоровье великого шаньюя сюнну. В вашем письме, доставить которое было велено телохранителю Сихуцяню, говорится: «Правый сянь-ван, не испросив [моего] разрешения, а послушав советов Хоуилухоу Наньчжи и других лиц, расторг договор между двумя государями и нарушил установившиеся братские отношения, что послужило причиной недружелюбия Хань и недоверия соседнего с ней государства. Ныне, поскольку из-за мелких чиновников был нарушен договор, я наказал правого сянь-вана, отправив его на запад [на войну] против юэчжи, которые [теперь] усмирены. Я хотел бы прекратить войну, дать отдых воинам, откормить лошадей, забыть прошлое и возобновить старый договор, дабы успокоить пограничное население, чтобы малолетние могли достигать зрелого возраста, а старики спокойно жить на своих местах, наслаждаясь из поколения в поколение спокойствием и радостью».*

Мы весьма одобряем эти слова, ибо в них мысли мудрых правителей древности. [Династия] Хань условилась быть с сюнну братьями, а поэтому шаньюю посылались щедрые дары. Нарушение договора и разрыв братских отношений происходили всегда по вине сюнну. Однако, поскольку правый сянь-ван совершил проступок до объявления прощения [преступников], шаньюю не следует более строго наказывать его. Если ваши намерения, шаньюй, совпадают со смыслом нашего письма, предпишите ясно всем чиновникам не нарушать договор, честно соблюдать его и уважать, как об этом написано в вашем письме.

Гонец рассказал, что сам шаньюй успешно командовал войсками в походе против [чужих] владений и очень устал от военных действий. [В связи с этим] я повелел дворцовому советнику [138] *И и эчжэ* [139] *Лин Цзяню вручить вам в подарок одежду* [140]*: нестеганый халат из шелковой ткани с вышитым цветным узором на подкладке из узорчатой тафты, нестеганый халат и длинную курму из шелковой ткани с вышитым цветным узором, стеганый халат* [141] *из шелковой ткани с затканным узором - по одной штуке каждого вида; гребень* [142] *- одна* ***[45]*** *штука; золотой пояс, украшенный раковинами* [143]*, - одна штука; золотая пряжка [для пояса] - одна штука; шелковая ткань с вышитым цветным узором - 10 кусков; шелковая ткань с затканным узором - 30 кусков; толстый красный и обычный гладкий зеленый шелк - по 40 кусков»* [144].

Вскоре после этого Маодунь умер, и на престол вступил его сын Цзиюй, под именем Лаошан шаньюй [Сыма_3, 3-29].

В публикуваната досега, вече твърде обширно-богата литература по въпроса, прабългарската титл. *багатур* получава най-различни, но във всички случаи взаимно-изключващи се, пък и вътрешно-противоречиви и непоследователни обяснения и описания в аспекта на своя произход, фонетико-морфологичен строеж, значение, функция и употреба. Така например, прабългарската титл. *багатур* е древна тюрко-монголска дума, възможно с ирански произход (R.

Schmitt); тя се извежда най-общо от иранските езици (Б. Симеонов); от монголските езици (Ст. Йорданов); от тюркските езици изобщо, като в тях тя има „древни предтюркски корени“ и източник за които е персийският език, но така също и от иранските езици изобщо и от аланския език в частност, от хунските, т.е. хуно-монголските или тюрко-монголските езици (Т. Славова); от ранносакския език (А. Дыбо); от тюрко-монголските езици (C. Fleischer) и др. Твърди се, че е „съществувала самостоятелна титла багатур“, която „била длъжностна титла, присъждана само на багатура на престолонаследника и багатура на царя“, но същевременно багатурите са „елитна войска, чиито представители са членове на личната императорска гвардия и от благороден произход, командват различни отряди, изпълняват военни задачи и придружават представители на владетели в мисии в чужбина“ (К. Попконстантинов). И все пак, възможно най-куриозно-неадекватното мнение по въпроса е устно споделеното с И. Шервашидзе [1990] предположение на О. Мудрак, че тази титла има за основа названието *Бактрия*, докато според него лично „5. **batur, bayatur „герой, богатырь“.** Надежных этимологий слова не имеют.“ [90]:

*Ebenfalls Bestandteil zusammengesetzter Titel, aber immer erster Bestandteil und mehrfach mit bagainoV kombiniert ist bagatour, das in zahlreichen türkischen und mongolischen Sprachen seit alters weit verbreitete Wort bagatur „Held” [18], das ursprünglich Titel solcher Männer war, die sich im Nahkampf besonders ausgezeichnet hatten und das weithin, u. a. in die slavischen Sprachen, ins Persische (bahādur) und von da sogar als Ehrentitel ins Urdu, ins Angloindische und in gelehrtes modernes Sanskrit [19] entlehnt worden ist. Neben bagatour steht in der protobulgarischen Inschrift Nr. 67,5 f. die Variante bogotor, die am ehesten wiederum mit Besevliev [20] als slavisierte Form mit o statt a verstanden werden kann. Dieses alte türkisch-mongolische Wort begegnet übrigens auf dem Balkan im 14. Jahrhundert sowohl als Name eines osmanischen Heerführers MpacatourhV wie auch, wahrscheinlich, als der eines byzantinischen Heerführers Pacatour[21] Schon diese weite, sozusagen pan-altaische Verbreitung läßt iranische Herkunft dieses Titels nicht eben wahrscheinlich werden. Gleichwohl hat Altheim [22] iranischen Ursprung vermutet, und zwar aus mittelpers. *bag-ātur, [23] nach seiner Obersetzung „einer, dessen Feuer Gott (oder Mithra) ist.” Er konnte dabei nicht ahnen, daß Philippe Gignoux [24] auf einer sasanidischen Bulle tatsächlich den Eigennamen bg°twr' /Bag-ātur/, jünger /Bay-ādur/ finden würde, eines der zahlreichen onomastischen Zeugnisse für den zoroastrischen Feuerkult. Bei näherem Hinsehen muß man allerdings feststellen, daß zu der Zeit, als die Türken diese ganz typisch persische und nicht etwa nord- oder ostiranische Form hätten übernehmen können, schon lange der jüngere mittelpersische Lautstand bayādur erreicht war, zu dem die türkischen Belege nicht passen, so daß die ganze These hiermit in sich zusammenbricht. Altheim hatte seine Deutung ausdrücklich gekoppelt mit einer (allerdings nicht weiter begründeten) Ablehnung einer anderen iranistischen Herleitung des Wortes durch Walter Bruno Henning [25]. Dieser hatte bereits die Form der ältesten Belege auf den Runeninschriften vom Orchon, batur, aus ostiran. „*bagt(a)r” herleiten und diese Form mit dem Nomen aeentis avest. baxtar- „Zuteiler“ [26] verknüpfen wollen. Operiert wird dabei ausdrücklich mit einem Vokal von unbestimmter Klangfarbe, weil daraus dann ja türk.-mongol. u/y werden soll. Auf die turkologischen Schwierigkeiten, die vornehmlich chronologischer,*

*belegchronologischer Natur sind und mit denen sich Menges [27] abmühte, muß nicht weiter eingegangen werden, weil die iranistischen Einwendungen schon den Ausgangspunkt umwerfen: Jener ‚indeterminierte' Vokal der Suffixsilbe ist nicht akzeptabel, da zwingend vielmehr die Übernahme entweder einer Nominativform –baxtā bzw. *bagdā oder einer Obliquusform vom Stamm *baxtār- bzw. *bag-dār- erwartet werden müßte. Vor allem aber müßte die inlautende Konsonantengruppe - es liegt iran. *-xt- zugrunde — im Ostiranischen lautgesetzlich als -gd- erscheinen, allenfalls, mit morphologischer Verdeutlichung des Suffixes -tar-, als restituiertes -xt-; völlig ausgeschlossen aber und ohne jede Parallele ist das ad hoc angenommene *-gt-! Da eine dritte, aus dem letzten Jahrhundert stammende Etymologie [28] noch weit stärkeren Bedenken ausgesetzt ist, deutet also bei bagatour wiederum alles auf türkisch-mongolischen Ursprung oder noch ältere Herkunft von einem Steppenvolk* [Schmitt 2010, 3-4].

На основе этих примеров можно сделать вывод, что βαγατουρ *– не титул и не название должности, а лишь только эпитет, определение к* βαγαινος. *М. Ресенен придерживается мнения, что богатур имеет монгольское происхождение и означает „герой, смелый, смельчак" и ссылается на Г. Рамстедта. Это мнение воспринято и М. Фасмером по поводу этимологии русского слова богатырь. К. Менгес, а вслед за ним и Г. Моравчик более убедительно доказывают иранское происхождение этого титула, так как обнаруживают его и в староиндийских и среднеиндийских памятниках с тем же значением в формах bagatur/bagadur. Кроме того, титул явственно расчленяется на две свои индоевропейские составные части baγa и tur/dur, которые встречаются в иранских языках* [Симеонов 1981, 42].

Ролята на пограничните воински формирования изпъква отново през 927 г., когато в Хърватско бил унищожен български отряд, воден от αλογοβοτουρ. *Ив. Венедиков възстановява титлата във вида* ολγουβογοτουρ. *[21]. В такъв случай, както вече предположих [22], това е водач на формирование от олгани ("батур[багатур] на огланите [олганите]") и следователно също е длъжност в системата на юношеските възрастови погранични формирования. Бих обърнал също така внимание върху сравнително точната съответка на титлата *олгубагатур, която откриваме в монголската титла хулег-багатур. Ако се съди по текста на "Тайната история на монголите" ($163 на глава 5), това са 4-ма военни функционери – преки помощници на Чингис-хан. Възможно е те също да са били свързани със системата на юношеските воински формирования, като се има предвид, че изглежда Чингис-хан изгражда своята огромна "империя" на базата на предводителстването на полововъзрастовите Männerbünde. Тази хипотеза на Ом. Притсак, за съжаление позната ми само по библиографски път (от позоваването върху нея на Л. Гумильов) [23] подкрепя реално подобна трактовка, която ще се основава по такъв начин не само върху съвпадението на термините, но и върху практически значителната им типологическа съпоставимост* [Йорданов 2005, 6].

Следователно, от структурата на текста върху двата печата на Йоан багатур и седемте печата на Михаил багатур става ясно, че титлата βαγατουρ *се отнася към притежателите на печатите Йоан и Михаил, които са багатури на престолонаследника.*

И. Венедиков отбелязва, че „багатурите се превърнали в елитна войска, чиито представители, подобно на византийските спатарии и протоспатарии, членове на личната императорска гвардия и от благороден произход, командват различни отреди, изпълняват военни задачи и придружават представители на владетели в мисии в чужбина.

В такъв случай трябва да се приеме, че е съществувала самостоятелна титла багатур, тясно свързана с ханската, а по-късно с княжеската фамилия – именно на това лице владетелят е поверявал не само дипломатическите мисии, но и възпитанието и дори личната охрана на престолонаследника.

Тази титла е „била длъжностна титла, присъждана само на багатура на престолонаследника и багатура на царя. Тази титла се нарежда сред най-висшите служби в царския двор, вследствие на което нейният носител е имал право единствен след царя да има печат.“ Багатурите са „част от институционалната система в първото българско царство“, които притежават „собствен печат с личното име, титла и пояснението, че е ***„багатур на престолонаследника“.*** *Спорни и неразрешени окончателно остават „редица въпроси, свързани с групата на т. нар. престолонаследнически печати“* [Попконстантинов 2008, 68-79].

During the last few decades one can notice the increase in the number of the bagatour seals which played an important role in elucidating various problems related to the title and function of the heir to the throne in medieval Bulgaria and to his actual position in the state hierarchy. A special contribution to that set of questions have been made by the two seals with the name of Ioannes bagatour, six seals with the name of Michael bagatour, and four other seals the legend on which, according to Ivan Yordanov, must be read as ***κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ βαγατουρ (τῆς) βασιλείας τῶν) Βουλγάρων.****The discovery of one more seal of* ***Μηχαήλ βαγατουρ*** *with the legend* ***+ γ(ύρι)ε βοήθητῶ) σῶδούλωΜηχαήλβαγατουρκανέηρτχθηνος,*** *a piece in a very good condition, has provided a safe ground for the correct reading of the Greek transcription of the title* ***κανέ ηρτχθηνος*** *borne by the heirs to the throne of Tsar Boris I Michael (852-889) and Tsar Symeon (893-927). Moreover, the seals of the anonymous bagatour call for a reconsideration of the seals of Ioannes bagatour and Michael bagatour usually attributed to the sons of Tsar Symeon. Thus, on the basis of painstaking linguistic analysis and analysis of the content and structure of the text on the three groups of seals, the present article suggests that the seals of the bagatours*

Ioannes and Michael in fact belonged to personal officers and mentors (bagatours) of the heirs to the throne and members of a common family known from a marginal note from AD 867 in the Cividale Gospel. The correct reconstruction of the text on the thirteen bagatour seals throws light on the distinctive activity and particular role played by the bagatour in the royal court and its position in the courthierarchy in the time of the tsars Boris and Symeon. Apparently, the services of the two bagatours Ioannes and Michael to the state and the ruling dynasty were highly acknow-ledged as particularly demonstrated by the participation of Ioannes in a number of diplomatic missions to Rome followed by his son Sondoke as an active contributor to the Bulgarian diplomacy. The services of both Ioannes and Michael are related to the time of Tsar Boris and after his retirement, to the time of Vladimir-Rasate and Tsar Symeon. As a member of the high nobility Ioannes bagatour occupied the position and hold the title of βαγατούρκανάηρτχϑηνω*, a high manifestation of the royal confidence by entrusting to him the care and education of the royal first-born son. On the basis of the thirteen lead seals of bagatours, nine out of which of* βαγατούρκανάηρτχϑηνω/-ηνος *(bagatoor of the heir to -the throne) and four of* βαγατούρ(τοῦ) βασι(λέως τῶν) Βουλγάρων *(bagatour of the emperor of the Bulgarians), all dated to the 9th-10th c., it became evident that throughout a particular period of time only one person was allowed to hold that title which we found only in our native sources. Since that title corresponded to the highest services in the royal court and therefore, its bearer was the only one in addition to the tsar who was given the privilege to have his own seal. -Such an interpretation brings us to an unexpected yet logical interpretation of the bagatours as a part of the rank system of the First Bulgarian Kingdom and thus, complements the data for the Bulgarian ranks provided in De ceremoniis by Constantine Porphyrogenitus* [Popkonstantinov 2011, 1].

От предложения прочит и превод следва, че Михаил и Йоан може да са носили по две титли, едната „багатур", а другата „кана-и-рихтун". Най-вероятно през посочената епоха титлата „багатур" е давана на малък брой лица за да се подчертае тяхната кръвна, родствена и друг вид връзка с върховния владетел, или на самия владетел. От друга страна, конкретната длъжност и мястото, което лицето заема в държавната йерархия, се посочва от съответната за това титла – багаин, боила, колобър, зитко, таркан и др. под.

Този извод напълно се съгласува и подкрепя от предложения по-горе прочит. В случая титлата βαγατουρ *явно показва, че Михаил и Йоан са лица, близкородствени на владетеля, най-вероятно на Симеон, т.е. това биха могли да бъдат неговите синове от първия брак. Действителната им служба и функция в държавния апарат се дава от втората титла, „кана-и-рихтун"* [Минкова, Иванов 2016, 238-243].

Обобщено сведенията за почетното достойнство багатур и неговите носители изглеждат така (в хронологичен порядък): Коренът bag- в βαγατουρ е същият като в βαγαινος. *Форми ba:tir, pa:tir, batir, patir, padir, batur, bahadur, bahidur, bahadir и др. се пазят във всички тюркски езици с първично значение 'герой, храбрец; решителен, мъжествен, смел, доблестен'; в ст.уйгур. Bαγatur, Batur са собствени имена (СЕВОРТЯН 1978: 82-85, СИГТЯ 2001: 560). Обикновено тюрк. ba:tur се разглежда като иранска заемка в ст.тюркски, срв. авест. baχtar, перс. bahdur, съвр. перс. behader, санскр. b'aktr- (MENGES 1951: 93-95, ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1959: 33, СИМЕОНОВ 1981: 42,*

*БАСКАКОВ 1985: 40). Други учени извеждат хунски (CLAUSON 1972: 313), хуно-монголски или общоалтайски (тюрко-монголски) произход (монг. bagatur 'герой, лидер', калм. batr; RAMSTEDT 1951: 76, ФАСМЕР 1986: 183, СЕВОРТЯН 1978: 83–85), трети намират най-пряка връзка с алански форми (осет. baegataer, baegatyr 'храбър, храбрец, богат, безстрашен' в надписи от X-XII в. като собствено име на царя на аланите Baegataer и като название на осетински вождове; АБАЕВ 1959: 245-246, АБАЕВ 1972: 277-278; GOLDEN 1980: 156), а за четвърти етимологията остава неясна (ШЕРВАШИДЗЕ 1990: 90). И в унгарски има дълга и кратка форма със значение 'смел', аналогично на тюркските *bаγatur и *bator; срв. и бълг. топоним Батур в Южните Родопи (GRANBERG [forthcoming]: Dictionary 48).*

*Въпреки различните гледни точки относно етимологията на тюрк. *bаγatur (респ. прабълг. **βαγατουρ, βογοτορ**), със сигурност може да се каже, че думата е чужда заемка в тюркски и има древни предтюркски корени. Появата ѝ в тюркски през средновековния период е главно чрез форми със средисловно -h-, което предполага непосредствен персийски източник (CLAUSON 1972: 313). Формите **βογοτορ**, **Ἀλογοβότουρ** с -о- в корена показват обичайния славянски развой *a>o, запазен в* **богатырь** *(руски летописи, СРЕЗНЕВСКИЙ 1893: 127) и в рус. богатырь, укр. богатир, брус. богатыр, пол. bohater, bohatyr (ФАСМЕР 1986: 183), може би свързани с богатъ. По-късно тюрк. *bаγatur е преосмислено и като лично име, напр.* **Μπαχτούρης** *– османски пълководец от 1329 г.*

История на Йоан Кантакузин (MORAVCSIK 1958: 83; други примери у ФЕХЕР 1929: 151).

Можем да заключим, че с почетното звание **βαγατουρ** *са били удостоявани изключително влиятелни личности от държавната йерархия (владетели, престолонаследници, жреци колобри, багаини), които не са били, както обикновено се смята, само военни предводители. При това значението на* **βαγατουρ** *не ще да е било само 'смел, храбър, силен, герой, юнак', разбирано в тесен воински смисъл, но и 'знатен, виден, славен' (подобни вторични значения има в някои тюркски езици – СЕВОРТЯН 1978: 82, CLAUSON 1972: 313). Защото ако семантика 'смел, храбър и др. под.' подхожда на военни лица като багаините (ὁ* **Σλαβνας ὁ βαγατουρ βαγαινος, βαγατουρ βαγαινου***), то за владетел (***βαγατούρ βασι[λεύς] Βουλγάρων***), престолонаследници (***Μιχαηλ βαγατουρ κανε ιρτχινω, Ἰωαννη βαγατουρ κανα ηρτχινω***) и жреци / колобри* (Τζεπα βογοτορ βοηλα κουλουβροσ) *подобно определение звучи неестествено. Възможно е прабългарското почетно звание багатур да е запазило нещо от древната индо-иранска семантика, срв. стперс. baga-, авест. bαγa, парф. bαγ 'господин ', иран. bagh, согд. bag 'богат, силен' < ср.иран. *bag 'господин, управник, господар', ст.инд. *bhága, bhagah, bhágas 'благосъстояние, имущество'. При всички случаи обаче ще трябва се съгласим с мнението, че* **βαγατουρ** *не е название на длъжност, а само "почетен епитет" (ФЕХЕР 1929: 159), "почетно прилагателно" (ФЕХЕР 1925: 83), "епитет, определение" (СИМЕОНОВ 1981: 42) и по-точно почетно достойнство (звание), което е битувало сравнително продължително в обществения живот на Първата българска държава, поне от 870 г. (Писмо на Анастасий Библиотекар до папа Йоан VIII) до към 30-те години на X в. (Надписи върху оловни печати на престолонаследниците Михаил и Йоан)* [Славова 2014, 128-129].

*Обычно толкуется как отражение тюрк. *bagatur (Clauson, Studies, 19), но при данном чтении эта гипотеза фонетически не проходит, каково бы ни было происхождение тюркского слова. Ср.: ПТ *bagatur 'герой', як. bātir, тув. mādir, др.-тюрк. bαγatur (орхон., и. с.), хрзм.-т. bahatur, ССит. bαγatur, туркм., кирг., галт. bātir (EDT 313; VEWT 55; TMN II 366–377; ЭСТЯ 1978, 82–84). Поскольку имена собственные вообще допускают большую свободу толкований, ничего определенного тут сказать нельзя. Возможна, в частности, связь с раннесакским *mudra- 'драгоценность' - не заимствованным из санскр. *mudra-, а его этимологической параллелью в иранском > хот.-сак. mūrā 'name of a coin; jewel' (Bailey 336) при ср.-перс. muhrak, перс. muhr (ср. др.-перс. имя Mudrāya-; впрочем, последнее, исходя из его эламской транскрипции mu-iṣ-ṣa-ri-ya, принято читать miθriya и толковать как «египтянин», см. Benveniste, Titres et noms, 89)* [Дыбо 2013, 111].

Bahādor, *a Turco-Mongol honorific title, attached to a personal name, signifying "hero, valiant warrior." In the form bagatur (from which bahādor derives) the term was in use among the steppe peoples to the north and west of China as early as the seventh century, according to the history of the Sui dynasty (589-619), and it is found as Old Turkish batur a century later in the Köktürk khanate. Further to the west, the Proto-Bulgars used bagatur in the ninth century. As an honorific formally conferred upon an individual by the ruler, bagatur (also baʾatur) was given currency by Jengiz (Čengīz) Khan (whose father was called Yesügei Bagatur), who*

awarded this designation to those members, reportedly one thousand in number, of his personal forces whom he wished to recognize for outstanding valor and service. This use of baḡatur/bahādor was continued in the Mongol successor states. In the Ulus Chaghatay (Čaḡatāy), for example, according to the Tārīḵ-erašīdī, the chief figures of state around the khan included, alongside the great tribal chieftains, a large group of bahādors, men with no following of their own who were yet recognized by the khan for their personal qualities and achievements; and in the Indo-Timurid state established by Bābor the title was commonly conferred upon major men of state whose ties were primarily to the dynasty rather than to their own kin groups. Bahādor remained in use in India even under British rule.

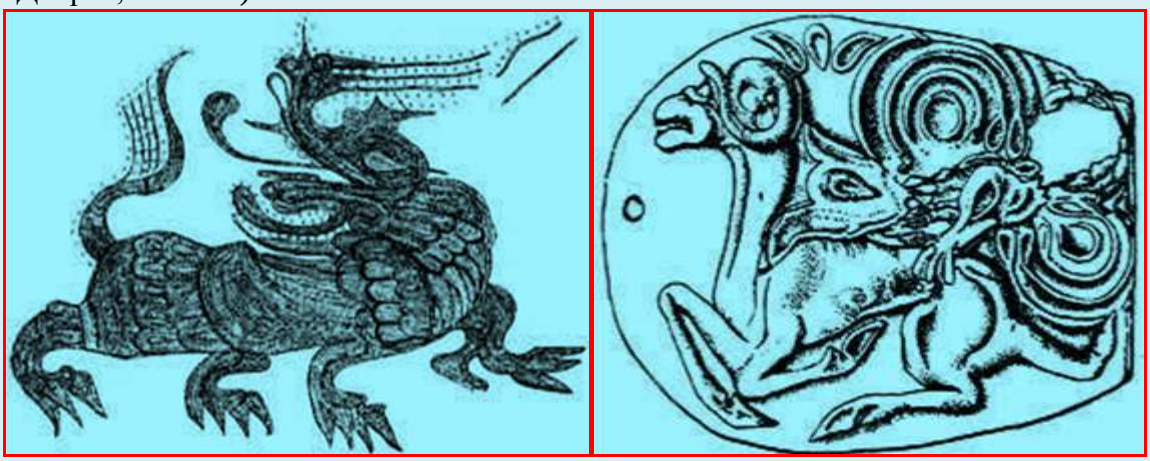
Bahādor was also adopted as a regnal title by Muslim Mongol and Turkman dynasts. The first to do so was the il-khan Abū Saʿīd (716-36/1316-35), who had himself styled "al-solṭān al-ʿādel Abū Saʿīd bahādor ḵān" in official documents. This regnal usage was followed by the dynasts of the Jalayerid, Timurid, Qara Qoyunlū, Āq Qoyunlū, Safavid, Indo-Timurid, and, most particularly, Özbek states [Fleischer, 2016, 1].

Повече от очевидно, гореприведените извадки дават повече от добра представа не само за най-новото състояние на проученост на проблема, но и за огромните трудности, които препречват пътя на всеки опит за неговото най-после окончателно-безапелационно и достатъчно задоволително решаване. Затова сега и тук трябва само да се отбележи, че единственото, което така и не може да се разбере от въпросните извадки, е от и в кой именно език, къде и кога в края на краищата произлиза, възниква и се образува прабългарската титл. *багатур*, кои са нейните апелатив и етимон, при какви културно-исторически условия се е разпространила и преминала към това огромно множество от езици, спадащи към най-различни езикови семейства, и не на последно място, какви точно са нейното значение, номинативна функция и употреба в прабългарския език по време на Първото българско царство.

Възможно най-добрата отправна точка и безценният в случая ориентир е неоспоримо-очевидният факт, че още през III в. пр.н.е., на основата на титл. *багатур* или пък на съответното нарицателно съществително име, възниква и се образува млим *Багатур*, кит. *Maodun* 冒頓單于/冒顿单于 на първия български император в Централна Азия каган Багатур (209-174), велик пълководец, завоевател, политик и дипломат от световен мащаб за всички епохи и времена (Е. Паркер). През тази епоха българите се разпростират и заемат земите на север-северозапад от Китай. До тук те достигат много след като малко преди края на IV хил. пр.н.е. прототюрките се разделят съответно на огуротюрки и огузотюрки. Недълго след това огуротюрките, или от вътрешна гледна точка, българите (Булгари, Bulgarians) се съсредоточават и консолидират в Минусинската котловина. Тук през цялото III хил. те встъпват в най-близко интензивен етнолингвистичен контакт с индоирански племена, от които заимстват коня, а в езика им преминават такива думи като *барс, верени, кюпе* и др.

Към края на III хил. пр.н.е. индоиранците започват да се разпадат на собствено индийски от една страна и ирански от друга, клон от племена и народи. Същевременно българите вече се делят на три основни подгрупи като прабългари

или болгари (Bolgars), авари и хазари. Българите излизат на историческата сцена, появявайки се от към Алтай и заемайки западните покрайнини на днешната пустиня Гоби, която по онова време е превъзходна за скотовъдство безбрежно-зелена тревиста степ. Именно тези събития са отразени и в древнокитайските летописи. Те наименоват българите не само чрез общо-родовия за тази епоха етнм *Xiongnu*, който в съвременните азиатски и европейски езици се предава главно като *Хунну/Сюнну*, но така също и чрез техния собствен етноним в неговата първично-основна форма **болк*, от една страна, и от друга страна, в неговата вторично-производна форма **болгар*, фонотактически реинтерпретирани и транскрибирани съответно през отделните периоди от състоянието и развитието на старокитайския език съгласно неговите структурно-типологическите черти и особености като *пугу* (Бичурин) и ***Buluoji***, *Poluohan, Buliuhan, Buluojian, Bulugen* и др. (Ив. Добрев; S. Chen).



В древнокитайските летописи са съхранени стотици прабългарски имена и думи, а така също и едно двустишие за българското племе пугу. Езикът е първоначално-уникалният, най-точно-безпогрешният и най-сигурно-надеждният етнодиференциращ и етноидентифициращ белег и критерий, защото в неговата семантична структура се съдържа и носи в превърнато-снет вид цялата без остатък материална и духовна култура на съответния етнос, като се започне от момента на нейното зараждане и се премине през всеки един етап от нейното историко-географско състояние и развитие. Днес вече българската езиковедска наука разполага с достатъчно обемист корпус от лексико-граматични единици на прабългарските езици и диалекти, научноквалифицираният и безпристрастно-непредубеденият анализ на който най-недвусмислено сочи и доказва, че тук става въпрос единствено и само за особен вид тюркски език, следователно и самите прабългари са тюрки по произход и първично-изходна етническа принадлежност. По силата на всичко това и централно-водещото ядро на централноазиатските хунну/сюнну са прабългари или болгари от Тюркското етнолингвистично семейство (Ив. Добрев).

По-нататък вече, след многовековна борба и противопоставяне с китайците, българите дотолкова умножават и разширяват своето могъщество, влияние и територия, че преминават р. Хуанхе и столетия наред властват в областта на Ордос

и контролират богатите оазисни държави в басейна на Тарим на югоизток (Восточный Туркестан):

Багадур был одним из великих завоевателей в мировой истории и справедливо может быть назван Ганнибалом Татарии. Является обычным делом даже среди просвещенных людей Европы обделять звонкими словами, как то, «владыка мира», « доставка всех народов земли к ее оси» и так далее, тогда как в действительности события касались лишь некоторого уголка Средиземного моря или речь шла о кратковременной вылазки в Африку, Персию или Галлию. Сирус и Александр, Дарий и Ксерос, Цезарь и Помпей все совершили очень интересные экскурсии, однако они были не такого крупного масштаба и не были восполнены с таким людским интересом, как те кампании, которые шли в восточной части Азии.

Западная цивилизация обладала больше искусством и наукой, о которых Китай никогда не заботился, однако, с другой стороны, китайцы разработали историческую и критическую литературу, вежливость манер, роскошные одежды и административную систему, которыми Европа могла бы гордиться. Одним словом, история Дальнего Востока также интересна, как и история Дальнего Запада. Она нуждается лишь в доступности к чтению. Когда мы презрительно выкидываем из нашего внимания потрясающие события, которые происходили на просторах Татарии, нам не следует обвинять китайцев за то, что они были склонны интересоваться более самими собой чем, как им казалось, незначительными государствами вокруг Средиземнего и Каспийского морей, которые, как мы знали в Европе, практически составляли весь мир [Паркер 2015, 17-18].

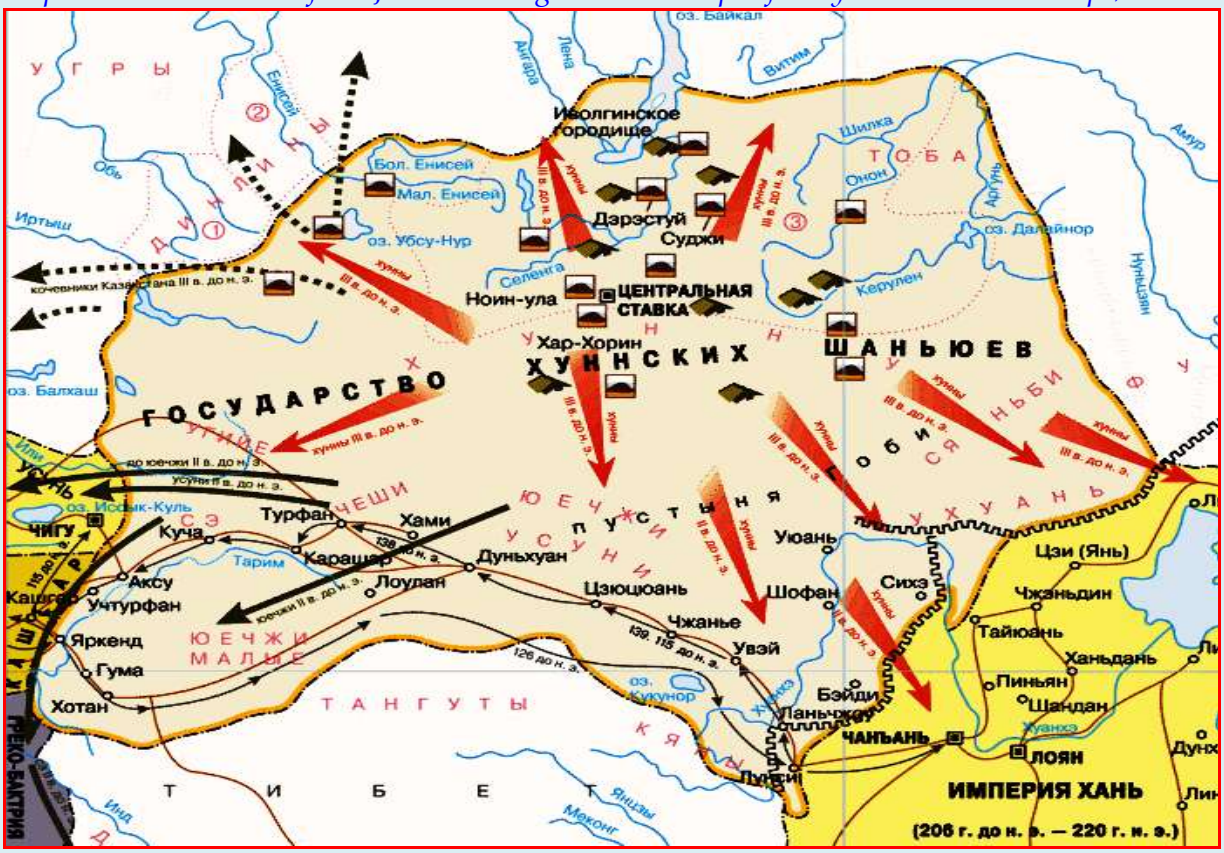
*The **Xiongnu** or **Hsiung-nu** (Chinese: 匈奴; Old Chinese reconstructed IPA: qʰoŋ naː) were an ancient nomadic-based people who formed a state or confederation located north of China. Most of the information on the Xiongnu comes from Chinese sources and what little is known of their titles and names comes from Chinese transliterations of their language.*

Chinese sources from the 3rd century BC report them as having created an empire under Modu Chanyu, the supreme leader after 209 BC. This empire stretched beyond the borders of modern-day Mongolia. After defeating the previously dominant Yuezhi in the 2nd century BC, Xiongnu became a dominant power on the steppes of central and eastern Asia. They were active in regions of what is now southern Siberia, Mongolia, Southern Mongolia, Gansu and Xinjiang. Relations between early Chinese dynasties and the Xiongnu were complex, with repeated periods of military conflict and intrigue alternating with exchanges of tribute, trade, and marriage treaties [Xiongnu 2014, 1-13].

***Сюнну** (этноним): **匈奴** (ИЗ VIII, 492): **匈**, совр. xiōng, др.-кит. sŋoŋ, класс. кит., ЗХ, ВХ ŋoŋ, ПДК hoŋ, ср.-кит. хёиŋ ‘грудь’ (Karlgren 1183 d). 2. **奴**, совр. nú, др.-кит., класс. кит., ЗХ, ВХ nhā, ПДК nhō, ср.-кит. no ‘раб’ (Karlgren 0094 l-n)* [Дыбо 2013, 103].

Среди народов, когда-либо живших на территории современного Китая была династии Ся 夏 (Xia, pronounced Sha, summer/great). Она была основана легендарным Великим Юем 大禹 (pronounced Yuy, no semantical meaning), по Китайским историкам, в 2,205 г. до н.э. и сохраняла свою власть до 1765 г. до н.э. На основе легенды еще существующей в его время, Сима Цянь (Sima Qian) записал, что Хунну (Xiongnu) были потомками Ся. Легенда такова.

Jie (Цзэ в Русской транскрипции) 桀(pronounced Chie, roost), последний правитель Ся вел ужасно неприличный образ жизни, из-за чего он был свергнут с престола и Тан (Tang) 汤 из племени Шан (Shang) 商 сверг его Дом. Шан основал новую династию и изгнал Цзе (Jie) на север в Мингтяо (Mingtiao). После трех лет в изгнании Цзе (Jie) умер, и по обычаю его сын Чунвей (Chunwei) 淳 维 [2] женился на женах своего отца, освободив их и весь клан от изгнания и уведя их далее на север, где они начали пасти. Таким образом он, сын последнего правителя Ся, стал родоначальником Сюнну (Xiongnu). Как организованная сила Сюнну (Xiongnu) вернулись с севера в только третьем веке, усиленные и разросшиеся к тому времени, и начали нападать на Срединное Царство (We can note in this excerpt the levirate custom special for the Türkic traditions; ascent to the throne via marriage to the Queen, particular for the Türkic dual marital dynastic traditions; the name of the nomadic Türkic Saka tribe under the name of the Xia pronounced Sya; and the name of the nomadic Türkic Kiyan tribe under the name of the Jie, which is defined as a splinter of Kiyans. The pastoral nomadism of the Jie/Xia/Xiongnu/Huns is specifically stated in the excerpt).



Чунвей: Chunwei 淳維 dịwən/źịuĕn or tịwən/tśịuĕn-dịwər/ịwi. GS: 464e. и 575o.31 Чжан Ен (Zhang Yen) пишет в Соинь (Suoyin) (Руководство о Скрытых Значениях), комментарий 8-го века: "В эпоху Цинь (Qin 221 BC–206 BC) Chunwei бежали к северным границам". По данным Ле Янь (Le Yan), Сюнну (Xiongnu), упомянутые в Гуадипу (Guadipu) (Родословные по Территориям, давно утраченной книге цитируемой в вышеупомянутой Соинь (Suoyin)) на самом деле говорит о Ся, так как пассаж в Гуадипу (Guadipu) гласит следующее: "Цзе (Jie), (правитель) Дома Ся вел безнравственный образ жизни. Тан (Tang) изгнал его в Мингтяо (Mingtiao), он умер спустя три года. Его сын Сюйню (Хипуи) 獯 粥 [3] женился на его женах, и в поисках пастбищ они удалились далеко

к северной пустыне, а затем в Срединном Царстве их упоминали как Сюнну (Xiongnu) 匈奴".

Принимая во внимание стройность исторических данных в указанных источников, и на том основании, что в эпоху Инь (Yin) (1,401-1,122 гг. до н.э.) был северный диалект слова Чунвей (Chunwei) 淳維 соответствующий Сюйню (Xunyu) 獯 粥, можно сделать вывод, что две разновидности должны означать то же имя. [4] По этой причине Ин Шао (Ying Shao) писал в Фэнсудун (Fengsutung) (Значение Народных Традиций в Ин Шао (Ying Shao), 140-206 н.э.): "Имя Сюйню (Xunyu) 獯 粥 эпохи Инь (Yin) было преобразовано в Сюнну (Xiongnu) 匈奴".

Фу Цянь (Fu Qian, 2nd century AD commentator) придерживался следующего мнения: "Во времена Яо (Yao) (2,356-2,255 гг. до н.э.) их имя было Хуню (Hunyu) 荤 粥 [5], в эпоху Чжоу (Zhou) (1,122 - 255 гг. до н.э.) оно было Сянюн (Xianyun) 猃 狁 [6], под властью Цинь (Qin) (255-207 г. до н.э.) оно было Сюнну (Xiongnu)." Как Вэй Чжао (Wei Zhao, chief editor of the official Book of Wu, 204–273) комментировал: "Во время Хань (Han) (206 г. до н.э.-220 г. н.э.) они были названы Сюнну (Xiongnu) 匈奴, и Хуню (Hunyu) 荤 粥 просто другое название для тех же людей, и аналогично, Сюйню (Xunyu) 獯 粥 является еще одной транскрипцией для Чунвей (Chunwei) 淳 维, имени их предков." [7]

Сюйню (Xunyu) 獯 粥: χi̯wən/χi̯uən-tiọk/tśi̯uk or di̯ọk/i̯uk. GS: 461g. и 1024a4. Мы можем даже зайти дальше, склоняясь к предварительному мнению, что Чунвей (Chunwei) 淳 维, Сюйню (Xunyu) 獯 粥 и Хунну (Xiongnu) 匈奴 когда-то должны были быть одним и тем же именем в различных диалектах.

Хуню (Hunyu) 荤 粥: χi̯ən/χi̯uən-tiọk/tśi̯uk GS: 458h. и 1024a.

Сянюн (Xianyun) 猃 狁: gli̯am/li̯am-zi̯wən/i̯uĕn GS: 613k. и 468g.

А согласно данным Сима Цяня (Sima Qian), Сюнну (Xiongnu) 匈奴 были упомянуты в качестве Шаньжун (Shanrong) 山戎 [8] (Wade-Giles Shanjung), Xianyun 猃 狁 и Нипуи 荤 粥 в эпохах от Тан (Tang) до эпохи Юй (Yu) (2205-1766 г. до н.э.) [Сисорна 2012, 2-4].

Родоначальником сюнну был отпрыск рода правителей Ся по имени Шунь-вэй. До Тана и Юя [племена] шаньжунов, сяньюней и хуньюев жили на [землях] северных варваров и вслед за пасущимся скотом кочевали с места на место.

Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редкого скота - верблюдов, ослов, мулов, катіров, тоту и тані [1].

В поисках воды и травы [они] переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли.

У них нет письменных документов, и [все] распоряжения делаются устно. Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками.

По существующим среди них обычаям, в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врожденные свойства.

Из оружия дальнего действия [они] имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, - мечи и короткие копья с железной рукоятью. Если сражение складывается благоприятно [для них] - наступают, а если неблагоприятно - отступают и не стыдятся бегства. Там, где видят для себя выгоду, не знают ни правил приличия, ни правил поведения.

Начиная от правителя все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока. Молодые едят жирное и лучшее, старые едят оставшееся после них. Уважают молодых и сильных, а к старым и слабым относятся с ***[35]*** *пренебрежением. После смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах* [2]*. Согласно обычаю, они носят имена, на которые не распространяется табу* [3]*, но не имеют фамилий и прозвищ* [4] [Сыма_3, 1].

В последние столетия до н.э. на политической арене на первое место среди центральноазиатских скотоводческих племён выступают хунны. В это время прослеживаются их тесные связи на севере с динлинами, на западе с юечжами (которых я отождествляю с северо-восточными саками) и усунями, на востоке с потомками дунху - ухуаньцами, а на юге с Китаем.

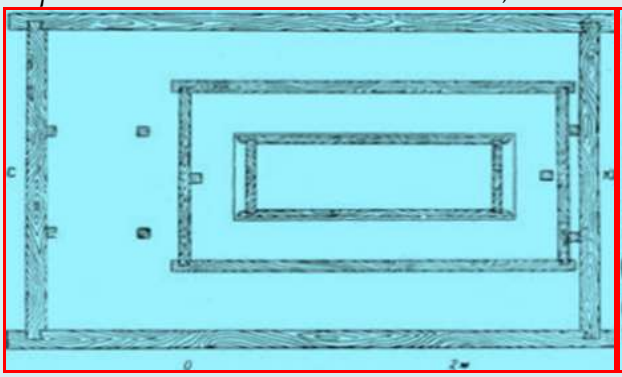
Китайская историческая традиция связывает сложение хуннского народа с падением древнейшей китайской династии Ся и эмиграцией части её сторонников в северные степи, где возникло первое смешение китайцев с кочевыми племенами ху. Дальнейшая история прахуннов источниками не освещена, за исключением одного, сведения: около XII в. до н.э. отмечено столкновение царства Чжоу с северными варварами, которые были отогнаны на север. Позднее, в IX в. до н.э., указывается на столкновение чжоуского вана с хуннами. Вслед за тем хунны снова появляются в поле зрения китайских летописцев в IV в. до н.э., когда они воюют с княжеством Чжоу, и в III в. до н.э., когда они участвуют в коалиции восточных княжеств против агрессии Цинь. Эта война закончилась поражением хуннов в 214 г. до н.э.: хунны потеряли Ордос и попали в подчинение своим восточным соседям дунху. Неудачно сложились их дела и на западной границе, где господствовали юечжы, владевшие Джунгарией и степной частью современной Ганьсу вплоть до хребта Алашань.

Хунны в это время представляли конфедерацию 24 больших родов, во главе которых стоял вождь, именовавший себя шаньюем, не располагавший большой властью. Имя первого известного в истории шаньюя было Тумань. В 209 г. до н.э. сын Туманя Модэ убил отца и брата, захватил власть и, опираясь на своих сторонников, провёл ряд реформ, превративших Хунну в степную консолидированную державу без нарушения основных принципов родового строя. Введение военной дисциплины превратило хуннское ополчение в войско, которое разгромило и подчинило дунху, кянов в бассейне Кукунора, племена Саяно-Алтая и усуней в Ганьсу, юечжы были отброшены на запад, но война с ними затянулась до 165 г. до н.э. На юге Модэ вернул Ордос и в 200 г. до н.э. нанес поражение Лю Бану, основателю династии Хань. Эти победы поставили хуннов во главе объединённой Центральной Азии и заставили Китай признать Хунну равной державой.

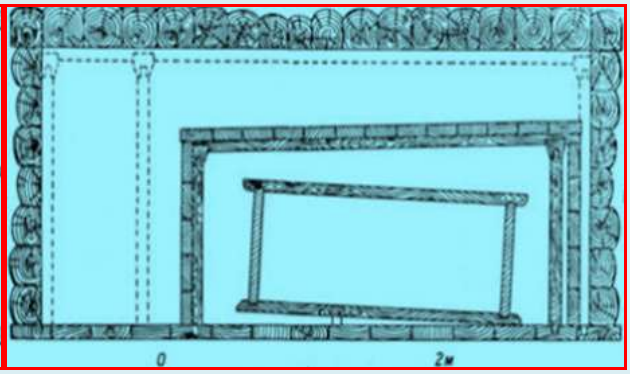
Война с Китаем, между тем, не кончилась, так как хунны, нуждаясь в продуктах сельского хозяйства и тканях, ввиду отсутствия регулярной меновой торговли с

Китаем, неоднократно делали на него набеги. Только в 152 г. до н.э. хунны принудили императора Цзин-ди открыть рынки на границе.

В 133 г. до н.э. новый император У-ди возобновил войну против хуннов, но успеха не имел. В 90 г. до н.э. китайская армия была разбита хуннами в Хангае, и держава Хунну сохранила не только независимость, но и гегемонию в Великой Степи.



План погребальной камеры Ноинулинского кургана № 24 на дне могильной ямы



Разрез погребальной камеры Ноинулинского кургана № 24

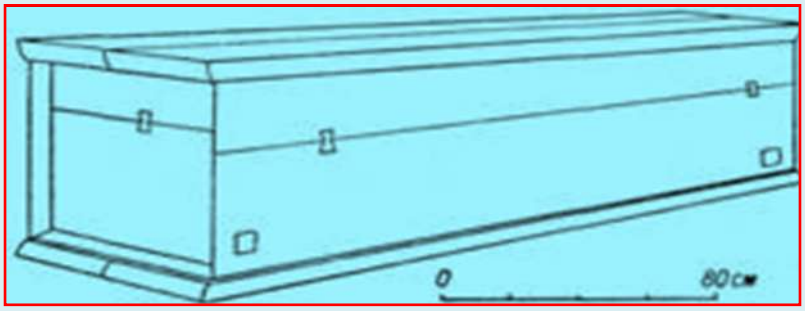
Впервые хуннские могильники были исследованы Ю. Д. Талько-Грынцевичем, который в 1896 и 1897 гг. произвёл раскопки Суджинского могильника в Ильмовой пади в Забайкалье, по среднему течению реки Суджи, в 10 км к востоку от слободы Усть-Кяхта. В 1900 г. тем же исследователем были произведены раскопки Дэрестуйского могильника, расположенного на левом берегу реки Джиды в быв. Селенгинском округе Забайкальской области, в 3 км к югу от быв. почтовой станции Дэрестуйской. В 1901 г. Ю.Д. Талько-Грынцевичем раскопки Дэрестуйского могильника были продлены. [1] Раскопки в Ильмовой пади в 1944 г. были продолжены Г.П. Сосновским. [2] Названные могильники состояли из большого количества погребений. Так, в Суджинском могильнике насчитывалось 214 могил, а в могильнике Дэрестуйском не менее 260 погребений. Среди них имеются большие покрытые камнями курганы с «хвостом», или «шлейфом» (дромосом), большинство же - рядовые прямоугольные, примыкающие к большим курганам могилы, имеющие плоскую, едва заметную насыпь из камней и земли с неглубокой впадиной, в результате, по всей вероятности, ещё в древности произведённых раскопок этих могил. В этих грунтовых могилах на глубине от 1.5 до 4 м обычно находится бревенчатый сруб, покрытый бревенчатым настилом, а внутри сруба - досчатый гроб. Настил однослойный, в редких случаях двухслойный. Сруб из 2-3 венцов четырёхугольный, от 1.7 до 3.5 м в длину и от 0.6 до 1.4 м ширины, ориентированный с севера на юг. Четырёхугольный гроб в северной головной части обычно значительно шире, чем в южной. Его размеры 1.7-2.0 м длины, 0.5-0.8 м ширины. Умершие клались на спину с вытянутыми ногами и руками параллельно туловищу, головой на север.

Горы Ноин-Ула - местное монгольское название Цзун-модэ - расположены в Северной Монголии примерно в 100 км к северу от Улан-Батора и в 10-15 км к востоку от дороги Улан-Батор - Кяхта (рис. 1). Горы эти представляют собой гранитный массив, пронизанный кварцевыми жилами с большим или меньшим содержанием золота.

Во внутренней камере находился гроб. Всё погребальное сооружение так же, как и гроб, сделаны из соснового дерева. Дерево, в общем, сохранилось хорошо, только верхняя

часть наружной камеры сильно пострадала. Пол камеры лежал на двух четырёхугольных брусьях, ориентированных в меридианном направлении, и состоял из 15 хорошо пригнанных четырёхугольных в разрезе плах шириною 9-12 см, положенных поперек брусьев.

На полу был поставлен бревенчатый сруб (3x4.4 м при высоте 1.8 м); короткие его стенки (северная и южная) врублены в длинные (восточную и западную).Изнутри и с боков брёвна были стёсаны. Сверху камера была закрыта потолком из 18 брёвен, стёсанных так же, как на стенках. Потолок лежал на стенках и двух матицах. Последние поддерживались шестью колонками (почти квадратными в сечении), укреплёнными в полу и заканчивающимися капителями. Грабителями в южной части крыши было прорублено круглое отверстие диаметром в 1 м.



Перспективный чертеж гроба из Ноинулинского кургана №24

Внутри наружной камеры, примыкая к южной её стене, находилась внутренняя камера размером 1.7x3.0 м, высотою 1.22 м. Стены внутренней камеры построены из хорошо пригнанных одна к другой плах и скреплены в углах таким же образом, как стены наружной камеры. На стенах внутренней камеры лежал потолок из поперечно положенных плах, поддерживаемый продольной матицей на двух колонках. Колонки стояли внутри камеры у южной и северной стены.

В северной и западной стенах грабителями были прорублены небольшие отверстия в поисках, по-видимому, коридора между стенами камер, где, по всей вероятности, помещалась значительная часть погребального инвентаря.

Гроб (разм. 0.77x2.16 м, выс. 0.85 м) стоял посредине внутренней камеры (рис. 7). Под ним, ближе к северному концу, сохранился поперечный четырёхугольный в разрезе деревянный брус.

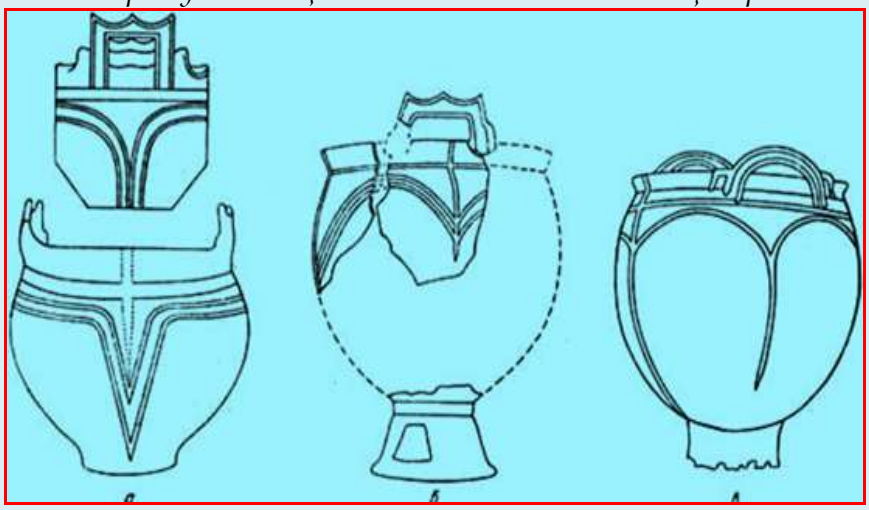
Дно гроба было сделано из двух толстых досок. Из пар досок состояли и стенки, причём короткие одним четырёхугольным зубцом входили в соответствующие им пазы длинных стенок. Крышка гроба, имевшая пазы для всех четырёх стенок, была сорвана грабителями и в значительной мере разрушена. И она, повидимому, состояла из двух досок. Доски гроба скреплялись сфугованными краями и внутренними шпеньками, вставлявшимися в гнёзда прилегающих одна к другой досок. Для прочности шпеньки закреплялись в досках поперечными деревянными стерженьками и, кроме того, у стыка досок с обеих сторон вкладывались в соответствующие гнёзда суженные посередине деревянные пластинки (рис. 8). Нижние грани дна гроба на длинных сторонах, ближе к концам, имели по два симметрично расположенных вдавления, по-видимому, для верёвок при опускании гроба.

О жилищах хуннов мы знаем очень мало. При подвижном образе жизни они, по всей вероятности, пользовались простыми конусообразными шалашами, покрытыми шкурами, а наиболее зажиточные - круглыми войлочными кибитками общераспространённого типа монгольских и тюркских кибиток. Как и у этих последних, у хуннов в их юртах левая от входа сторона была мужской, а правая — женской. Весьма интересно сообщение в Шицзи о том, что шаньюй в своей юрте «сидит на левой стороне, лицом к северу». [1] Отсюда следует, что вход в юрту был с востока, как это было в кибитках современных нам тюркских народов (киргизов, казахов, башкир и других). Подобные жилища были и у ухуаньцев. В Хоуханьшу об ухуаньцах сообщается: «Живут в круглых юртах, из коих вход обращён к востоку». [2] Дерево для остовов таких кибиток, вероятно берёзовое, бралось в определённых местах. Отказ Учжулю-жоди шаньюя на требование Китая получить от хуннов участок земли, вдавшийся в пределы Китая против области Чжан-йе, мотивируется, между прочим, тем, что владетели этих западных хуннских земель «единственно с сих гор пользуются лесом для юрт и телег». [3]

Помимо временных, переносных жилищ, типа круглых кибиток, у хуннов были и постоянные жилища. Наличие постоянных жилищ отмечается в Шицзи, где говорится о землянках на пограничных линиях.

При исследовании городищ в Забайкалье, в частности Иволгинского городища, вскрыты остатки землянок или, точнее, полуземлянок, дающих представление о постоянных жилищах осёдлых хуннов. Жилища эти были прямоугольной 4х6 м, иногда квадратной формы с полом, погруженным в грунт на один метр и более. Стены таких жилищ были из сырцового кирпича, тщательно обмазанные, как и пол, глиной. Кровля была, по-видимому, деревянной и сверху покрывалась полотнищами берёсты и толстым слоем дёрна. Поддерживалась она деревянными столбами. В северо-восточном углу имелся очаг, состоящий из трёх частей — топочной части, лежанки и дымохода, сложенных из каменных плит. Дым из топки поступал в полую камеру под лежанкой, оттуда в специальный канал, идущий вдоль стен жилища. Промежутки между плитами отопительной системы заделывались мелкими камнями, а швы замазывались глиной. [4] Подобная система отопления, известная под названием «кан», типична для жилищ северной половины Китая. Возможно, что описанного типа жилища в основном строились пленными китайцами или китайцами перебежчиками к хуннам, но не исключена принадлежность таких жилищ и осёдлым хуннам. Во всяком случае, такие жилища не были характерными для основной массы хуннов и особенно для хуннской знати. Шаньюи жили и принимали послов в юртах. [5] Между тем у хуннской знати, по-видимому, имелись большие мастерски построенные бревенчатые дома. Косвенным свидетельством этого является устройство ноинулинских погребальных камер, с их отёсанными и прекрасно пригнанными одно к другому брёвнами стен, полами из толстых плах, строго выдержанной конструкции, устройством потолка, поддерживаемого колонками с базами и капителями. Стены таких жилищ драпировались драгоценными тканями, остатки которых сохранились в тех же Ноинулинских, курганах.

О капитальных бревенчатых постройках хуннов сохранились известия и в китайских хрониках. В Шицзи упоминается о храме, построенном хуннами в честь принесённого ими в жертву выдающегося китайского полководца Эршыского. [6]



Хуннские бронзовые котлы

Позднее в Цяньханьшу сообщается, что хунны в 31 г. до н.э. для охраны своей территории намеревались на границе с Китаем вырыть колодцы и построить город с двухстенными постройками для хранения хлеба и поручить эти постройки перебежчикам из Китая. Было выкопано несколько сот колодцев и срублены тысячи брёвен, но проект этот не был осуществлён, так как хунны опасались, что они не смогут защитить этот город. [7]

Весьма вероятно, что и храм, о котором упоминалось выше, был построен китайцами и по китайскому образцу. Однако мало вероятно, чтобы сами хунны не умели строить бревенчатые жилища.

Фрагменты большого бронзового котла, предназначенного для варки мяса, обнаружены в Ноинулинском кургане №6. Судя по фрагментам этого котла на поддоне (табл. VII, 5, 6), он по своему типу (рис. 29, б), форме ручек и орнаментации идентичен бронзовому хуннскому котлу, опубликованному Андерсоном (рис. 29, а) и найденному в русле реки Кирон (Северная Монголия), и котлу, опубликованному Г.П. Сосновским (рис. 29, в). [12] Котелок из кургана №25, судя по сохранившимся фрагментам, был меньших размеров и отличался как по форме, так и по наличию ручек в виде голов животных (табл. XXXIV, 1, 2; рис. 26, а, б).

Китайские источники, говоря о хуннах, неоднократно отмечают, что «начиная от владетелей... все одеваются кожами его (домашнего скота, - С.Р.), прикрываются шерстяным и меховым одеялом». [1] Описания хуннских одежд в них мы не находим. Только в одном месте в Цяньханьшу [2] упоминается о хуннской одежде типа кафтана, сшитого из конских шкур, мехом наружу (ергак). Нет, к сожалению, и китайских изображений хуннов рассматриваемой нами эпохи. Имеются только изображения гуннов XIV и XVII вв. (рис. 31, а, б). Учитывая, однако, консерватизм, в результате которого материал и покрой древних евразийских скотоводческих племён изменялся крайне медленно, и эти изображения представляют интерес. На них мы видим длинную и широкую верхнюю плечевую одежду типа кафтанов, запахивающуюся на левую сторону, подпоясанную матерчатым поясом. По вороту, полам и по подолу

кафтаны эти опушены мехом. Имелось нечто вроде широкого отложного мехового воротника или пелерины. Широкие штаны, суживающиеся книзу, собраны в сборы, обувь мягкая, с короткими голенищами незначительно выше щиколоток. Головной убор - круглая шапка с меховой оторочкой и верхом, крытым материей. Мужчины в левом ухе носили серьгу. Подобные одежды, как увидим ниже, носили и хунны. Следует отметить, что в рассматриваемое время среди хуннов, особенно среди хуннской знати, широкое распространение получили китайские шёлковые ткани, и их пристрастие к этим тканям особо подчёркивается в Шицзи. Поэтому, естественно, из богатых Ноинулинских погребений мы имеем преимущественно одежды из шёлковых тканей, одежды знати, в рядовых же захоронениях хуннов одежды не сохранились. Тем не менее большинство одежд из Ноинулинских курганов типично хуннское.

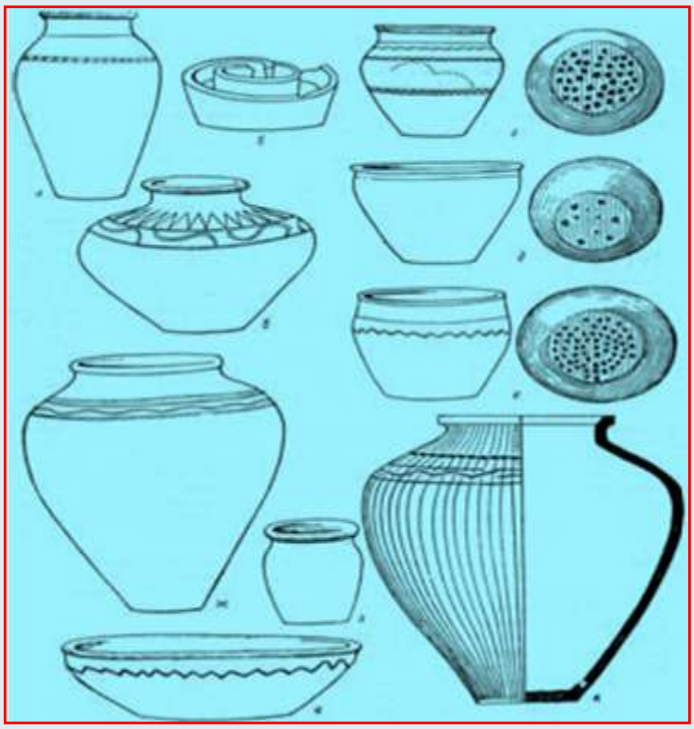
Китайские изображения гуннов

Рубах в Ноинулинских курганах не обнаружено и более чем вероятно, что хунны рубах не носили. Штаны или, точнее, шаровары у хуннов были просторные и широкие, типа сохранившегося до конца прошлого века у кочевых тюрок (казахов и киргизов) и у монголов. Такие типичные для хуннов шаровары, найденные в Ноинулинском кургане №6 (табл. X; рис. 32), сшиты из довольно грубой тёмно-пурпурового цвета шерстяной ткани гроденаплевого переплетения со счётом нитей 14×22 в 1 см². Их длина 1.14 м и ширина в талии 1.16 м с большой мотнёй. В поясе по окружности вшит толстый (4 мм диам.) шерстяной шнур слабой крутки. Держались шаровары на гашнике. Концы штанин слегка собраны в сборы и обшиты полоской светло-коричневой шерстяной ткани того же типа и качества, как и ткань шаровар. На некотором расстоянии от пояса на обеих штанинах вышита двусторонним стежком шерстяными, слабой крутки нитками полоска 4×34 см. Полоска эта трёхцветная. Посередине (ширина 4 мм) она пурпуровая, по краям зелёная, а в промежутках полоска красновато-зеленоватого цвета.

Вторые шаровары, найденные в том же Ноинулинском кургане, сшиты из тонкой шёлковой материи песочного цвета, по покрою такие же, как и шерстяные (табл. XI; рис. 33). Вверху в поясе они обшиты узкой полоской шёлковой ткани, в которую

продевался гашник, нижние концы штанин, слегка собранные в сборы, обшиты широкой полоской белой шёлковой ткани.

На хуннском Иволгинском городище был обнаружен горн для выплавки чугуна, состоящий из двух частей: ямы, где плавилась руда, и полунадземного канала, через который продувался воздух в яму, регулировалась топка горна и откуда вычёрпывался жидкий металл. Яма представляла собой квадратное углубление, стенки которого, обмазанные глиной, были сильно ошлакованы. Размер этой ямы был 37×37 см, глубиною 35 см. Канал был такой же ширины и высотою 20 см. [9]



Образцы глиняных сосудов из Забайкалья

В подобных печах выплавлялся чугун для сошников, о которых была речь в главе второй. Из железа хунны выковывали ножи и другие орудия, удила, наконечники стрел, стержни для палиц и другие предметы первой необходимости.

Из бронзы отливались преимущественно предметы, служившие украшениями: уздечные пронизки и бляхи, поясные пряжки, всевозможные художественные изделия, в том числе изображения отдельных животных и сцен борьбы. Следует, однако, отметить, что техника литья у хуннов была далека от того совершенства, каким обладали их западные соседи, народы Южной Сибири и китайцы. Особенно грубое литьё было бронзовых палиц, лат, котлов для варки пищи.

В Шицзи о хуннах сообщается: «Могущие владеть луком поступают в латную конницу». [1] В том же источнике говорится, что «длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие - сабля и копьё». [2]

Устройство лука хуннов описано в главе второй; в главе пятой имеются изображения луков в налучниках (рис. 31). О типах боевых стрел сообщалось на стр. 26. Характерной особенностью боевых стрел хуннов было наличие «свистунки», изобретение коей китайская хроника приписывает хуннскому шаньюю Модэ, который «сделал свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука». [3] Лук с

налучником и колчан с четырьмя выпусками стрел (в одном выпуске содержалось 12 стрел) были традиционным подарком китайских императоров шаньюям хуннов. [4] Среди этих подарков были и чеканы в футлярах.

При раскопках хуннских поселений и могил, в том числе в Ноинулинских, ни чеканов, ни мечей или сабель обнаружено не было, но найдены палицы и нечто вроде кастетов. При упоминании о законах хуннов в Шицзи сказано: «Извлекшему острое оружие и фут - смерть». В примечании поясняется, что футом называется военное железное оружие, имеющее вид палки длиною около $1^1/_4$ фута и короче. [5] В Ноинулинских курганах в погребениях мужском и женском обнаружены такие футы, или палицы, на которые обращал внимание А.Н. Бернштам. [6] Палицы эти (табл. XXX, 1, 2) оказались не железные, а бронзовые, с квадратным в сечении железным стержнем внутри. Длина этих палиц колеблется от 30 до 36 см, диаметр от 2.5 до 2.8 см с утолщением на концах до 3.3 и 6 см. Там, где виден железный стержень, его сечение 1 $см^2$. Принимая во внимание относительную хрупкость бронзы, наличие железного стержня внутри палиц свидетельствует о том, что данное орудие было рассчитано для нанесения сильных ударов. Примечательно совпадение по длине размеров этих орудий с китайским футом, длина которого в конце династии Хань равнялась 29.5 см. [Руденко 2014, 1-71].

Пугу. *Пугу кочевало от Доланьгэ на восток; состояло из 30.000 кибиток; имело 10.000 войска. Это самая северная страна. Пугусцы были упорны, отважны, неукротимы. Сначала они поддались тукюесцам, потом сйеяньтосцам. Когда сйеяньтосцы погибли, то пугуский старейшина Софу Сылифа Кэлань Баинь поддался Китаю. Владение его переименовано округом Гиньвэй-чжеу; Кэлань Баинь получил военный чин, [1095] и поставлен главноуправляющим. В первое лето правления Кхай-юань, 713, старейшина, убивший Пугу, явился в Шо-фан и покорился. Правительство казнило его. Сын убитого, по имени Хуай-энь [Пугу], в правление Чжидэ за услуги произведен главноуправляющим в Шо-фан. Его жизнеописание находится в особливом повествовании* [Бичурин_1, 323].

*По-нататък проф. Chen възприема вече обоснованото и доказано преди това и от други изследователи основно положение, че "китайското звукосъчетание **ji** представя едно крайно **-r** в последната сричка", след което обръща много по-силно внимание върху проявата на зв. **-r,** "която в действителност изгражда пряко съответствие между имената **Buluoji** и **Bulgar/Bulγar"** в лицето на зв. **-n** от състава на вариантите **Poluohan/Poliuhan, Buliuhan, Buluojian** и **Bulugen,** засвидетелствувани предимно в лични имена, като при това не пропуска да изпише и съответните китайски йероглифи, които тук не се привеждат по добре разбираеми и обясними причини.*

*Наред с това налице са достатъчно примери, които показват, че китайският зв. **h** не е нищо повече от закономерна субституция на българския зв. **γ** или **gh,** откъдето пък и китайският завършек **-han** е напълно редовното и закономерно съответствие на българската сричка **-gar*** [Добрев 2015в, 13-15].

We would like to point out more prominent evidence for the -r ending in the name Buluoji, which in fact creates a direct correspondence between the names Buluoji and Bulgar/Bular. This is the -n ending in the variants Poluohan/Poliuhan, Buliuhan, Buluojian and Bulugen, attested

*mostly in personal names. It is well-known that Chinese -n was frequently used to transcribe a foreign -r/l.[27] The most prominent example is perhaps the ethnonym Xianbei, widely believed to be a transliteration of *Srbi or *Serbi.[28] For example of terminal -r, see Pulleyblank's reconstruction *Taxwar of the name Dayuan.[28] To the argument that this usage may have "died out" in the Middle Ages, let us point out numerous medieval attestations like "Samarkand" in Wei shu and "Farghana" in Tongdian.[30] In fact such usage continued to be observed during the Yuan and the Ming, in names like for Altai and for Altan Khan. Even today, it is still seen in modern Cantonese, amply demonstrated by the official Chinese transcription for the Timor Islands, and for Brunei. Also in our particular case, we note numerous -han endings, who medieval pronunciation directly indicates a consonant or gh in the final syllable* [Chen 2014, 3, вж. и срв. Csornai 2010, 28-42].

Ağaç ve Gök Tanrı

Scythian god Tagimasad

Oysa bu beytin şimdiye kadarki bütün okunuş ile çevirilerinin çok büyük bir noksanı vardır ki, hepsi dört olan iki sözcüğünün sonundaki Çince'deki n ünsüzünün önerilmiş bulunan çevriyazıdaki karşılığı gene n sesidir. Ancak yakından uzaktan bu konuyla uğraşan herkesin çok iyi bildiği gibi o zamanki Çince'de r sesi yoktur. Dolayısıyle Bulgar isminin de dahil olmak üzere sonu r sesli olan bütün yabancı sözcük ve isimler Çince'de n sesiyle söylenir:

Конечных согласных в древнекитайском языке было семь: m n ng p t k r. Шесть из них в большинстве случаев сохранились без изменения в современных южнокитайских диалектах. Только звук r еще до начала новой эры перешел в -i или исчез [10. S.26-27].

*Heceler Orta Çağ Çincesi'nde -ŋ, -k, -n, -t, -m, -p ya da -i ve -u seslerini içeren bir diftong dahil olmak üzere bir ünlü ile bitebilir. Bu durum her halde Doğu Hunlar'ın Çinler'in içine gittikçe artan işleme ve karışımını yansıtır. İşte bunun için Hsien-pi ve Wu-yüan 乌桓 M. ou-ɦwan < *aɦu-ɦwan = Avar. Han dönemi için Çince -n sesinin yabancı -r sesinin yerine kullanımı normaldir [7. S.209–259].*

Biz Buluoji ismindeki -r sonunun önemli kanıtı üzerine dikkat çekmek isterdik ki, bu durum gerçekten Buluoji ile Bulgar/Bular isimleri arasında birbirini karşılama ilişkisini meydana getirir. Poluohan/Poliuhan, Buliuhan, Buluojian ve Bulugen varyantlarındaki -n sonu daha fazla kişi isimlerinde görülür. Çok iyi bilindiği üzere Çince -n yabancı -r/-l seslerinin transliterasyonu olarak kullanıldı [11. S.3].

Benim bütün bunlara kendi çözümüm yok, yalnız önermek istediğim Xiongnu dilinin bulmacasını her çözme denemesinin buna benzer isimlerin sonunda bir nihai -r'nin bulunuşunun büyük olasılığını göz önünde bulundurması gerektiğidir [12. S.9].

Ancak bunun sonucu olarak Dıybo'nun 'muhtemelen Türkçe' sandığı, aslında Bulgarca olan sonu r sesli şu sözcük ve isimlerin Çince'nin bazı dönem ve lehçelerindeki biçimleri şunlardır: ****bagatur >*** *Маодунь –* ***冒頓*** *1.* ***冒*** *mào, mūh, mù, mâw; 2.* ***頓*** *dùn, tūrs, twə̀nh, twə̃n, tòn 'останавливать(ся)';* ****täŋir*** *'небо; божество' –* ***撐*** *chēng 'подпирать', ṭhaŋ, ṭaŋ, ḍaŋ;* ****darxan*** *(титул) –* ***單于*** *1.* ***單*** *dān, tār, tān, tân 'нечетный, единичный'; 2.* ***于*** *yú[yū/xū], w(h)a, wo, ĥü 'идти, отправляться';* ****koŋur*** *(порода лошадей):* ***蛩蛩, 蛩*** *qióng, g(h)oŋ, göuŋ 'саранча; сверчок';* ****kirkir/*kirkiř*** *'кыркыз' (этноним):* ***隔昆*** *– 1.* ***隔*** *gé, krēk, kriēk, kiĕk, 'отделяться; разлучаться'; 2.* ***昆*** *kūn, kūn, kwə̀n, kon 'старший брат', krēk-kwə̀n [10. S.82-105]:*

Bizlere karşın shan-yü hiç bir zaman tarihe karışmayabilir, ben ise onda Türk ile Moğollar'da hattâ çok daha Batı'da tarkan, tarxan vb. olarak ortaya çıkan başka bir ünvanın önceki şeklini görmek eğilimindeyim [7. S.209–259].

*Eski ve Erken Orta dönemlerinde kuzey-batıdaki 'Barbarlar' için resmî Çin tarihçiliği Hsiung-nu ve Tung Hu olmak üzere iki ortak adlandırmayı kullandı. Tung Hu ya da 'Doğu Barbarlar' M.Ö. 3. yy'dan bu yana bilinmekteydi ve daha sonra ilk olarak M.Ö. 78 yılında anılan Wu-huan ve M.S. 45 yılında belgelenen Hsien-pi olmak üzere iki büyük kola ayrıldı. Şu an çok kesin ve güvenilir bir bilim dalı olan Çin Tarihî Sesbilgisi bizlere iki adlandırmanın eski telâffuzunu yeniden düzenleme olanağını sağlar ki, Wu-huan için *ahwar (= Avar) ve Hsien-pi için *säbir, säbär (> Sibir, bundan Siberia). Yenilmiş iktidar soylarından bazıları Balkaş Gölü yakınlarındaki Hsiung-nu vâris uzak devlete kaçmayı başardı. Çin kaynaklarında bu bölge *ər̄-pän eski telâffuzunu yansıtan Yüe-pan olarak bilinir.*

Bir yüzyıl sonra Türkler (T'u-chüe) Avrasya'daki imparatorluğunu ilan etti (550) ve Hun Ər̄-pän birliğinden, sayıları yirmi bin (iki tümen) kadar olan bazı genç savaşçılar Bizans İmparatorluğu'nun Avrupa sınırlarına doğru kaçtı.

İlk olarak Sahte Avarlar'a boyun eğenler arasında İran Warāz/Barč (Βαρςήλτ) tüccar soyu, Hun Onnoğurlar'ı (Οὐννουγοὺροι) ve Proto-Mongol Säbirler'i (Hsien-pi = Σάβιροι) [13. S.2-10].

Bütün bunların gereği Çince'ye geçen sonu r sesli yabancı isim ve sözcüklerin bu sesi Çince'de r sesiyle değil n sesiyle değişir. Dolayısıyla amma her şeyden önce ve mutlaka Bulgar dillerinin şekilbilgisi yapısı da gözönünde bulundurularak Pugu Beyti'nin çevriyazı biçimi şöyle olmalıdır: **Sučig täligar**

Puguγ toγuduγar.

*Anlamı 'başkomutan' olan *sučig sözcüğü yükleme durumunda olup özne görevini yapan, kökeni de Eski Çince *śwò 戍 'охранять границы; пограничный гарнизон' [10. S.73] olan sü 'ordu' köküne -či eki getirilerek türemiş bir isimdir. Anlamı diğer eski Türk dillerindekine eşit olan bu kök Tuna Bulgarcası'nda Omurtag Han'ın ünvanının öğelerinden biri: Κανε συβηγι Ωμορταγ Başkomutan Omurtag Kagan [14. S.3; 15. S.516]. Buradaki -g ekli yükleme durumu ikinci*

işlevinde olup yalnız öznenin belirli olduğunu gösterir. Bunun diğer bir örneği Dengiz Yazıtında [15. S.406-408]:

Kiŋkeg Dengiz jikü käse! Kijü, čox-čox saxyŋil, gür Täŋrig!

Dengiz Han'ın yemek yiyeceği kap!

Ey adamcağız çok çok kork Ondan, kadirdir Tanrı!

*Bütünüyle anlamı 'eğer sefer yaparsa' olan *täligar sözcüğü anlamı 'çıkmak; sefer yapmak' olan *täl- fiil kökü ile yardımıyle geniş zaman yapılan iki öğeli -igar ekinden oluşur. Kökünün diğer Bulgar dillerindeki karşılıkları Çuvaşça тул 'поверхность; наружная сторона, внешняя сторона', туллат 'покрывать', туллă 'крытый, с покрышкой', тулти 'находящийся вне жилища, наружный', тулашри 'наружный, внешний', тулашĕ 'внешность, наружность; лицо', Bulgarca bir alıntı olan Macarca túl 'вне'; diğer Türk dillerindeki karşılıkları ise Eski Türkçe taš 'внешний вид, облик; наружная, внешняя сторона', taš 'наружный, внешний; верхний'; Türkiye Türkçesi dış, teş, diş, Başkırtça тыш, Kırgızca тыс, Uygurca таш, Altayca mac, Turfan Türkçe tašıl- 'падать наружу, вываливаться; выходить' [16. S.539; 17. S.164-167; 18. S.243-244]. Anlamı olabilirlik-tasarlama olan bileşik -igar geniş zaman eki -ik gelecek ortaç ekiyle ar-yardımcı fiilinin Tekil 3. şahıs ekinden oluşur. Özellikle -ik gelecek ortaç eki biraz yukarıki Dengiz Yazıtı'ndan başka Boila Yazıtı'nda da kullanılmıştır [15. S.350-414]:*

ϮB̲OΥΗΛΑ·ZOΑΠΑΝ·ΤЄCΗ·ΔΥΓЄΤΟΙΓΗ· B̲OΥΤΑΟΥΛ·ZωΑΠΑΝ·ΤΑΓΡΟΓΗ·ΗΤΖΙΓΗ·ΤΑΙCΗϮ

Boila žoăpan tešeji dugetojgi Butaul žoăpan tagrogi ičigi täjši

Boila Jupan'ın, dibini kaplattırarak hakettirdiği, Butaul Jupan'ın şerefe içeceği kâse

*Yalnız Eski Çin yıllıklarında değil, bir de üzerilerindeki daha eski veya yeni bilimsel çalışmalarda Çince'deki ismi olan Pugu boyundan defalarca söz olur (meselâ [19. S.323; 20. S.21-22]). Bir de yine Eski Çin yıllıklarında ancak sözkonusu olaylar yeterince ayrıntılı bir şekilde anlatılmıştır. Buna rağmen Pugu Beyti'nin araştırmacılarından hiç birinin aklına beyit içindeki Pugu sözcüğünün çok ünlü bile o Xiongnu Pugu boyunun adı olabileceği fikri gelmedi. Aslında Pugu ismi Bulgarlar'ın ilk ve temel adı olan *bolk isminin Çince'ye alıntı olarak geçerken Çince'nin sesbilgisi özellikleriyle kurallarına göre değiştirilmiş şeklidir [21. S.51-64]. Buna benzer bir tarzda Türk ile Sogd isimlerinin Çince'deki biçimleri Tukiu ve Sutie'dir:*

Престарелый деревенский чиновник из Бэйюаньши Сунь Цзи поднес Ши Лэ подарки и просил разрешения навестить Лю Яо, на что Ши Лэ дал согласие. Поднеся Лю Яо вино, Сунь Цзи сказал: "Правитель племени пугу объявил себя императором в землях к западу от заставы Ханьгугуань. Вы должны были придерживаться справедливости и охранять земли государства. Однако, легкомысленно командуя войсками, вы потерпели поражение у Лояна. Счастливая для вас судьба закончилась, Небо погубило вас. Теперь, когда вы подошли к концу жизни, примите чашу вина". Лю Яо ответил: "Это будет мне во вред, но я должен выпить за вас". Услышав об этом, Ши Лэ с грустью, изменившись в лице, сказал: "Достаточно того, что человека, потерявшего государство, упрекнул старец" [22. S.132].

Пугу должно быть не имя и не титул Лю Яо (противник Ши Лэ), а имя его племени или рода; по всей вероятности, это то самое поколение пугу, которое в VII и VIII веке оказывается в числе гаюгюйских и играло в китайской истории немалую роль; это нынешнее поколение кара-киргизов бугу, которое, по высказанному мною в "Опыте выяснения этнического состава б. Орды и кара-киргизов" (стр. 64 отдельного оттиска)

предположению, вошло в состав усуньского союза еще во время нахождения его в Монголии во II веке до Р.Х. или ранее. Если, как удостоверяет хуннская фраза, оно существовало в IV веке, то могло, конечно, существовать в числе подвластных хуннам родов и ранее, будучи оставшеюся в Монголии частью племени бугу, в то время когда другая, вошедшая в усуньский союз, ушла с усунями в Тянь-Шань и уцелела поныне [23. S.292-293].

*Bütünüyle anlamı 'yenilmiş olacak' olan *toγuduγar sözcüğü anlamı 'vurmak, dövmek; yenmek' olan *toγu- fiil kökü ile, yardımıyle anlamca geçmişte gelecek zamana eşit olan geniş zaman hikâyesi de yapılan iki öğeli -tuγar ekinden oluşur. *Toγu- fiilinin kökü yukarıda sözü geçen 10. yy. tarihli Boila Yazıtı'ndaki Tuna ötesi Bulgarca'daki δυγε- fiilinin karşılığıdır [15. S.392-399]. Diğer Türk dillerinden bazılarındaki karşılıkları ise Eski Türkçe toqï- 'бить, ударять, стучать; вбивать, вколачивать; биться, стучать; ковать, выковывать; класть; устанавливать, воздвигать' [16. S.571-577], yine Eski Türkçe токыт- 'велеть вырезать; поставить', Eski Uygurca toƣы- 'стучать', Eski Özbekçe toƣун- 'бить себя' [24. III. S.1149, 1161], Eski Oğuzca tokı- 'çalmak (kapı); döğmek (birini); döğmek (kılıç); dokumak' [25. III. S.268]. Bütünüyle anlamı sonuçsal-tamamlanmış olan bileşik -tuγar geniş zaman hikâyesi eki edilgen -tuγ- geçmiş ortacı ile ar- yardımcı fiilinin Tekil 3. şahsından oluşur. Burada edilgen ortaç artık Bağımsız Sözbölümleri Sınıfı'na geçmiş bulunan Türkçe bildik, tanıdık 'знакомый' [26. S.118, 825] geçmiş ortaçlarına benzer bir şekilde fiilin geçişli anlamının etkisini yok etmektedir. Bütün olarak geniş zaman hikâyesi önceki fiilin zamanının etkisiyle gelecekteki ek bir yönelim noktasına göre aktarılarak önceden gelecek zamana dönüşür.*

İşte bütün bunlardan dolayı Pugu Beyti gerçek olayların mantık ve akışına en yüksek bir aşamada düşüp tekrarlayacak şekilde tercüme edilmelidir:

Eğer başkomutan sefer yaparsa
Pugu boyu yenilmiş olacaktır.

Pugu Beyti Bulgarca'da, fakat daha genel bir planda Türk dillerinin hepsinde de ilk, en erken ve paha biçilmez bütünlüklü ile içinde bağlantılı bir metindir. Dolayısıyle bu beyit İç Asya Hunları'nın Bulgar kökenli ve Bulgar kavimlerine ait olduğunun en kuvvetli ve son derece önemli delil ile kanıtlarından biridir [Dobrev 2015, 56-60].

Към началото на последните десет века от преди Новата ера, източните иранци вече са разделени и обособени в две сравнително отделно-самостойни групи родове и племена – саките на запад и усуните на югозапад. През тази епоха и в рамките най-общо на иранско-тюркските контакти и взаимодействия, които някои изследователи определят като иранско-тюркска симбиоза (Ю.

Худяков), прабългарите влизат в най-близко-тесен етнолингвистичен контакт и взаимодействие предимно с усуните, включително и вземане на роби военнопленници, размяна на заложници и даже сключване на династични бракове. По-специално, усуните са едно от племената, които каган Багатур покорява, когато основава империята си (Бичурин; С. Руденко) и те остават подвластни на българите почти до началото на Новата ера.

Изглежда, епизод от вековните българо-усунски културно-исторически връзки и взаимодействия е избродиран върху губера, застлан най-отдолу в гробницата на български хан в Ноин-ула на 120 км от днешния Улан-Батор, Монголия. В първата сцена се разказва за ежедневието на усуните зороастрийци, които изпълняват свой религиозен ритуал, централно място, при който заема вдишването на хаома, приготвена от специален вид гъба. Във втората сцена е представена битката между нашественика българин и усуните, в резултат на която те са разгромени и покорени.

След началото на Новата ера и вече в Средна Азия усуните се упоменават предимно под етнонимите *аси, асиани, ариана,* но така също и *алани* (Н. Лысенко). Като резултат, по различно време и на различни места, цели усунски родове, а

може би и неголеми племена се българизират и интегрират в прабългарските родове и племена и привнасят в техния език, антропология, материална и духовна култура елементи от своя език, антропология, материална и духовна култура (А. Бернштам). Разбира се, подобни процеси протичат и от страна на българите към усуните, в резултат на които пък от прабългарския в усунския език преминава и се заема, заедно със съответната културно-историческа реалия, например лекс. *дохия*, съхранена все още и в съвременния осетински език във вида *doğ* „скачки в память умершего" (Ив. Добрев):

В истории человеческого общества с эпохи древности очень большое внимание уделялось историческим событиям и явлениям межэтнического, межконфессионального и межкультурного антагонизма. Значительно меньшее внимание привлекали процессы взаимодействия и взаимовлияния древних и средневековых кочевых и оседло-земледельческих этносов и культур, хотя они проходили непрерывно в течение многих веков и тысячелетий.

Одним из регионов многовекового взаимодействия и взаимовлияния иранских и тюркских этносов и культурных традиций является Центральная Азия.

Согласно современным представлениям во втором тысячелетии до н.э. западный ареал степного пояса Евразии, до Енисея, Рудного Алтая и Восточного Туркестана был освоен индоиранскими скотоводческими племенами, для которых были характерны памятники андроновской культурной общности. В эпоху поздней бронзы, на рубеже II и I тысячелетий до н.э. кочевые племена, носители европеоидного антропологического типа, продвинулись далеко на восток, распространив ареал своего обитания и границы культуры до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса. Дифференциация культурных общностей позднего бронзового века на культуры скифско-сарматско-сакского круга от степей Причерноморья до Восточного Туркестана и Южной Сибири сформировала этнокультурный облик ираноязычных номадов евразийских степей с характерным предметным комплексом, включавшим "скифскую триаду" предметов вооружения, конской сбруи и звериного стиля; курганную архитектуру, петроглифику и монументальные поминальные комплексы. Монголоидные кочевники восточных районов Центральной Азии, сюнну и дунху, предположительно предки тюркских и монгольских кочевых этносов, в скифское время находились в орбите военно-политического и культурного влияния ираноязычных номадов.

Этнополитическая ситуация в Центральной Азии изменилась в конце III в. до н.э., когда в результате победы хуннов в войне с юежчжами, образовалась хуннская военная держава, возглавляемая хуннским, предположительно тюркоязычным кочевым этносом. С этого времени начинается процесс миграционной активности тюркских, а несколько позже и монгольских племен, расселения по Центральной Азии монголоидных кочевников, тюркизации центрально-азиатских номадов в языковом отношении, этнической и культурной ассимиляции ираноязычных номадов. Этот процесс в Центральной Азии растянулся на семь столетий.

Анализ археологических материалов показывает, что первоначально престижные элементы хуннской военно-дружинной культуры были заимствованы представителями кочевой знати местных ираноязычных кочевых племен на периферии

Центрально-Азиатского историко-культурного региона, в Саяно-Алтае, Восточном Туркестане, восточных районах Средней Азии. Распространение тюркского языка и расовая метисация происходили в течение многих столетий [Худяков 2006, 1-2].

*В следующий год, 176, Шаньюй прислал китайскому Двору письмо [98] следующего содержания: "поставленный небом хуннуский Великий Шаньюй почтительно вопрошает [99] Хуан-ди [император (китайский)] о здравии. В прошлое время Хуан-ди писал о мире и родстве. /**23**/ Дело сие, к взаимному удовольствию, кончено согласно с содержанием письма. Китайские пограничные чиновники оскорбляли западного Чжуки-князя, и он без представления (ко мне) по совету Илу-хэу Наньчжы и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор, заключенный между двумя государями, разорвал братское родство между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственною державою. Получено от Хуан-ди два письма с выговорами, но посланный с ответным письмом еще не прибыл, а китайский вестник не* ***[55]*** *возвратился, и это было причиною взаимных неудовольствий между двумя соседственными державами. Как нарушение договора последовало от низших чиновников, [100] то западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юечжы. По милости Неба, ратники были здоровы, кони в силе; они поразили Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений. [101] Жители сих владений поступили в ряды Хуннуских войск, и составили один дом. По утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным жителям, как было вначале. Пусть малолетные растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Но как еще не получено мнение Хуан-ди, /**24**/ то отправляя Лан-чжун [102] Сидуцяня с письмом, осмеливаюсь с ним представить одного верблюда, двух верховых лошадей и две четверни. Если не угодно Хуан-ди, чтоб хунны приближались к границам, то надобно предписать чиновникам и народу селиться подалее от границы".*

После сего хунны не могли предпринять похода, а отправили в Усунь посланника с требованием выдать китайскую царевну. Они напали на Усунь, и овладели урочищем Чеянь-уши. Усуньская царевна представила донесение. Дело о помощи отдано на

*рассмотрение государственных чинов, и они ещё не решили его, как Чжао-ди преставился. По /**61**/ [73] вступлении Сюань-ди на престол, 73, усуньский Гуньми ещё представил донесение, в котором писал, что хунны то и дело обрезывают земли его и он Гуньми вызывается выставить с половины свого государства 50 т.*

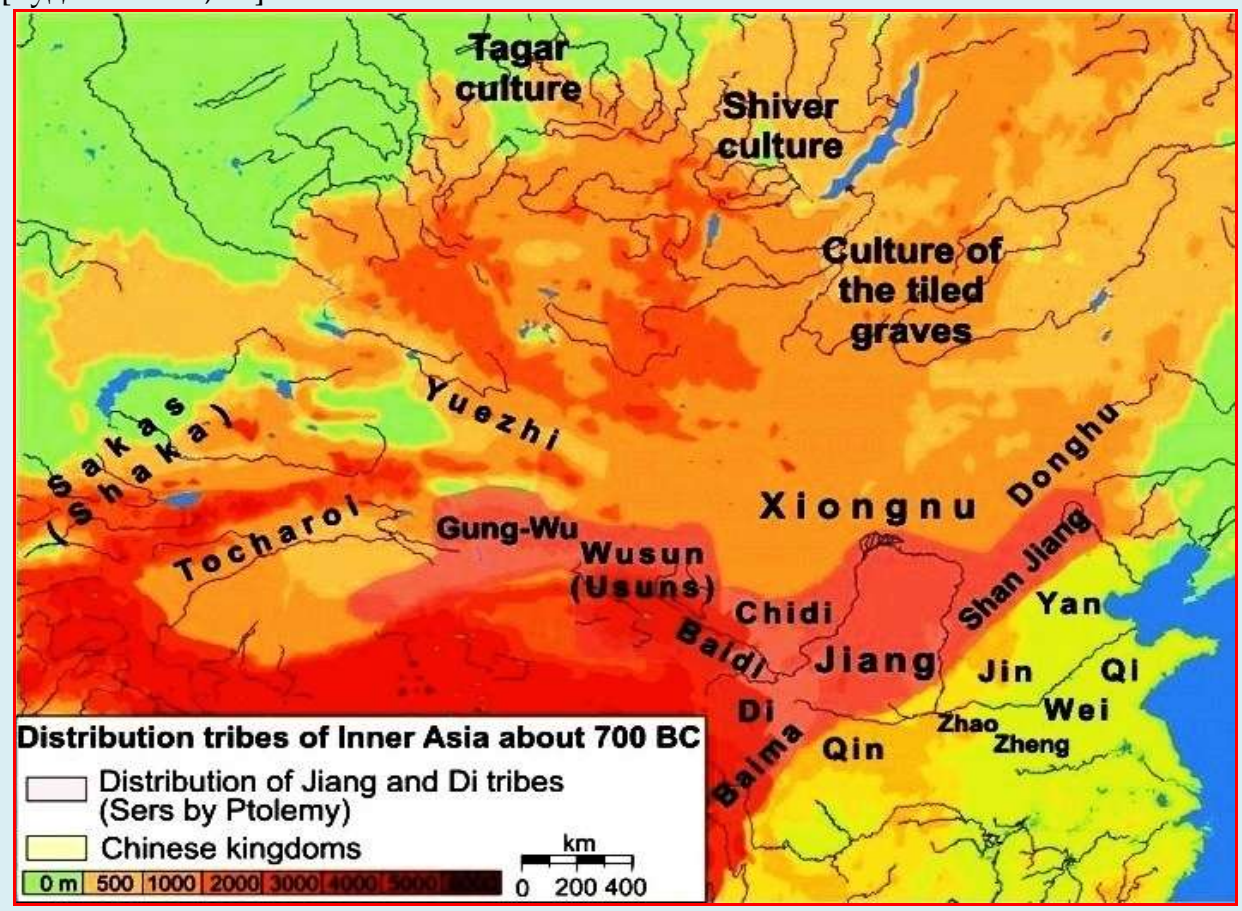
*Впрочем и удалившиеся хунны чрезвычайную понесли убыль и в людях и в скоте, и вследствии сего ослабели. Негодуя на Усунь, Шаньюй зимою с несколькими десятками тысяч конницы произвел нападение, и, захватив несколько старых и бессильных, обратно пошел. Но случилось, что в продолжение одного дня выпал снег глубиною до десяти футов. От мороза столько погибло и людей и скота, что и десятой части не возвратилось. Почему Динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы с запада. /**64**/ Сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек, и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец. Сверх сего, 3/10 и людей и скота от голода погибло. Хунны пришли в крайнее бессилие. Подвластные им владения отложились от них, и хунны не в состоянии были производить набегов.*

*Чжичжы убил его и до 50.000 войск его присоединил к своим войскам; и как он получил известие, что китайский Двор помогает Хуханье-Шаньюю и войсками и хлебом, то и остался жить в **[91]** западной стороне. Расчисляя, что он собственными силами не в состоянии утвердить спокойствие во владениях хуннов, подался далее на запад к Усуню, и, желая соединиться с ним, отправил посланника к малому Гуньми Уцзюту. Уцзюту, зная, что Китай поддерживает Хуханье-Шаньюя, а Чжичжы-Шаньюй близок к погибели, хотел, в угождение китайскому Двору, напасть на него: почему убил посланника Чжичжы-Шаньюева и отправил голову его в местопребывание наместника; а для встретения Чжичжы-Шаньюя выслал 8.000 конницы. /**77**/ Чжичжы, видя, что Усуньских войск много, а его посланник еще не возвращался, выставил свое войско и, ударив на усуньцев, разбил их; отселе, поворотив на север, ударил на Угйе. Угйе покорился, и Чжичжы при помощи войск его разбил на западе Гянь-гунь; на севере покорил Динлин. Покорив три царства, он часто посылал войска на Усунь, и всегда одерживал верх.*

*Случилось, что Кангюйский владетель, часто стесняемый усуньцами, **[93]** в совете с своими старейшинами [217] полагал, что хунны составляли большое государство, а Усунь зависел от них. Теперь Чжичжы-Шаньюй вне отечества и находится в тесных обстоятельствах; можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь, и здесь поставить его владетелем; [218] тогда не для чего опасаться хуннов. Тотчас отправили в Гяньгунь посланника /**80**/ сообщить это Чжичжы. Чжичжы опасался и сверх того досадовал на Усунь, почему когда услышал о намерении Кангюйского владетеля, крайне обрадовался; заключил союз с ним и пошел с своим войском на запад* [Бичурин_1, 93-125].

Хунны в это время представляли конфедерацию 24 больших родов, во главе которых стоял вождь, именовавший себя шаньюем, не располагавший большой властью. Имя первого известного в истории шаньюя было Тумань. В 209 г. до н.э. сын Туманя Модэ убил отца и брата, захватил власть и, опираясь на своих сторонников, провёл ряд реформ, превративших Хунну в степную консолидированную державу без нарушения

основных принципов родового строя. Введение военной дисциплины превратило хуннское ополчение в войско, которое разгромило и подчинило дунху, кянов в бассейне Кукунора, племена Саяно-Алтая и усуней в Ганьсу, юечжы были отброшены на запад, но война с ними затянулась до 165 г. до н.э. На юге Модэ вернул Ордос и в 200 г. до н.э. нанес поражение Лю Бану, основателю династии Хань. Эти победы поставили хуннов во главе объединённой Центральной Азии и заставили Китай признать Хунну равной державой [Руденко 2014, 57].



Полагаем, что эта культура выросла на основе культуры тех усуней, которые вначале были отброшены гуннами с коренных мест (Семиречье и Северный Тяньшань), а позднее, смешавшись с ними, образовали известный ещё в V в. племенной союз юебань, позднее (VI в.) известный в конфедерации племён дулу западнотюркского каганата под именем «чубань». Быть может, вторжение гуннов в Семиречье - причина северного расселения (а не только западного) усуней и несомненно важнейшее условие в сложении тюркоязычного характера местного кочевого населения сакоусуньских племён, окончательно перешедших в гуннский период в русло тюркского этногенеза. Усуни были «отюречены» гуннами.

Итак, древнейшие сведения о проникновении гуннов в страну усуней относятся к походам Модэ начала II в. до н.э., когда источник Шицзи сообщает, что Модэ покорил 26 владений Восточного Туркестана, а также племена хусе и усунь. С той поры жители всех этих владений вступили в ряды гуннских войск. Этот эпизод лёг в основу дальнейших сообщений китайцев об усунях, когда они констатируют зависимость усуней от гуннов и во время Чжанцяня. Если политическая власть гуннов и

недостаточно сильно проявлялась над усунями во II в. до н.э., то она имела своим прямым результатом приобщение усуней к китайской культуре, получившей особенно широкое распространение среди усуней в I в. до н.э. С этого времени усуни устанавливают самостоятельные связи с Китаем. Падение политической власти гуннов в Монголии к середине I в. до н.э. способствует усилению связей усуней с Китаем.

Раскол гуннов на две части имел огромное значение прежде всего для Семиречья. Как мы уже неоднократно отмечали, Чжичжи шаньюй откочевал в сторону Семиречья, причём выступал в союзе с племенами кангюй против усуней в 49-48 гг. до н.э. [1] *[17]*

Нам представляется возможным утверждать, что эти гуннские племена объясняют нам, почему ни в Тяньшане, ни в Семиречье нет раннекушанских памятников. Гуннский «барьер» обеспечил за Семиречьем и Тяньшанем тюркский этногенез и одновременно был сильным источником тюркизации восточноиранских племён Средней Азии. Если на Тяньшане гунны в основном подвергались воздействию со стороны усуней, а в Фергане влиянию восточноиранских племён, точное этническое имя которых сейчас установить трудно, то в зоне Ташкентского оазиса и по Сыр-дарье они скрещивались с кангюйским и сармато (массагето)-аланским кругом племён. Эти этнические различия и хронологическая разнообразность объясняет нам варианты инвентаря, находимого при раскопках катакомб гуннского происхождения [Бернштам 2012, 82-92].

In Wusun, the king is called hunmo 昆莫33. The small state of the hunmo's father, Nandoumi 難兜靡34 and the (state of the) Yuezhi originally located between the Qilian and Dunhuang. The Great Yuezhi attacked and killed Nandoumi, occupied his land, and (Nandoumi's) people fled to the Xiongnu. When Nandoumi's son, the hunmo was born, his foster father, the yabgu Bujiu 布就翎侯35 carried him along. He put him down in the grass as he had to go and get some food. On returning he saw a wolf milking him and some black raptor flying around him with meat in their beaks, so he regarded the child as a divine being and took him back to the Xiongnu, where the danhu brought him up with loving care. When the hunmo grew into a man, (the danhu) gave him his (Wusun) people to be their commander. He performed brilliant feats. It was at that time that the Xiongnu defeated the Yuezhi, and the Yuezhi moved westwards, where they beat the Saiwang 塞王36 (the Saka). The Saiwang moved far to the south as the Yuezhi had occupied their land. When the hunmo strengthened, he asked the danhu to let him take revenge for his father. So he attacked the Great Yuezhi on the west and theGreat Yuezhi moved on further southwest to the land of Daxia. The hunmo subjugated their people and stayed there, keeping them occupied."

So this young man was the Wusun king's son. He certainly was of clear Wusun origin, but by the time the danhu gave his people back to him, these people, who had once been taken in by the Xiongnu, had been mixing up with their landlords, the Xiongnu. Then the Xiongnu beat the Yuezhi in 177 B.C., and the Yuezhi moved westward into the Ili Valley, where the Saka had been living, so the Yuezhi drove the Saka away - the characters saiwang 塞王 in the chronicles stand for saka. These Sakas then wandered southwest to Daxia (Bactria). And later when the Wusun hunmo attacked the Yuezhi in the Ili Valley (around 174 B.C.), the Yuezhi fled southwest, making the same way as the Sakas had done before. The question is what kind of a people the

name Saka refers to. The fact that the name Xiongnu is to designate the Asian Huns has already been convincingly proved and accepted. See for example the articles of Uciraltu, linguist of Mongolian and Chinese languages.37 Some regard the Saka as of Iranian origin, others regard them as of Scythian origin, and some others accept that they were Scythians but regard the Scythians as of Iranian origin. There are still some others who think that the Sakas were identical with the Huns. We will not take sides in this debate now. What is essential here is the evidence of the historical records that a people by the name of Saka moved from the Ili Valley to the southwest as far as Bactria where they settled. Some time later the Wusun hunmo, who had been staying under the shelter of the Xiongnu and thus his Wusun people had been mixing with the Xiongnus, went to Bactria too, chasing the Yuezhi. So peoples of Xiongnu blood must have arrived in Bactria either by the Yuezhi or by the Saka or by the Wusun hunmo's people or perhaps by all [Csornai 2010, 40-41].

Дальнейшая история гуннов связана с походами на юечжей, покорением племён у оз. Лобнор и в отрогах Тяньшаня, покорением усуней, кочевавших в районе южного Семиречья и Тяньшаня, наконец, покорением племён в северном Семиречье по Иртышу - уге и на Енисее предков кыргызов - «гяньгунь, [19] на Алтае - кыпчаков (цзюешэ).

С именем Цзиюя связан не только поход в Шеньси, но и разгром юечжей, очевидно, - их восточного крыла. Однако эта победа гуннов не лишила юечжей их военной силы и вместо восточной ориентации они направляют своё внимание на Фергану и Согд, где вместе с усунями и создают во второй половине II в. до н.э. полукочевое «варварское» государство кушанов. [1] *[5]*

В этот период изменяется ориентация гуннских завоеваний. Вместо набегов на Китай, гунны обращают своё внимание на племена и племенные образования, состоящие в союзе с Китаем (в частности усуни) и обеспечивающие Китаю бесперебойную торговлю с Западом. Одновременно сами гунны подвергаются нападению со стороны племён, находившихся прежде в прямой от них зависимости. Голод и падёж скота, внутренние неурядицы в гуннской орде дали возможность динлинам с севера, ухуаньцам с востока и усуням с запада напасть в 68 г. на гуннов, в результате чего «Хунны пришли в крайнее бессилие», [1] *[34] а китайцам довольно легко было окончательно разбить гуннов.* [2] *[35]*

Предводитель северной орды (иногда она называется западной ордой) Чжичжи после неудачной борьбы с Хуханье удалился с берегов Орхона в Восточный Туркестан, а также пытался установить связь с древними уйгурами, бывшими в то время в районах Кобдо, Тарбагатая и Семипалатинска. В Восточном Туркестане он столкнулся с войсками повстанца Илиму, объявившего себя шаньюем. Чжичжи удалось победить киргизов Семиречья и Енисея, на севере — разбить динлинов. Договор с Китаем не дал ему ощутительных выгод. Война с усунями кончилась неудачей. Укрепление договора Хуханье с Китаем вызвало озлобление Чжичжи. Он убил китайского посланника и заключил союз с кангюйцами, совместно с которыми и воевал против усуней.

В канун массового прихода гуннов в Среднюю Азию, Семиречье и Центральный Тяньшань были заняты сакоусуньскими племенами, часть которых проникла прежде всего в Фергану и в район Средней Сыр-дарьи.

Как мы пытались показать в другом месте, проникновение усуней в Фергану послужило условием создания усуньской-кушанской династии Ферганы и в названии «кушан» мы видим закономерное видоизменение этнонима «усунь», согласно нормам тохарского языка [1]. [3] Не случайно восточная часть Ферганы именуется «область Хюсюнь»: здесь ясно выступают фонетические связи с термином кусан (= кушан).

Если восточные гунны жили от Яксарта к востоку, т.е. в Семиречье, Тяньшане и Северном Припамирье, и были связаны с расселением саков-хаомоварга (амюргийских), то племена среднеазиатского междуречья, включая Приаралье, (кангюй, аланы) восходят к территории расселения сака-тиграхауда.

Северные гунны, проникшие в Среднюю Азию, оказались, прежде всего, в районах племён сакоусуньского круга и имели отчасти соприкосновение с восточнокангюйскими племенами.

Что же собой представляла сакоусуньская культура Семиречья и Тяньшаня?

Многочисленные раскопки курганов первого тысячелетия до н.э. (главным образом второй его половины) и обильное поступление случайных находок позволили выделить сакский в усуньский круг памятников и, в то же время, выявить в них столь много общего, что вслед за тем и объединить их в понятие «сакоусуньская культура» и рассматривать сакскую и усуньскую группы памятников как два этапа единого культурно-исторического процесса [1]. [11]

Усуньская культура (конец III в., а главным образом II в. до н.э.-III в. н.э.) представлена курганами почти того же типа, но здесь только утрачивается чёткость выкладки кромлеха; могильники уже, как правило, вытянуты в строго выдержанные цепочки, с большими курганами в центре (высота до 5 м). Наличие в этих родовых кладбищах резкой дифференциации насыпей не может не служить показателем явного этапа классового образования, о чём говорит также сопутствие большим курганам малых курганов, с погребениями без инвентаря (в одном случае был обнаружен труп со связанными руками и ногами, насильственно сброшенный в могилу), свидетельствующие о возникновении института рабства.

Вопрос о саках вызвал в своё время огромную литературу вопроса [2] [16] и не перестаёт интересовать историков и поныне, особенно в связи с открытием и изучением сакского языка и письма (имеем в виду восточнотуркестанских и индийских саков) [3], [17] открытием новых надписей ахеменидов [4] [18] и, наконец, в связи с построением истории народов СССР. Суждения о местоположении саков теперь вряд ли вызывают особенные разногласия [5]. [19] От Семиречья, ограниченного на севере параллелью южного берега Балхаша до северной части Восточного Туркестана, от западных отрогов Алтая до Памира включительно были расселены древние сакские племена [1]. [20]Для времени III в. до н.э.-I в. н.э. с территории Семиречья происходит значительная группа памятников как из случайных поступлений, так и добытая в результате систематических раскопок, уже отмеченных ранее. Группа намогильных памятников этого времени сравнительно однообразна. Характерно, что усуньские курганники, относящиеся ко второй половине указанного периода, несколько теряют строгость планировки. Наряду с цепочками наблюдается и беспорядочное расположение могильных насыпей. Устройство погребальной камеры имеет также некоторые варианты. Так, курганы к востоку от Таласа (Чу, Иссык-куль,) содержат, как правило, сравнительно обширную погребальную камеру, в виде грунтовой ямы, перекрытой бревенчатым накатом или жердями из тяньшанской ели [1]. [42] Различия наблюдаются и в инвентаре, в предметах украшения и в керамике.

Изложенное показывает, что культура Семиречья VII в. до н.э.-I в. н.э. представляет собой единую линию развития. Однако письменные свидетельства античных авторов и китайцев об этом районе помещают здесь вначале саков, а затем, с III в до н.э., усуней. Причём, если верить китайским сообщениям, то усуни пришли сюда из Восточного Туркестана. Если это было бы так, то вряд ли культура Семиречья имела такой характер и, вероятно, отразила бы влияния Восточного Туркестана. Очевидно, что о миграции усуней говорить не приходится; скорее всего здесь речь может итти о перемене этнического названия союза племён, в силу утраты саками политического

могущества и выдвижения другого племени - исседонов. Этого вопроса мы касались в другом месте [1]. [43]

Усуньский племенной союз занимал в III в. до н.э.-V в. н.э. Тяньшань и его отроги, т.е. современную Киргизию, часть Южного Казахстана и Алмаатинской области. Значение усуней весьма велико для истории тюркских народов Средней Азии. Этноним «усунь» сохранился в племенных делениях казахов, а по мнению Н. Аристова усуни составляли западную ветвь кыргызов [1]. [45]

Сведения об усунях содержат китайские источники. Ознакомлению с усунями китайцы обязаны Чжанцяню, посетившему усуней два раза, в 136-128 гг. и в 115 г. до н.э. Только с этого времени сведения об усунях приобретают реальный характер. Чжанцянь сообщает, что усуни прежде находились под властью гуннов. Слова Чжанцяня составитель «Исторических заметок» Сымацянь использовал для того, чтобы приписать Модэ шаньюю победу над усунями в конце III-начале II в. н.э. К легендарным сообщениям относится предание о том, что усуни ранее кочевали около провинции Ганьсу, а затем разбитые гуннскими шаньюями Модэ и Лаошаном перекочевали на Тяньшань. Эта версия китайского источника вызывает некоторые сомнения. Археологические памятники Ганьсу, Хэнани и южной части Восточного Туркестана, т.е. мест, которые по китайским источникам являются родиной усуней (середины и второй половины первого тысячелетия до н.э.), резко отличаются от памятников культуры тяньшанских усуней. На Тяньшань в первых веках новой эры проникают влияния Восточного Туркестана, через посредство гуннов, поэтому археологические комплексы содержат большое количество вещей явно не местного происхождения. С другой стороны, анализ усуньских памятников и находящихся с ними по соседству к западу от Таласа памятников кочевников того же времени восточных кангюй (Берккаринский могильник) показывает, что они являются логическим завершением и развитием культуры предшествующего периода VII-III вв. до н.э.

Сакские племена, занимавшие Тяньшань в предшествующее усуням время, были увлечены потоком юечжийских племён, обрушившихся в 140 г. до н.э. на грекобактрийское царство. Китайцы сообщают, что среди усуней остались многие поколения юечжей и саков, находившихся под главенством усуньского союза. В отличие от китайцев античные авторы, в первую очередь Страбон и Трог Помпей, сообщают о большом количестве племён, вышедших с Тяньшаня и разгромивших Грекобактрию. Оба автора упоминают юечжей под именем тохаров, сакарауков, племена асии, а

Страбон - ещё пасианов, которых не называет Трог Помпей. Оба автора явно восходят к более ранним источникам, но не раньше эпохи Александра, когда все племена Тяньшаня назывались просто саками.

Из изложенного следует, что исседоны являются племенами восточной части Средней Азии, соседящими с южносибирскими племенами, и известны античной науке с VI в. до н.э. по II в. н.э., причём ко времени Птолемея известны две ветви исседонов. Они и являлись носителями культуры Семиречья, составляя с другими племенами в предусуньскую эпоху сакский племенной союз. Во II в. до н.э., когда саки ушли с Тяньшаня в Среднюю Азию и Припамирье, с ними ушла и часть исседонских племён, асии и пасианы. В этнониме «асии» мы видим усечённую форму имени «исседон», давно уже сопоставленную в литературе с именем «усунь». В аналогичном положении находится и имя «пасиан», данное здесь в иной фонетической форме. Имя племен «арси» уже было сопоставлено с «асии». Очевидно, что речь идёт о разных вариантах одного и того же этнонима, корень которого в разных текстах звучал ас||ис||ус.

Племена сакарауки были ещё О. Франке сопоставлены с китайскими известиями о сакском князе, занявшем после разгрома юечжами область Гибинь (Кашмир). С этой поры, т.е. со времени 170-160 г. до н.э., китайцы уже сообщают, что «сакские племена живут рассеяно друг от друга под зависимостью других племён». Этими «другими» племенами стали на Тяньшане усуни-исседоны [2]. [47]

Разделение усунь-исседонов на две ветви - тяньшанскую и восточнотуркестанскую - несомненно. Когда ослабло влияние саков на Тяньшане, их восточные соседи исседоны выступили на политическую арену и забрали в свои руки власть среди кочевников Тяньшаня. Воссоединение с ними восточнотуркестанской ветви исседонов послужило, вероятно, поводом для версии китайского источника о миграции усуней из южной части Восточного Туркестана. На самом деле на Тяньшане произошло лишь выдвижение одного из этнонимов местных сакских племён - исседонов-усуней. Естественно, что в этом процессе выдвижения из сакских племен одного племени, по культуре единого с саками, исключена была возможность ожидать принципиально новых явлений в культуре кочевников Тяньшаня. Культура оставалась в основе та же, т.е. сакская, претерпевшая закономерные явления развития. Проникновение в нее китайских элементов объясняется связью усуней с Китаем.

Наше предложение так трактовать происхождение усуней объясняет и сделанные ранее выводы о характере археологических памятников III в. до н.э.-I в. н.э. Связь усуньской (исседонской) культуры с сакской культурой VII-IV вв. н.э. объясняется тем, что исседоны-усуни являлись частью их союза. Тесная связанность культуры сакоусуней с южносибирской объясняется местоположением исседонов-усуней на рубеже Южной Сибири и Семиречья. Вот почему выступление исседонов в качестве политического гегемона сакского союза (а к этому и сводится «происхождение» усуней) не внесло ничего принципиально нового в культуру Семиречья. Гегемония гуннов в первых веках новой эры в Семиречье (когда временно даже исчезает имя «усунь») и скрещение гуннов с усуньскими племенами определило тюркский этногенез усуней, вошедших в состав тюркоязычных племён Семиречья.

Распространение местной усуньской культуры, воспринятой гуннами, весьма широкое, и она имеет много вариантов, правда весьма незначительных. Помимо того, что она зарегистрирована нами по всему Семиречью (северная точка, которую мы сами наблюдали, - это бассейн Коксу и Каратала), работами С. Черникова показано её воздействие и на культуру племён Иртыша. Сакоусуньская культура распространена также по всему Центральному Тяньшаню и выходит в Ташкентский оазис (буруглюкская культура); она встречается и в комплексах осёдлых поселений в Фергане и в курганах кочевников Алая и Чон-алая (Тулейкен, Чакмак, Шарт - ближе к скифскому времени; Кургак синхронен усуням).

Расовый тип усуней — памиро-ферганский, европеоидный. Ориентация покойника, как и в сакских погребениях, - головой на запад. В некоторых могилах скифского времени встречено воздействие андроновского типа: Аламышик (Нарын, Тяньшань), Чакмак (Алай).

Полагаем, что эта культура выросла на основе культуры тех усуней, которые вначале были отброшены гуннами с коренных мест (Семиречье и Северный Тяньшань), а позднее, смешавшись с ними, образовали известный ещё в V в. племенной союз юебань, позднее (VI в.) известный в конфедерации племён дулу западнотюркского каганата под именем «чубань». Быть может, вторжение гуннов в Семиречье - причина северного расселения (а не только западного) усуней и несомненно важнейшее условие в сложении тюркоязычного характера местного кочевого населения сакоусуньских племён, окончательно перешедших в гуннский период в русло тюркского этногенеза. Усуни были «отюречены» гуннами.

Другими словами, для гуннского периода характерно на первых этапах сосуществование усуньской культуры с культурой кенкольского типа, впоследствии - их скрещение и проникновение на северо-восток (Илийская долина) культурных явлений юго-запада (красный лак и некоторые формы сосудов кушанской Ферганы), вызванное временным включением и приобщением к кочевникам этих культурных центров, в силу власти над указанными районами северогуннского племенного союза.

Чрезвычайно важно отметить, к чему мы ещё вернемся позднее, что на юго-западе культура тяньшанских саков и усуней, как и в дальнейшем гуннов, претерпевает сильные изменения, выражающиеся в воздействии высокой культуры Ферганы. Следы воздействия Ферганы мы отмечали в орнаменте и росписях керамики аристеев (Тулейкенские курганы под г. Ош), в лощении и росписи сосудов из курганов сакского круга Алая (Чакмак, Шарт в Алае) и т.п. В свою очередь не избежали этого воздействия и гунны, которые сохранились в более чистом виде на Таласе и в Арпе, отчасти в Ташкенте и подверглись активному скрещению в Фергане и Алае. В частности, в Чон-алае особенно ярко прослеживается их скрещение с местными кумедскими племенами. Скрещение с осёдлым населением явно сказывается в катакомбах Ферганы (Сох, Исфара, Ширинсай) и в джунской культуре. Помимо общих черт, свойственных катакомбной культуре Средней Азии, в инвентаре этих могил характерны кубки с ручкой в виде животного, чаще встречается красный ангоб. В джунских могилах встречается вооружение, неизвестное в катакомбах Алая и даже Ширинсая. В алайских катакомбах, кроме сходной утвари, встречаются прясла, железные пряжки с подвижным язычком,

бронзовые серьги раннесалтовского типа, украшения с зернью. Для всех этих могил характерна, как и для Кенкола, ослабленная монголоидность, вызванная скрещением гуннов с местным, среднеазиатским расовым типом (памиро-ферганским).

Это был начальный этап активной тюркизации местных племён, в VI-VIII вв. усиливающейся связями с приалтайским кругом племён. Тюркизация нашла своё выражение как в материальной культуре, так и в ряде других явлений, например в языке.

В предыдущем изложении мы пытались показать процесс выхода усуней на историческую арену, как процесс дальнейшего развития сакской культуры и выдвижение на политическую сцену в Семиречье новых сакских племён - исседонов. Население в Семиречье ко времени гуннов слагается из ряда племён, среди которых усуни занимают господствующее положение.

Так, например, у усуней были некие дагян [5] [10] - «чиновники». Китайцы так и транскрибируют этот титул, придавая ему смысловое содержание. Однако дагян - то же, что и позднейшие китайские дагань [6], [11] являются не чем иным, как транскрипцией тюркского термина тархан. Когда китайцы лучше познакомились с кочевниками, тогда они употребляли транскрипцию этого титула без попыток дать ему китаизированное смысловое содержание. Не меньший интерес представляет и другой титул – ябгу - «хихэу» [1]. [12] Известно, что титул хихэу, который обычно отмечается только у юечжей [2] [13] (а на самом деле он был и у усуней), является не чем иным, как древней формой титула ябгу, хорошо известного позднее в рунических тюркских текстах. Отметим, наконец, что китайские царевны, которые в большом числе находились в ставках усуней, носили титул «гунчжу», сопоставленный П. Пелльо с руническими «кунчуй» кыргызских и орхонских текстов [3] [14]

Решающее значение в развитии культуры и сложении тюркоязычных народностей Семиречья сыграли гунны как непосредственно, так и через посредство таких племен, как, например, чешы.

Итак, древнейшие сведения о проникновении гуннов в страну усуней относятся к походам Модэ начала II в. до н.э., когда источник Шицзи сообщает, что Модэ покорил 26 владений Восточного Туркестана, а также племена хусе и усунь. С той поры жители всех этих владений вступили в ряды гуннских войск. Этот эпизод лёг в основу дальнейших сообщений китайцев об усунях, когда они констатируют зависимость

усуней от гуннов и во время Чжанцяня. Если политическая власть гуннов и недостаточно сильно проявлялась над усунями во II в. до н.э., то она имела своим прямым результатом приобщение усуней к китайской культуре, получившей особенно широкое распространение среди усуней в I в. до н.э. С этого времени усуни устанавливают самостоятельные связи с Китаем. Падение политической власти гуннов в Монголии к середине I в. до н.э. способствует усилению связей усуней с Китаем.

В начале своей деятельности Чжичжи шаньюй направился в сторону Восточного Туркестана. Здесь, успешно разгромив войска самозванца Илиму, он присоединил к своим войскам 50 000 местных жителей и временно остался там жить. Лишь отсюда он направился в сторону усуней, отправив посла к их гуньмо Уцзюту. Но посол был убит усунями.

Из Восточного Туркестана Чжичжи пошёл войной против усуней, разбил их на Тяньшане; от них пошел на север и разбил племена уге, к западу от них - племена гяньгунь и на севере - племена динлин. Отсюда он отправлял войска против усуней, а затем, по предложению кангюй (примерно в 47 г.), провёл большой поход против усуней, врезавшись в качестве своеобразного буфера по р. Талас между ними и кангюй. В верховьях Таласа была ставка Чжичжи шаньюя, и здесь он был разбит китайскими полководцами Чэньтаном и Ганьяньшоу [2]. [18]

Уже из этих маршрутов похода Чжижчи явствует, что этнический состав его орд был весьма разнообразный и что в процессе войн в Восточном Туркестане с племенами уге, гяньгунь и динлин северные гунны соприкасались с разнообразными этническими и культурными компонентами, которые и были внесены ими в Семиречье.

Такое же значение имели и последующие вторжения гуннов в Семиречье. Среди них следует отметить движение гуннов в конце I в. н.э., когда северные гунны, разгромленные сяньбийцами в Монголии, перешли, очевидно, Тарбагатай и обосновались в Семиречье, дав основу возникновению племенного союза юебань. Вслед за этим разгромом 87-93 г. последовал новый удар. Эти события относительно подробно описаны китайским источником и датируются 90 г. н.э.

Поход китайцев против северных гуннов был якобы предпринят по просьбе южного шаньюя Туньтухэ. Войска южных гуннов в количестве 8000 конницы под предводительством восточного лули-князя по имени Шицзы вместе с двумя колоннами китайских войск выступили против северных гуннов, основной лагерь которых, очевидно, после разгрома 87 г. находился в Семиречье [1]. [19]

В этом весьма интересном отрывке совершенно бесспорно выступает локализация северных гуннов в Семиречье, к северу от Тяньшаня, ибо западное крыло (ю) войска, идучи от Хуннухэ (очевидно Орхон), обогнуло Небесные горы (Тяньшань), т.е. зашло с востока в Семиречье. По дороге они перешли р. Ганьвэй (Енисей). Другая группа войск, восточная (цзо) «минуя Западное море (Баркуль?) пришла на северную сторону Хэюнь». Что за урочище Хэюнь? Расшифровка этого топонима представляет большой интерес. Из контекста ясно, что войска выходят из Монголии и направляются в Семиречье.

На р. Хуннухэ (Орхон) находились ставки гуннских шаньюев, и, судя по подлиннику, этот топоним следует переводить «гуннская река». В написании названия р. Ганьвэй имеется иероглиф гань, который в древности читался Кам, т.е. Кем — Енисей. Таким

образом, восточная часть войск делает большой круг, проходя через области, где издавна обретали своё пристанище северные гунны.

С I в. н.э. в китайских источниках исчезают самостоятельные повествования об усунях, видимо потому, что гунны захватывают власть в свои руки. Во всяком случае, в согласии с этим находится первое сообщение китайцев о том, что гунны имели уже западный аймак, причём, судя по тексту, речь может итти лишь о среднеазиатских гуннах. В начале II в. (первая треть) Семиречье, начиная с северных чешы, входит во владения западных гуннов, а именно «князя» Хояня, распространившего свою власть от Баркуля до Каспийского моря. Фактически и Восточный Туркестан, включая Лоб-нор, и Тяньшань находились под контролем гуннов. Такие оазисы, как Хами (Иву) и Баркуль (Пулэй), почти всё время удерживаются гуннами, и ещё в середине II в. (151-153 гг.) северные гунны успешно ведут борьбу с китайскими войсками, удерживая в своих руках оазис Хами. Однако эти годы были последними в подъёме северных гуннов. Уже в 155-156 гг. имеются сообщения о том, что предводитель сяньби Таньшихуай «поразил усунь и завладел всеми землями, бывшими под властью гуннов» [1]. [21] Несомненно, что здесь есть некоторое преувеличение, так как вряд ли сяньби были долгими хозяевами в Семиречье, но, во всяком случае, они могли на время ослабить роль северных гуннов или, что вернее, сдвинуть их далее к западу. Такую же роль сыграли и племена тоба, которые, всего вероятнее, при Тоба-Ито в 297 г., а затем в 315-318 гг. при Юйлюй покорили древнеусуньские земли и всё «лежащее от уге на запад» [2]. [22] Походы Таньшихуайя, Тоба-Ито, Юйлюйя не вытеснили все же всех гуннов из Семиречья и ещё в V в. н.э. они продолжают здесь своё существование под именем «юебань».

Из этого краткого перечня событий, которые претерпело Семиречье, явствуют и возможные культурные связи и влияния на племена Семиречья за период господства здесь гуннов. Если к этому вспомнить те оживлённые торговые связи, которые были между усунями и Китаем во время затиший между многочисленными войнами, то станет ясным, сколько культурных вариантов могли запечатлеть археологические памятники Семиречья.

Прежде всего здесь должно быть отмечено влияние Китая, осуществляемое вначале через посредство усуней, а затем гуннов. Затем могут быть отмечены возможные проникновения восточнотуркестанской культуры, особенно со времени Чжичжи шаньюя. Северные походы сяньби и тоба продолжали возможное сближение культуры племён Монголии, Енисея, Алтая и Семиречья. Этим и объясняются такие находки,

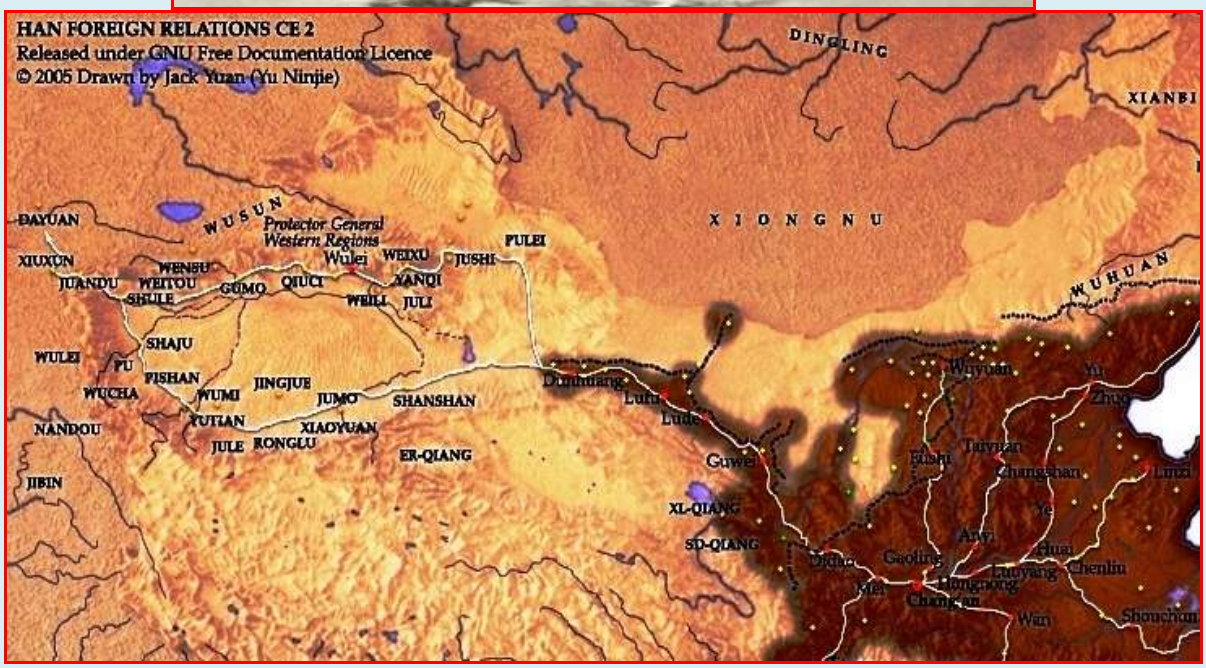
как каргалинская диадема и китайские вещи в инвентаре могил, сходство Кенкола с памятниками Лоуланя, единство в этих районах и процесса расогенеза — постепенное наступление монголоидных элементов. В области культуры, как мы указали вначале, наступает складывание кочевых тюркских элементов культуры [1]. [23]

Нам представляется возможным утверждать, что эти гуннские племена объясняют нам, почему ни в Тяньшане, ни в Семиречье нет раннекушанских памятников. Гуннский «барьер» обеспечил за Семиречьем и Тяньшанем тюркский этногенез и одновременно был сильным источником тюркизации восточноиранских племён Средней Азии. Если на Тяньшане гунны в основном подвергались воздействию со стороны усуней, а в Фергане влиянию восточноиранских племён, точное этническое имя которых сейчас установить трудно, то в зоне Ташкентского оазиса и по Сыр-дарье они скрещивались с кангюйским и сармато (массагето)-аланским кругом племён. Эти этнические различия и хронологическая разнообразность объясняет нам варианты инвентаря, находимого при раскопках катакомб гуннского происхождения [Бернштам 2012, 48-92].

*Поставленный еще в 30-е годы преимущественно на основании сравнения данных китайских источников с изображениями на фресках, вопрос о расовой принадлежности усуней-европеоидов (Краузу, 1959, с. 47) получает поддержку в новейших антропологических исследованиях, утверждающих наличие европеоидного населения на западе Центральной Азии (Алексеев, Гохман, 1984, с. 42, 94, 164, 166). В этих новых антропологических данных можно было бы видеть и довод в пользу лингвистических предположений об интенсивном характере тохаро-угорских и тохаротюркских контактов. Языковые данные, на которых строится отождествление усуней и тохаров, пока, однако, немногочисленны и дискуссионны: ср. гипотезу о конечном др.-кит. mje < *mc в титулах правителей усуней как транскрипции слова, родственного тох. A wal, B walo «царь» (Bulleyblank, 1962, с. 227). Из двух альтернативных сравнений тохароязычного населения с ус-унями и с малыми юэчжи в пользу второго говорит то, что Кумараджива, по матери сам тохароязычный (носитель тохарского B), переводил на китайский язык санскритский этноним tukhara «тохар(ы)» оригинальных текстов как сяо юэчжи. К его времени, по-видимому, подобное отождествление было несомненным, однако пока трудно сказать, можно ли экстраполировать такое отождествление на более раннюю эпоху. Положительный ответ вел бы к допущению, согласно которому тохары, входившие в племенной союз больших юэчжи, в I тыс. до н. э. продвинулись далеко на (северо-)восток, а позднее мигрировали в западном направлении (Рерих, 1964)*

Если предположить, что в племенной союз больших юэчжи (как и усуней) на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточноиранские племена (что согласуется с ранней датировкой начала тохаро-восточноиранских языковых контактов), то можно было бы допустить факт откочевки в Среднюю Азию именно восточноиранского компонента этого племенного объединения, пользовавшегося наряду с другими также этнонимом «тохар». Что же касается собственно тохароязычного населения, то оно скорее всего и период откочевок юэчжи западнее западных оазисов Восточного Туркестана не мигрировало. Во всяком случае, топонимический и

ономастический материал тохарского происхождения в Средней Азии этого времени пока гипотетичен. Такую точку зрения на основе китайских источников высказывал Ю. Н. Рерих, считавший тохароязычными тех юэчжи, которые остались в кочевьях усуней после ухода больших юэчжи на запад (Рерих, 1964, с. 121). Ю. Н. Рерих, кроме того, полагал, что более восточные группы тохаров перешли на тибетский язык.



Не предрешая окончательных выводов о характере и направлении раннетохарских миграций, решение которого в большой степени зависит от разных областей науки (далеко не только лингвистики), можно было бы высказать предположение, что допускаемые пратохарско-(финно)-угорские, как и общетохарско-пратюркские, контакты скорее всего указывают именно на север Средней Азии и прилегающие к ним с севера и востока области. Указанные области, что весьма важно, изобилуют археологическими следами распространения «скифской» (в широком смысле слова) культуры, объясняющей и «скифо-европейские» связи - вплоть до начала I тыс. до н. э., - в том числе и данные о распространении «звериного стиля». Не исключено, что движение усуней на север и северо-восток нынешней территории КНР в VIII в. до н. э. могло быть сязано с упоминавшейся выше восточной миграцией тохаров.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в эпоху Чжаньго (403-221 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (хунны) и юэчжи, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них по явился единый правитель (Таскин, 1968, с. 36). В IV в. до н. китайцы впервые называют хуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом; за это время в составе хуннского объединения оказались те хуннские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями хуннов были юэчжи - по-видимому, восточноскифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на базальтовых скалах ущелья Цагангол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель (Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 66-74).

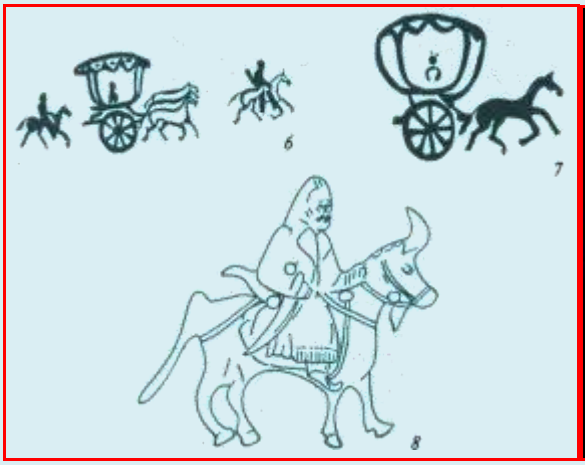
В последние десятилетия III в. до н. э. союз хуннских племен, возглавлявшийся военным вождем - шаньюем, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Государство хуннов, выросшее из военной аристократии жунских племен VIII-IV вв. до н. э., сложившееся в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами, государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми землепашцами), такое государство могло существовать и существовало до тех пор, пока оно оставалось централизованной империей, организованной на военно-административных принципах. Основатель хуннской державы Маодунь, в ходе победоносных войн сумел принудить Ханьскую империю не только к признанию его полного суверенитета, но и к уплате ежегодной дани. В 203-02 гг. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и верхнего Енисея; в 176-65 гг. он и его наследник Лаошан, одержав над юэчжи победу и вытеснив их в Среднюю Азию, установили контроль над богатыми оазисными государствами бассейна Тарима.

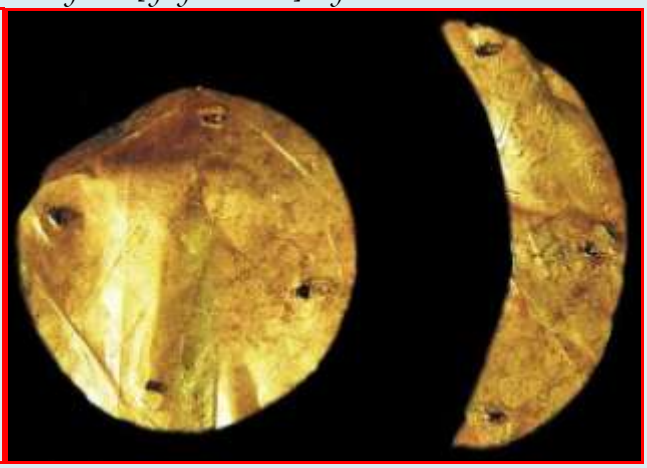
*Безраздельное политическое влияние хуннов в Восточном Туркестане и западной части нынешней пров. Ганьсу длилось более полувека. Формы проявления и экономические последствия этого влияния до настоящего времени не исследованы. Политический авторитет хуннских шаньюев в Западном крае на протяже**нии** почти столетня был очень велик: «Всякий раз, как посланник сюнну с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств [Западного края], его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задержать его или чинить ему помехи» (Hulsewe, 1979, с. 137). Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставлял владетелей малых государств Таримского бассейна признавать сюзеренные права хуннских владык и блюсти их интересы даже после фактического подчинения ханьскому двору* [Восточный Туркестан 2016, 16-17,118-119].

И дальше мы видим, что Чжан Цянь, в противоположность историографической традиции, говорит о причинах разгрома юеди в совершенно новом аспекте, связывая его

не с сюнну-гуннской экспансией, а с движением усуньских племен из Ордоса на запад. "Когда усуньский куньмо (князь) вполне возмужал, он сам испросил разрешения шаньюя отомстить за обиду своего отца, [убитого юедийцами]. Следуя на запад, он, напав, разгромил юеди. Большие юеди снова бежали на запад и поселились на землях Дася-[Бактрии]" [44].

За то, что это не случайная ошибка или описка поздних редакций, говорит второе высказывание Чжан Цяня, в котором он дает сжатую схему последовательной сменяемости народов Семиречья: "Первоначально [оно] было землями сэ (саков). Большие юеди на западе разбили и изгнали сэского князя; сэский князь на юге перешел Сяньду (Гиндукуш), а Большие юеди стали проживать на его землях. Впоследствии усуньский куньмо ударил и разбил Больших юеди. Большие юеди переселились на запад и покорили Дася, а усуньский куньмо стал жить здесь" [45]. Слова Чжан Цяня подтверждаются всеми другими источниками, из которых следует, что Семиречье никогда не было объектом сюнну-гуннского завоевания. Так как вторичный разгром юеди произошел здесь и был совершен усунями, китайские комментаторы делают естественное заключение: "Юедийского князя убил [усуньский] куньмо" [46].





Таким образом, сопоставление фрагментов летописей позволяет отделить неверные обобщения и толкования хронистов от реальных событий, которые, в свою очередь, проливают свет на действительные причины переселения юеди в Бактрию: 1) разгром юеди был нанесен не сюнну-гуннами Монголии, а усунями в 50-х годах II в. до н. э.; 2) существование черепа юедийского князя в ставке сюнну следует объяснить тем, что откочевывая на запад, усуньский куньмо имел формальной целью отомстить юеди за смерть отца. В знак того, что его действия увенчались успехом, куньмо, будучи вассальным князем, отправил голову побежденного князя своему сюзерену шаньюю - обычай, одинаково характерный для всех кочевников Азии.

Но между тем и китайские авторы после Сыма Цяня, и сами юеди единодушно заявляют, что поражение было нанесено гуннами [47]. Здесь мы сталкиваемся с несомненным тождеством: у гуннов Монголии, юеди, кидаритов и некоторых китайских информаторов усуни были известны под именем гуннов.

Уместно заметить, что указанные сообщения Чжан Цяня далеко не единственный аргумент в пользу сближения усуней именно с сюнну-гуннами. По критическому изданию разделов об иноземцах из династийных историй в уже цитированном

"Сборнике Повествований" следует, например, что "страна Усунь находится на северо-востоке от Давани (Ферганы)". В то же время другой параграф этого сочинения определенно локализует Давань "на юго-западе от сюнну" (т. I, стр. 108). Приведенный фрагмент не объясним, если исходить из существующего мнения о местонахождении сюнну-гуинов на территории Монголии. Следовательно, считая определенным соотношение наименований Давань-Фергана, приходится констатировать, что на северо-востоке от Ферганы находилась и страна Усунь, и страна Сюнну, которую следует отличать от восточногуннской конфедерации. Иными словами, географическое положение обеих стран совпадает.

И вот другой пример. Во второй половине I в. до н. э. канцзюйские племена подверглись сильному давлению со стороны своих западных соседей - усуней. Будучи не в состоянии своими силами противостоять усуням, канцзюйский князь обратился за помощью к сюнну-гуннскому шаньюю Чжичжи, находившемуся тогда в Западной Монголии. Источник так передает слова канцзюйского князя: "Можно пригласить его (Чжичжи.- Ю. З.) на восточную границу (Канцзюя), совокупными силами завоевать Усунь и поставить его там князем. Тогда не для чего опасаться сюнну" (Там же, стр. 220). По нашему мнению, текст не оставляет сомнений в том, что в данном случае под сюнну-гуннами также надо подразумевать усуней.

Во главе усуньского племенного союза стоял князь, титул которого древние китайцы передавали иероглифами куньмо [62], куньми [63] и куньбянь [64]. Судя по тексту Тайпин юйлань[65], куньмо (куньми, куньбянь) является транскрипцией двусоставного термина (кунь + мо), в котором кунь является определением к мо. Сведения об усунях, содержащиеся в "Исторических записках" и "Истории Старшей династии Хань", говорят о существовании постоянного института куньмо в усуньском союзе.

Термин куньмо (древн. kuən-mak [Bag], kuən-miya [Biya], kuən-bian) из тюркской лексики впервые был разобран К. Сиратори, считавшим его китайской передачей титула хан-бег (вар. хан-бий) [66]. Более точный анализ термина дан И. Марквартом, предложившим новое чтение группы в форме кун-бег, кун-бий со значением бег (князь) над кунами, кунский бег[67], что частично подтверждено П. Пелльо, объяснявшим указанные разночтения диалектальными особенностями языка древних усуней [68]. В целом две последние трактовки не вызывают сомнений. Можно лишь с учетом работ Б. Карлгрена в области исторической фонетики китайского языка [69] и опыта недавних исследований Л. Базэна по табгачскому языку в древнекитайской транскрипции [70] внести в это чтение поправку: кунь-мо = кун-баг (кур-баг), куньми = кунь-бянь = кун-баг или кун-бай и дешифровать двояко: 1) князь куна (народа, племени) и 2) кунский (гуннский) князь. Надо полагать, равнозначным эквивалентом термина куньмо (кун-баг) был титул ушань-му [71] (ou-sin-[m] Bag = Ushin-Bag, "Usun Prince, ушин-баг, "усуньский князь"), принятый в 53 г. до н. э. обособившимся усуньским князем Уцзюту72. По соображениям, приведенным выше, считаем оба эти понятия тождественными. Для подтверждения нашей дешифровки обратимся к материалам другого характера.

Титул усуньского бага сохранился в названии его города-ставки, которую Феофилакт Симокатта (VI в.) называл Баг-кат ("Город бага") [73]. Вероятней всего, этот же город,

находившийся между Иссык-Кулем и Или, в усуньской области Бэй-тин [74], китайцы называли "Городом бага" (кит. Мо-хэ [75]= [m] Bag-ga = Bag, возможно, Баг-балык, Бай-балык[76/77]. Другим наименованием "города бага" было Гун-юэ (k'iung-ngiwat=кун-кат) [78]- "Кунский город", известный позднее под именем Ку-на-са-эр - Куна-шар - "Кунский город" с переосмысленным значением "Старый город" [79].

Между лю-хунь и куянами, в Аньдине и Пинляне (совр. Пинлян и Гуюань), находилось "поколение уши" (uo-si [88]), в названии которого нетрудно увидеть форму ушин, усунь. Древние китайцы при передаче иноземных наименований вкладывали в их транскрипцию определенный смысл. Здесь транскрипция у-ши имеет значение "поколение вороны", аналогичное со значением у-сунь - потомство вороны" [89]. Термин усунь (уйсун, уйшун, ушун, ушин, уйсын, усын и т. д. до сих пор не расшифрован [90], поэтому его действительный смысл остается загадкой. Но наличие вороны как родового тотема у древних усуней несомненно. По усуньским преданиям, родоначальниками усуней были ворона и волк91. Э тот факт нашел отражение в тамге усуней - ашина (ошин), на которой также изображена ворона [92].

Не имея возможности подробнее остановиться на вопросах единства усуней с племенем гуннского происхождения ашина [93], скажем лишь, что достоверность известий о первоначальном проживании ушинов-усуней в Аньдине-Пинляне (на "Вороньей реке" [94]) подтверждается одной из древних ашинских легенд, по которой "предки туцюэ"ского (тюркского) дома ашина произошли от смешанных ху"ских (гуннских) родов, прежде кочевавших в Пинляне" [95].

Отделение скотоводства от земледелия, прослеживаемое на материалах археологических исследований в Северном Китае и Внутренней Монголии с VII-V вв . до н. э., [96] привело к сложению здесь кочевых скотоводческих племен. Ближайшим результатом этого процесса явилась консолидация некоторой части северных и западных племен в племенные союзы. Письменные источники этого периода изобилуют сообщениями о постоянных набегах кочевников на раздробленные уделы оседло-земледельческого Китая. Набеги несколько уменьшаются лишь в IV в. с установлением гегемонии княжества Цинь, объединившего под своей эгидой большинство уделов ослабевшей династии Чжоу. В конце IV в. циньские правители захватили области Лунси, Бэйди и Шанцзюнь [97], а жившие там племена, в состав которых входили и усуни, откочевали на запад. Для защиты Китая от пограничных кочевников было построено первое звено Великой Китайской стены.

Вскоре после этого события гуннские племена появляются у Ци-лянь-шаня и Эдзин-гола, получившего название "Куянского озера", о котором комментатор VIII в. Янь Ши-гу писал: "Видимо, это название нейтральных земель сюнну и уезда, учрежденного в области Чжанъе. Оно дано по имени издавна проживавших здесь куянцев" [98]. Здесь были учреждены переведенные с территории провинции Шэньси уезды Цзюйянь-сянь" (Куянский) и Аньдин-сянь [100] (затем переименованный в Уши-сянь [101] - Усуньский). Все хронисты и комментаторы помещают уши между Эдзин-голом и Цилянь-шанем, на территории современного Лянчжоу, где, по летописным версиям, обитали усуни [102]. Характерно, что по более поздним источникам (Вэйшу) часть усуней локализуется в местности к востоку от Дуньхуана, в том же районе [103].

Куянцы и усуни входили в состав "кунских" племен и находились под сюзеренитетом гуннского князя "Западной Стороны", носившего титул кунь-се [104] (киэн-си а = кунсиг, "кунский") [105]. Наименование "кунских" [106] сохранилось за племенами этого района вплоть до VIII в. [107].

Род шамана-хранителя сю-ду [108] (hsu-d'uo = kut-o) [109], перемещенный из местности Ганьцюань-шань провинции Шэньси, находился на северных склонах восточного Цилянь-шаня [110], по соседству с усунями. Наконец, в центре Цилянь-шаня, по южной границе усуней, находилось племя ци-лянь [111] (kuəg-lian = Koklan, Goklan) [112], имя которого сохранилось до сих пор в составе туркменских родов [113].

Совершенно самостоятельные сведения о древнем местожительстве усуней в системе гуннских племен сообщают Сыма Цянь и Бань Гу со слов Чжан Цяня. Во второй половине II в. до н. э., когда усуни находились уже в Семиречье, Чжан Цянь, обосновывая необходимость совместной борьбы китайцев и усуней против Сюнну-гуннов, писал в докладе императору: "Прежде усуни находились рядом с Большими юэди между Цилянь и Дуньхуаном. Ныне они усилились, но щедрыми дарами можно склонить их переселиться на восток, для проживания на прежних землях" [114].

В последующих докладах двору он неоднократно развивал эту мысль: "Ныне [гуннский] шаньюй в новых трудностях от Хань (Китая), а земли куньмо [на востоке] пустуют (По тексту Шицзи: "...а прежние земли хунь-се опустели и обезлюдели"). Иноземцы весьма привязаны к своим древним землям, к тому же любят богатства Хань. И если, воспользовавшись этим случаем, щедрыми дарами склонить усуней пересилиться на восток, для проживания на прежних землях (по Шицзи: "...для проживания на прежних землях хунь-се"), то этим можно будет добиться успеха, а добившись его, отрубим правую руку (т. е. западную часть) Сюнну [115]. Поэтому, приехав в ставку усуньского князя, Чжан Цянь говорил ему: "Если усуни переселятся на восток, для проживания на прежних землях, то Хань отправит княжну в жены куньмо..." [116].

Однако посольство Чжан Цяня к усуням потерпело неудачу. Объясняя причины этой неудачи, он отмечал, что усуньские князья все еще находились в зависимости от сюнну и, "кроме того, были близки к ним" [117]. Под близостью сюнну-гуннских и усуньских князей надо, видимо, понимать их генеалогическое родство в системе гуннского союза. Последняя фраза перекликается с сообщением Шицзи, "что отец куньмо был [князем] малого княжества западной границы сюнну" [118].

Из племен негуннского этноса отметим кочевавших на западе и юго-западе от усуней, в области Чжанъе, юэди [119] (ut-tiei (tai), ngyi at-tiei (tai) = Ots, Ats) [120] и дася [121] (tad-ga = Tarop, Tokar) [122] в междуречье Дася-хэ и Чжао-хэ. В западных источниках они были известны под именем аттакоров, оттокаров [123], представляющим стяжение двух этнонимов: am/ac/+такор, от/ос/ + токар.

В рассматриваемый период асо-тохарский союз был одним из сильных племенных объединений на западе от Хуанхэ. Его владения распространялись далеко на юг от Цилянь-шаня и Дунь-хуана, к верховьям Хуанхэ; на востоке данниками асов-тохаров были гуннские племена.

В 178 г. до н. э. юэди-асы изгнали усуней, обособленных от гуннской коалиции, из долины Ушуй-хэ и уничтожили их княжеский род. Уцелевшие члены династийного рода бежали в ставку гуннов Монголии [124]. Новорожденный усуньский княжич был усыновлен гуннским шаньюем и воспитывался у него [125]. Летопись сообщает, что, опасаясь нападений со стороны юэди, усуньский "народ [также] бежал к сюнну". Когда молодой княжич Лецзяоми возмужал, шаньюй вернул ему народ его отца и отдал в надел область Сичэн ("Западная стена"), у поворота северного рукава Хуанхэ на восток.

Здесь происходит процесс консолидации усуней, сопровождавшийся покорением мелких соседних княжеств и расширением территории усуньского союза. Это был период первоначального сложения феодального быта у усуней: создания княжеской дружины, появления сильной власти кун-бага, образования обогатившейся на военных грабежах племенной аристократии и, наконец, объединения разрозненных родов в крупное политическое ядро. За двадцать лет пребывания в Сичэне (примерно 178-160 гг.) усуни усилились настолько, что стали представлять опасность и для самих сюнну. Вскоре Лецзяоми отказался являться на обрядовый гуннский праздник "Объезда леса", обязательный для всех гуннских князей. Воспользовавшись смертью шаньюя Лаошана (161 г. до н. э.), значительная часть усуней, возглавляемая Лецзяоми, уходит на запад.

После разгрома 178 г. юэди-асы были вынуждены оставить свои прежние земли в области Чжанъе и двинуться в Семиречье, заселенное сакскими племенами, которые

под давлением юеди откочевали в Капи-су. Под предлогом мести за смерть своего отца Лецзяоми напал на юеди. и часть их переселилась теперь еще дальше, в Греко-Бактрию.

Другая часть саков и асов-тохаров осталась в Семиречье и вошла в состав усуньского племенного союза126, за которым в греческих и латинских источниках укрепилось наименование "гунно-тохарского".

Итак, перед нами три этапа миграции усуней на протяжении около двухсот лет: 1) Шэньси-Цилянь-шань; 2) Цилянь-шань-Сичэн; 3) Сичэн-Семиречье. В силу общей скудости письменных источников IV -II вв. до н. э., когда систематические известия о варварских племенах только начали просачиваться в китайскую историографическую литературу, нельзя дать исчерпывающего конкретного анализа причин этих переселений и описания их процессов. О них можно говорить лишь в самых общих чертах.

Если на первом этапе усуни выступали как часть кочевой периферии оседло-земледельческого Китая, а их переселение было обусловлено стремлением китайцев обезопасить свои северные границы и сделать невозможными дальнейшие набеги на централизованный Китай, то на втором этапе эти причины также носили "внешний" характер и заключались в экспансии асо-тохарского союза на территории, занятые более слабыми племенами, в данном случае усунями.

Переселение усуней из Сичэна, разумеется, не может быть объяснено желанием кун-бага отомстить за смерть своего отца. Это был лишь повод для откочевки из Сичэна, которому, кстати говоря, не поверили и в гуннской ставке: вдогонку усуням был послан отряд, потерпевший, однако, неудачу [127].

Здесь действовали причины другого характера, вытекающие из особенностей кочевого хозяйства. Сыма Цянь говорит, что во время пребывания на востоке от Цилянь-шаня "куньмо собирал свой народ и заботился о нем. Он нападал на соседние мелкие уделы с несколькими десятками тысяч воинов, опытных в сражениях" (по переводу Н. Я. Бичурина: "Гуньмо приложил попечение о поправлении состояния своего народа и подчинил себе окрестные небольшие города") [128]. Иначе говоря, в Сичэне, расположенном в окружении гуннских племен, начался процесс консолидации усуней и создания родоплеменной конфедерации. Усиление усуней происходило на базе общего развития и укрепления кочевого скотоводства как господствующей формы хозяйства встепях Центральной Азии этого периода. Благоприятные в климатическом отношении 180-160 годы, отсутствие военных столкновений на северной китайской границе и, на первых порах, военная поддержкасюнну-гуннской ставки явились объективными причинами увеличенияих основного богатства (скота) за счет быстрого естественного прироста стада и военных захватов.

Но растущее скотоводческо-кочевое хозяйство с его исключительно экстенсивным направлением развития и необходимостью больших пастбищных площадей обнаруживает постоянную тенденцию к расширению и самостоятельности, которые тормозились ограниченностью территории и сильным сюнну-гуннским окружением. Это своеобразное проявление закона переселений скотоводческих племен, сформулированного К. Марксом, переплеталось со стремлением феодализирующейся племенной аристократии освободиться от сюнну-гуннской зависимости.

Рассмотренными обстоятельствами и объясняется то, что в год смерти Лаошана "куньмо со своим народом далеко переселился, сделался самостоятельным и не соглашался являться на съезды (т. е. на праздники "Объезда леса".- Ю. З.) к сюнну" [129].

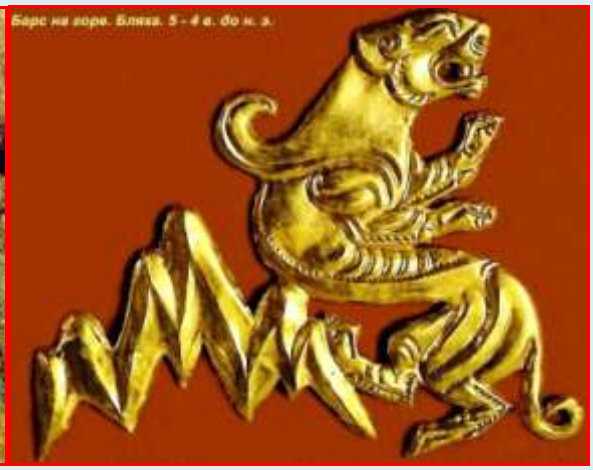
В течение 15-18 лет значительная часть усуней откочевывает в Семиречье, расположенное в непосредственной близости к оседло-земледельческим оазисам Хорезма и Греко-Бактрии, на больших караванных путях между Западом и Востоком. Семиречье с его горными, долинными и степными пастбищами стало местом основных усуньских кочевий. Переселение закончилось там, где были исчерпаны причины, породившие его.

Здесь важно отметить, что миграции скотоводческих племен, в том числе усуней, никогда не носили абсолютный характер. Часть племени, как правило, оставалась на обжитых местах и впоследствии принимала участие в сложении новых этнических объединений. Спустя несколько столетий после ухода основной массы усуньского населения на запад имя усуней снова появляется в тексте памятника в честь тюркского князя Тоньюкука при описании новых кочевий восточных тюрков: "Я довел войска до городов Шантунга [130] ("Горный восток") и до морской реки (р. Хуанхэ). Они разрушили двадцать три города и остались на жительстве в земле Усын бундату" [131].Текст ясно определяет южное, китайское направление тюркских походов и позволяет локализовать "юрт усуньского союза" на северном рукаве Хуанхэ, видимо, в районе Сичэна [132]. Этим объясняется и существование усуней в Ордосе, которое отмечают многие средневековые и современные авторы [133], причем П. Пелльо и Л. Амби высказывают резонное предположение об общности происхождения этих усуней с сары-уйсунами в составе киргизов, ушунами и уйшунами узбеков, а также с уйсунами казахов Большого Жуза [134]. Вспомним также, что на Хангае [135]и в Бэйтине - Бишбалыке [133] еще долгое время существовали обособленные княжества усуней - остатков древних гунно-усуней северного и северо-западного Китая [137].

Изложенные в настоящем параграфе данные о передвижениях усуней последовательно дублируют перемещения центра кунской конфедерации от Ордоса до Цилянь-шаня, а постоянное их местожительство в кольце гуннских племен ясно показывает органическое этно-политическое единство с гуннами. Даже обособление и откочевка усуней на запад, борьба шаньюев не за разгром или изгнание, а за возвращение их зависимости от гуннской ставки, наконец, отказ кун-бага от обязательного присутствия на ритуальных праздниках гуннов, генеалогическая близость сюнну-гуннов с усунями и упоминания усуней-уши в составе коренного гуннского ядра - все это разрешает сделать только один вывод: "наряду с кутами, куянцами, гокланами и др. усуни относились к племенам кунского происхождения и носили наименование "гуннов". К этому же заключению приводит анализ греческих и латинских известий об усуньском племенном союзе.

Ни одно из племенных названий, встречающихся у греко-римских авторов, не может быть даже приблизительно сопоставлено с термином усунь138. Усуни - обитатели бассейна Ушуй и затем Семиречья неизмешю фигурируют в западных источниках под именем гуннов.

Античные авторы сохранили немало вариантов передачи этого имени. У одного только Страбона насчитывается пять разночтений термина "гунн" по разным рукописям: φρουροί, φρυνοι, φρυροι, Γρυνοι, φαυνοι. Кальман Немэти, сличая флорентийскую, эскуриальскую, московскую и пять парижских рукописей "Географии" Страбона, приходит к выводу, что наиболее ранняя и устойчивая форма написания - φαυνοι [139]. Разночтения термина гунн у Дионисия Периегета: ουννοι, ωνοι, ωοννοι, Οουννι, θουνοι [140]; у Приска Панийского: unnus, thynus, thinus, thymiis; у Орозия: chuni, phuni, thuni, funi; у Плиния Старшего: huni, phuni, thuni [141] и т. д. Обилие форм передачи этого термина объясняется, видимо, малым книжным знакомством большинства западных авторов с древними племенами Восточного Туркестана и Средней Азии и традиционной компилятивностью их источников, при которой ошибки переходили из ранних произведений в более поздние. Исключение составляют варианты χγπίφυη с закономерным чередованием х/ф142. Обе формы встречаются у Евстафия в его комментариях на "Землеописание" Периегета. Давая описание скифского племени унноэ (рунны, ουννοι) или Ουννοι, Евстафий говорит, что "нужно следовать тем, кто пишет "унны" без θ [143].



Хронологически первое упоминание о племени гуннов принадлежит Страбону, который, со слов Аполлодора Артемитского (примерно середина II в. до н. э.), заявляет, что бактрийские "цари простерли свои владения до серов и фаунов" [144]. Основываясь на доказанном тождестве фауны-гунны, некоторые исследователи пытались сблизить фаунов Аполлодора с сюнну-гуннами Монголии, а серов - с китайцами [145]. Однако владения Греко-Бактрии ни в какой исторический период не распространялись дальше западных пределов Таримской котловины [146], и, следовательно, это сопоставление с историко-географической точки зрения неудовлетворительно. В это время юэди кочевали в Семиречье, а усуни, обособленные от гуннской коалиции, находились на Тариме и в Бэйтинской области, гранича на севере с синьли [147]-сирами [148], обитавшими на Алтае или к югу от него. Поэтому мы не видим иной возможности, кроме отождествления гуннов и серов-кочевников Аполлодора с гуннами-усунями и синьли-сирами.

Последующая история усуней связана, как отмечалось, с их борьбой против асо-тохарского объединения и откочевкой в Южный Казахстан. Во второй половине II в. до н. э. они находились в долине р. Или и Иссык-Куля. В границах усуньского племенного

союза оказалась часть саков и асов-тохаров, не принявшая участия в юедийском походе на греко-бактрийское царство. С этого времени греко-римские авторы говорят об усунях-гуннах только в ассоциации с тохарами.

Уже Дионисий Периегет, модернизируя сведения Страбона применительно к I в. до н. э., писал, что за яксартскими (сырдарьинскими) саками, "стрелами бьющимися", живут "тохары, фруны (гунны) и варварский народ серов" [149]. Предельно ясная географическая характеристика Дионисия помещает гуннов на востоке за Сыр-Дарьей и к западу от серского Алтая, в границах усуньского союза [150].

Из других источников сведения Дионисия об усунях-гуннах подтверждает восходящий к I в. до н. э. Плиний Старший, который вслед за предыдущими авторами на "Асской реке" (Атиан-Асиан = Асский, Яксарт) называет народ аттакоров и залив того же наименования (Ас-такорский; ср. Аральское море = Токарское море). На востоке за сырдарьинскими асами-тохарами, где, по китайским данным, находились усуни и тохары, живет народ "гуннов и тохаров", за ним касыры, обитавшие где-то в бассейне Тарима. В стороне от этих народов, по всей вероятности также на Алтае, Плиний упоминает рыжеволосых кочевников серов, "известных своими лесами" [151].

Название "Города серов" встречается на карте 7 г. до н. э., известной через компиляцию св. Иеронима (IV в.) в публикации К. Немэти [152]. На ней между серами (Алтай?) и октогорра (оттокора, Яксарт) показан народ "гуннов-скифов". Как утверждает издатель карты, ею пользовался и ученик св. Иеронима Павел Орозий, локализовавший "фюн-скифов" за племенем оттокорра (ос-токоры) в упомянутом районе.

Важное известие об усунях-гуннах сообщает современник Марка Аврелия (161 -180 гг.) Клавдий Птолемей. В шестой книге "Географии" он называет племя **Θροανοι** *- гуннов вместе с* **θαγροι** *тагурами [153] у начала Касийских гор, отождествляемых с Западным Тянь-Шанем [154]. Если* **θροανοι** *Птолемея, сопоставлявшиеся прежде г нтнами Монголии (Ф. Гренар) не были предметом специального обсуждения, то названному в другом месте [155] одноименному городу (Θροανα = Руна, "Гуннский") на Шелковом пути, его идентификации с данными этнонимики и географическому положению посвящено немало строк. Вслед за Бэйли ученые ошибочно сближают его с согдийским наименованием Дуньхуана [156] дрв"н, известным по дуньхуанским рукописям в коллекции А. Стайна [157].*

Но уравнение **θροανα** *= дрв"н не может быть принято по причине очевидного географического несоответствия: отрезок Шелкового пути у западного Тянь-Шаня следует отнести только к территории Семиречья, а не Дуньхуана в провинции Ганьсу. Мы присоединяемся также к возражению В. В. Тарна, считающего существенным недостатком гипотезы неоправданное отделение* **Θροανα** *от "скифского племени"* **Θροανοι** *- гуннов (жившего вместе с* **θαγυροι** *-Тагорами), на землях которого, по словам Птолемея, находился этот город[158].*

Сообщение Птолемея о Гуннском городе и скифском племени гуннов поддерживается аналогичными известиями по Юлию Гонорию (V в.) в его "Космографии", представляющей собой комментарии к более ранней карте земли. Перечисляя города Восточного Океана (Иссык-Куля), Гонорий называет "Город скифов-гунов" (Skythae-

thuni) и "скифо-гунское" племя в той же области [159]. Здесь он, бесспорно, уточняет Птолемея в транскрипции и подтверждает в локализации "Гуннского города" и "гуннского племени" на Шелковом пути, помещая их в окрестностях Иссык-Куля.

Эта местность сравнительно хорошо была известна древним китайцам, локализовавшим на Шелковом пути у Тянь-Шаня столицу усуньского племенного союза Город Красной долины [160]. Китайские хронисты характеризуют Город Красной долины как ставку усуньского кун-бага [161]. Выше отмечалось, что его другими названиями были "К¥нский (Гуннский) город" - Кун-кат и "Город бага" [162].

На рубеже и в первые века н. э. Город Красной долины был не только значительным политическим центром со смешанным усуньским и китайским населением, но и, надо думать, являлся важным перевалочным и обменным пунктом на Шелковом пути [163]. Проходивший по долине р. Или к Иссык-Кулю и дальше на запад Северный путь лежал через Красную долину. Кроме рассуждений общего порядка, в пользу этого вывода говорит небезынтересное сообщение Цянь Ханьшу, выпавшее из внимания исследователей. При описании похода Чэнь Тана и Гань Янь-шоу на Талас, к городу гуннского шаньюя Чжичжи в 36 г. до н. э., летопись гласит, что они, "идя [от Или] Северной дорогой, вошли в Красную долину (Чигу) и пересекли страну Усунь; перейдя границу (княжества) Канцзюй, вышли на западе от Наполненного Озера (Иссык-Куля)" [164].

Имя "гуннов и тохаров" (faunos-ficarios) последний раз всплывает в конце IV в. в основанном на летописных традициях готском предании о происхождении западных гуннов: "(В 376 г.) Филимер, король готов и сын Гандариха Великого ... узнал, что среди его народа водятся какие-то ведьмы, которых он сам называл на готском языке алиаруннами (haljarunna - "адское колдовство"). По его приказанию они были выгнаны и осуждены блуждать в степях, далеко от лагеря готов. Лесные (?) люди фауны-фикары ("гунны и тохары"), увидев ведьм, скитавшихся в пустыне, сочетались с ними и породили этот варварский народ - гуннов" [165].

Анализируя сказание, А. Н. Бернштам считает "необходимым подчеркнуть характерное указание на то, что какая-то часть западных гуннов возникла непосредственно на европейской почве" [166]. Со своей стороны, в silvestres homines - "лесных людях" "Всеобщей истории" мы видим ακατζιροι греческих, akatziri латинских, гуннов - агач-эри и йыш-киши ("лесные люди") иранских и тюркских авторов [167]. Если это так, то, согласно приведенной версии, тюркоязычных гуннов - агач-эри-надо считать западной ветвью "гуннов и тохаров" Семиречья и в автохтонном происхождении западных гуннов признать восточный, гунно-усуньский субстрат.

Показания античных источников от Страбона-Аполлодора до "Всеобщей истории" в конечном счете сводятся к выводу, высказанному в предыдущих параграфах: в Семиречье, где китайские летописцы и путешественники помещают племя усуней и их столицу Город Красной долины, греческие и латинские авторы называют народ гуннов и Гуннский город на Шелковом пути. В согласии с китайскими известиями, по которым "среди усуней имеются ветви сэ и юеди", античные авторы неизменно помещают вместе с усунями-гуннами племя тохаров, обособленное от асов-тохаров Бактрии и Сыр-Дарьи.

Проблема древних усуней существует уже давно, и попытки ученых свести конкретный анализ имеющихся источников к поискам более или менее созвучных эквивалентов термина усунь, не дав положительных результатов, завели эту проблему в тупик. Лишь в самое недавнее время в китайской исторической литературе о Восточном Туркестане стал намечаться (правда, пока еще без достаточной аргументации) новый путь решения усуньской проблемы, как проблемы "обособленной ветви гуннов" [168]. При современном состоянии науки о древних народах Центральной и Средней Азии этот путь кажется наиболее приемлемым с исторической, лингвистической и географической точек зрения. В этом смысле рассмотренный здесь материал достаточно показателен.

Предлагаемое нами новое объяснение термина "гунн" по разноязычным источникам и анализ его территориального распространения на карте древней Азии показывают, что этим этнонимом обозначались и племена, известные в китайских источниках в основном под именем усуней.

Ранние китайские известия о жительстве усуней в системе протогуннских племен и их сопоставление с показаниями античных авторов заставляют сделать вывод, что вопрос о происхождении усуней тесно связан с этногенезом не восточноиранских, а в первую очередь кунских, тюркоязычных народов. В исторической науке считается почти общепринятым положение о происхождении усуней на территории Семиречья [169]. Недостаточность этой теории заключается в том, что, принимая ее, мы вынуждены основываться на шаткой гипотезе о возвышении неизвестного восточноиранского племени со сходным наименованием и его последующей тюркизации сюнну-гуннами - гипотезе, не подкрепленной никакими историческими фактами и логически не оправданной. Не усилением "автохтонных" усуней, а их иммиграцией из ордосских степей можно объяснить коренные этнические перегруппировки в Средней Азии середины II в. до н. э. - падение греческих колоний Бактрии от асо-тохарского вторжения, изменение в этническом составе междуречья Сыр-Дарьи - Аму-Дмрьи и, наконец, скрещение тюркского и иранского этносов в самом Семиречье.

Сопоставление усуней с гуннами, если оно покажется убедительным, позволяет наметить один из путей распространения тюркского массива на запад и считать этот усуньский путь самым ранним. Отсутствие сведений о действительном переселении Сюнну-гуннов на запад до конца IV в. н. э. и существование "гуннского" населения на восточных окраинах Европы в III в. и раньше приводят к заключению, что в сложении западных гуннов приняли участие и другие племена, прежде всего усуни [Зуев 2016, 6-23].

В материалах из Монголии (преимущественно из того же юго-западного района) встречены и другие тамги, тождественные или близкие сарматским знакам Северного Причерноморья (см. рис. 8, табл. III). Этот факт, как нам представляется, подтверждает вывод о продвижении группы иранских кочевых племён в последней трети-конце I тысячелетия до н.э. из Монголии (скорее всего района Монгольского Алтая) через казахстанские степи и, вероятно, Среднюю Азию в степные районы Восточной Европы [Вайнберг, Новгородова 2016, 11].

В восточной части Центральной Азии на рубеже III-II вв. до н.э. хунны создают мощную кочевую державу, наносят военное поражение юэчжи и начинают распространять свое влияние на запад [Скрипкин. 1994. С.30-31]. Экспансионистская активность хуннов стала своего рода геополитическим катализатором, запустившим процесс миграционной реакции от Джунгарии до Волги.

Здесь следует отметить, что античная традиция не знает ни этнонима усунь, ни этнонима юэчжи, которые, как хорошо показал в своей работе А. Н. Бернштам, являются своего рода китайской транскрипцией античного этнонима асии (усунь) и древнеиранского тохар (юэчжи) [Бернштам. 1947]. Почти к такому же выводу впоследствии пришел М. В. Крюков, считающий, что древняя форма этнонима усунь - «должна быть близка к асиане» [Крюков. 1988. С.233].

Усуни пришли к северным отрогам Алтынтага и западной части Нань-шаня значительно позже предков юэчжи, и были частью единого потока андроновских кочевых мигрантов [Лысенко. 2002а. С. 169]. Русский этнограф В. Успенский отмечал, что согласно тексту «Ши цзи» усуни обитали в области Гуачжоу, т.е. в западной части современной провинции Ганьсу - до Дуньхуана (что, видимо, свидетельствует в пользу предположения о совместном, но раздельном проживании усуней и юэчжи в районе Ганьсуйского коридора). Исследователь предложил весьма убедительную гипотезу, согласно которой древние обитатели этого района сижуны (сяожуны) были вытеснены усунями в горы в начале эпохи Чжаньго.

В этот исторический период (начало IV в. до н.э.) усуни не являлись еще для юэчжи серьезным противником, что очевидно уже из анализа военно-политических событий III-II вв. до н.э. Они стали побеждать юэчжи только после того, как военная мощь последних была серьезно подорвана войной с хуннами. Разумеется, уход усуней из района Алтынтаг-Лобнор и с Восточного Тянь-Шаня не был одномоментным явлением, а затянулся на какое-то время, однако очевидно, что к началу III в. до н.э. усуней ни в том, ни в другом районе уже не было, а их здешние былые кочевья занимали юэчжи.

Направление миграции усуньской орды от Алтынтага и Хами, как уже указывалось, вело прямо на север: через район озера Баркуль - в степной мелкосопочник Монгольского Алтая. Эта северная окраина пустыни Гоби, надежно укрывшая племя усуней от их упорных преследователей, стала подлинной исторической прародиной асиан античных источников, ведущего субэтноса исторических аланов. Пребывание усуней в Монгольском Алтае, Кобдинской степи и на юго-западных склонах хребта Хангай достаточно уверенно устанавливается на основе китайских письменных источников.

Около 210 г. до н.э. (вероятно, в середине или в конце лета) воины хуннского шаньюя Модэ нашли в степи усуньского мальчика - сына убитого юэчжами усуньского князя («гуньмо» - в китайской транскрипции). Очевидно, что границы земель усуней находились в непосредственной близости от владений хуннов. Но где же находились эти земли?

В китайской династийной истории читаем, что в 215 г. до н.э. государь Цинь Ши-хуанди отправил против северных «ху» полководца Мэн Тяня с 300-тысячным войском. Армия Мэнь Тяня неожиданно обрушилась на северных варваров и очень скоро завоевала Ордос. Китайцы заняли всю излучину Хуанхэ и построили по ее берегам 44 военных форта, оставив там в качестве гарнизонов помилованных преступников. Продолжая так успешно начавшийся поход, Мэнь Тянь в 214 г. до н.э. перешел Желтую реку (Хуанхэ) и занял своими войсками предгорья Иньшаня.

Шаныой Тумань (отец будущего шаньюя Модэ), спасая свой народ от произвола китайских солдат, ушел на север - на древние земли хуннов по северным склонам Гобийского Алтая, на юго-восток Хангая и в бассейн реки Орхон. Владения усуней, таким образом, располагались вблизи от этих территорий. «Ши цзи» уточняет: убитый гуньмо усуней имел «небольшое владение на западных хуннских землях» [Бичурин. 1950. Т.П. С.155]. Следовательно, территория интересующего нас племени лежала за верховьями Орхона, а там начинаются западные склоны Хангая, Кобдинская степь с целой системой озер и рек, Монгольский Алтай. По обе стороны Монгольского Алтая помещал земли усуней еще Н.А. Аристов, опиравшийся на древние китайские источники [Аристов. 1904. С.7-8]. В этом вопросе с ним солидарен Г.Е. Грумм-Гржимайло, указывающий, что в китайских сочинениях «Си-ши-цзи» и «Мэн-гую-му-цзи» пределы пребывания усуней обозначены именно в Кобдинской Монголии. (В «Си-ши-цзи» усуньская земля обозначена как местность, лежащая к западу от Каракорума. А «Мэн-гую-му-цзн» упоминает о городе Чи-шань-чен, в Хангае, как о былой резиденции усуньского гуньмо). [Грумм-Гржимайло. 1926. Т.П. С. 100].

Война с юэчжи забирала все военные силы только начавшей подниматься на ноги хуннуской кочевой державы. Итог этой войны был совершенно непредсказуем, особенно поначалу, до вступления в военные действия против юэчжи новых союзников хуннов: тибетских цянов (с юга) и асиан-усуней (с северо-востока). Около 181 г. до н.э. борьба хуннов с юэчжи приобретает особо ожесточенный характер и в ней начинает просматриваться долгожданный для хуннов перелом. Возможно, что в период между 181 и 177 гг. до н.э. хуннуская дипломатия сумела заручиться военной помощью двух новых союзников: тибетских цянов и, возможно, усуней/асиан. [Гумилев. 1997. С.81].

Л. А. Боровкова в своем переводе «Повествования о Сюнну» в «Ши цзи» приводит любопытную деталь, которая не отражена в переводе Н.Я. Бичурина: об использовании Модэ в походе против юэчжи военных сил неких исцев(и), которые, вероятно, внесли очень существенный вклад в разгром юэчжийской орды, коль скоро об их участии в походе было написано в письме императору Хань.

«[Я - Модэ] наказал ю-сянь-вана, послав его па запад разыскать юэчжеи и напасть на них. По милости Неба [его] войны были в отличном состоянии, кони сильны и [он], используя исцев (и), уничтожил [царство] Юэчжи, все подданные которого были [либо]

убиты, [либо] сдались. Затем [он] утвердился в Лоулань, Усунь, Хуцзе, и в 26 других прилегающих к ним царствах. [Отныне] все натягивающие лук народы соединены в одну семью, [так как] в северных областях [мы] утвердились ранее» [ШЦ. Гл.110. С.2896. Боровкова. 2001. С.55-56].

О каком царстве Усунь и каких исцах (и) идет речь в тексте данного документа?

Очевидно, что Модэ-шаньюй, упоминая о Лоулань, Усунь, Хуцзе и 26 других прилегающих к ним царствах, имел в виду по существу все владения Западного края (т.е. Восточного Туркестана). Однако племени усуней в этом районе, как было показано выше, уже давно не было: разгромленные около 208 г. до н.э. юэчжами они бежали под протекторат хуннов и расселились в Кобдинской степи в Монгольском Алтае, т.е. к северо-востоку или даже к северу (если ориентироваться по западной границе кочевий хунну) от владений Модэ. Возможно, в послании упоминается временное владение усуней в степях у озера Баркуль, где усуни пребывали, по-видимому, несколько десятков лет, после того, как были изгнаны юэчжами из коридора Хэси.

Полагаем, что с учетом того, что новые кочевья усуней в Монгольском Алтае и на склонах Западного Хангая располагались почти строго к северу от западных земель хунну, весьма вероятно, что в тексте письма к Вэнь-ди Модэ-шаньюй называет исцами (и) именно войска усуней. Воодушевленные идеей мести за своих некогда убитых родственников, усуньские всадники вполне могли стать ударной силой армии ю-сянь-вана в военном походе против юэчжи в 177-176 гг. до н.э.

В 174 г. до н.э. великий преобразователь хунну Модэ-шаньюй умер, а на престол вступил его сын Гиюй, получивший в наследство великую державу и титул Лаошань-шаньюя. Одной из неожиданно вставших перед ним проблем стала новая активизация непокорных юэчжи, которые периодически обменивались военными набегами с асианами (усунями), действуя с территории своей новой степной цитадели к западу от Тянь-Шаня. В китайских летописях «Ши цзи» и «Цянь Хань шу» в сведениях о царствовании Лаошань-шаньюя ничего не говорится о его военных походах против юэчжи, однако в последней династийной хронике есть упоминание, что «Модэ-шанюй разбил Юэчжи, а Лаошань-шанюй убил его, и сделал из его черепа чашу для питья» [Бичурин. 1950. Т.Н. С.183].

Вне зависимости от разноречивых оценок личного участия Лаошань-шаньюя в финальном разгроме юэчжи, большинство исследователей сходятся на том, что вождь непримиримых юэчжи Кидолу был убит ближе к 165 г. до н.э. [Зеймаль. 1968. С.97]. Видимо, разгром юэчжи был на сей раз действительно окончательным, поскольку даже труп Кидолу достался торжествующим победителям [Бичурин. 1950. Т.Н. С.266]. Остатки юэчжи, лишенные племенных вождей, которые были либо убиты в сражениях, либо взяты в заложники, вынуждены были признать над собой власть асианских (усуньских) князей.

§ 2. Завоевание Греко-Бактрийского царства кочевыми ордами сармато-аланского суперэтноса. Этнополитическое значение наименования «аланы». Усуни/асиане сразу же после окончательной победы над юэчжи переносят свои главные кочевья в Семиречье. Юэчжи, в свою очередь, вынуждены были уходить дальше на запад. Можно предположить, что не доверяя им, и по опыту почти двухвековой войны в любой

момент ожидая вооруженного сопротивления, асиане сохранили свое военно-политическое присутствие во главе юэчжийской орды, а еще через какое-то время сами возглавили поход юэчжей и, более того, придали ему характер широкомасштабной завоевательной экспедиции двух кочевых народов. Этот западный поход мог начаться вскоре после 161 г. до н.э.. когда после смерти Лаошань-шаньюя (162 или 161 гг. до н.э. - по различным данным), асианский князь Лецяоми смог ликвидировать зависимость Усуни от державы хуннов и успешно отбил натиск посланной хуннами карательной экспедиции.

После завоевания Согдианы следующей целью иранских кочевников стало Греко-Бактрийское царство - самый восточный осколок империи Александра Великого. Китайцы крайне низко оценивали боевой дух греко-бактрийских войск: «этот народ слаб и боится войны» [Бичурин. 1950. Т.Н. С. 184]. Когда китайский посол Чжан Цянь посетил новые кочевья юэчжи в 128 г. до н.э., этот этнос, по-видимому, уже контролировал военно-политическую обстановку почти на всей территории Бактрии, но главная ставка еще находилась к северу от реки Гуйшуй (Сырдарья) [Боровкова. 2001. С. 102]. Захватив Бактрию и обретя наконец-то долгожданный покой, основная масса юэчжи продолжала скорее по инерции, нежели целенаправленно, медленно продвигаться на юго-запад в сторону Парфии. Возможно, именно асиане/усуни с частью наиболее боеспособных тохарских родов, напротив, резко усилили свой натиск в направлении на северо-запад и на рубеже II-I вв. до н.э. подвергли тотальному разгрому многие крепости и поселения Хорезма [Яблонский. 2000. С.68]. Именно в этот период на территории левобережного Хорезма появляются захоронения с классическим для кочевников инвентарем - богатым комплексом предметов вооружения, который включал, в частности, сложносоставные луки «гуннского» типа. Эти кочевники, которых, вероятно, следует отождествлять с асианами-усунями и юэчжами, принесли с собой и разнотипные керамические сосуды, которые, тем не менее, объединяются в одну группу, чужеродную для района Хорезма [Маслов, Яблонский. 1996].

Страбон дает перечень наиболее известных кочевых народов, разгромивших греко-бактрийцев: асии, пасианы, тохары и сакараулы, которые пришли со стороны Яксарта (Сырдарьи) [Strabo. XI.8,2]. Помпей Трог называет завоевателями Согдианы и Бактрии - асианов и сарауков. Тохары у него не упомянуты. Однако именно у этого автора в конце «Пролога» [XLII] асианы названы «царями тохаров» (Reges Thocarorum Asiani). Специальная глава сочинения Трога, которая носила название «Как асианы сделались царями тохаров», и о содержании которой мы можем с большей степенью вероятности предполагать (хорошо зная подробную информацию по этой теме из китайских источников), до нас не дошла. Хотя в тексте Юстина содержится описание некоторых важных событий парфяно-скифской истории, нас интересует прежде всего только та часть его повествования, которая свидетельствует о следующих фактах: асианы были в числе первых (и, видимо, главных) завоевателей Бактрии; асианы в момент этого завоевания господствовали над племенем тохаров. При сопоставлении сведений античных и китайских источников неизбежен вывод о полном тождестве племени усунь с племенем асов (асиан), а племени юэчжи с племенем тохаров.

Форма «пасианы», которую сообщает Страбон, является, несомненно, либо досадным огрехом последующих переписчиков, либо просто иной -искаженной формой исходного этнонима «асианы». Кажется, что и сама эта пропись «асианы» является в свою очередь производной, латинизированной формой от первичного «асии». Последний этноним в форме «ас» возможно является одним из самоназваний (скорее всего самым древним) племени усунь (явно китаезированная форма от «ас») [Крюков. 1988]. К подобному же выводу, на основании довольно широких этимологических сопоставлений, пришел Г. В. Вернадский [1997. С.102].

*Любопытно, что этоним «ас», впервые появившись в форме «асии» на страницах античных источников в I в. до н.э. (т.е. задолго до первого упоминания об аланах), просуществовал параллельно с этнонимом «алан» на протяжении всего исторического бытия аланского народа, подчас даже замещая это наименование в текстах исторических документов. Уже Страбон знает «асиев», которые в числе прочих племен «отняли у греков Бактрию» [Strabo. XI. 8,2], это же племя в форме «асаев» (’Asaroi) известно и Птолемею [Ptol. Geog. 5,9,16]. Помпею Трогу известны «асианы», ставшие царями тохаров [Pomp. Trog. Prol. 42]. А. Алемань указывает, что грузинские Oset’i и Osi, в более древних формах Ovset’i и ovsi, являются ничем иным, как вариантом исконного этнонима *as-, в изобилии документированного в восточных источниках как As, в монгольском языке в форме Asud (мн.ч.), в китайских хрониках как Asu, а также в среднелатинских формах As, Aas, Assi, Azzi. Этот же этноним известен на иврите в форме Asia, а в древнерусских летописях многократно отражен как этническое наименование ясы [Алемань. 2003. С.33-34].*

*Следует указать на еще один чрезвычайно важный аспект рассматриваемой проблемы. В.И. Абаев в словаре скифских слов отмечает: «Alan, alian ’название скифского племени’, из aryana ’арийский’, ’ариец’». Ранее в том же контексте исследователь разъясняет, что alan происходит от древнеиранского *aryana - с характерным для скифского или каких-то других диалектов скифского языка переходом ry > l [Основы иранского языкознания. 1979. С.11, 277]. Имеются ли в античных источниках указания*

на народ, который бы носил в своем этническом имени корень «aryana»? Да, такое упоминание есть.

*Ariakai (*area-ка «арийцы») названы в тексте Птолемея [VI, 14], а их расселение обозначено на левобережье низовьев Сырдарьи. Поскольку сведения источника приурочены к описанию торгового пути вдоль реки, есть все основания доверять этой информации - археологические материалы подтверждают наличие в древности развитого торгового пути по Сырдарье по крайней мере до I-II вв. н.э. [Левина. 1996. С.82]. В Восточном Приаралье в зоне дельтовых протоков Яксарта в период со II в. до н.э. и до конца VIII в. н.э. существовала только одна археологическая культура - джетыасарская [Низовья Сырдарьи в древности. Вып.П-V: Джетыасарская культура.4.1-V.М., 1993-1995]. А раз так, то можно, вероятно, говорить об этническом тождестве носителей этой культуры с ариаками Птолемея. Как показала Б. Н. Вайнберг, в перечне областей Авесты в «Фарвардиняште» (Яшт XIII, 143144) под «арья» понимается именно область расселения ариаков в низовьях Сырдарьи. Детальный анализ списка перечисляемых народов и исторической ситуации, отображенной в тексте, позволяет датировать этот документ временем не позднее II в. до н.э. [Вайнберг. 1999. С. 196 сл.]. С учетом неоднократного отмечаемой исследователями близости погребального комплекса джетыасарцев с погребальным комплексом усуней и сармато-алан, нельзя исключать, что ариаки Птолемея являлись генетически родственным подразделением единого сармато-аланского супер этноса [Цуциев. 1999]. Вероятно, в ариаках Птолемея следует видеть осевшую в низовьях Сырдарьи часть второй миграционной волны асов (усуней) на запад в конце II в. до н.э., которая была вызвана успешным разгромом в долине реки Или непримиримой группировки юэчжи и созданием на ее обломках нового, весьма сильного асиано-юэчжийского военного союза.*

Во второй половине II в. до н.э. асиано-юэчжийская военно-политическая экспансия была распространена практически на всю территорию Средней Азии: была подчинена область государства Кангюи (на который был распространен военный протекторат асов), были завоеваны Согд, Бактрия и Хорезм. В ходе этого глобального этнического перемещения и связанных с ним социально-политических процессов сформировалась единая арийская идеология восточноиранских степняков, именовавших себя, вне зависимости от принадлежности к конкретному степному племени - aryana. В скифском (сакском) лексическом массиве, который численно доминировал в Средней Азии, это слово вскоре стало звучать как alana - alan. Обретение звучного объединяющего этнонима объективно выполнило функцию одного из важнейших социальных факторов, совокупность которых позволила асским полководцам сплотить разноплеменный человеческий конгломерат в устойчивый военно-этнический союз, который успешно продвигался по степям Евразии с востока на запад под грозным для врагов именем алан.

§3. Алано-пазырыкские этнокультурологические параллели. Обширный материал из захоронений в курганах Горного Алтая IV-III вв. до н.э. приводит к вполне однозначному выводу: между культурой одежды алан-асов и культурой одежды т.н. «пазырыкских» племен имеется так много общего, что впору задаваться вопросом не о степени их этнической близости в рамках сармато-аланского суперэтноса, а о степени различия их материальной культуры. На этом фоне почти полной идентичности многих сложных

элементов одежды, головных уборов, обуви и даже причесок усуней - пазырыкцев, столь же полной межэтнической пустыней выглядит одно единственное схождение бытовых вещей алтайцев IV-III вв. до н.э. с юэчжами Черчена.

Хронология алтайских курганов пазырыкского типа хорошо укладывается в предложенную выше концепцию о поэтапном вытеснении усуней из западной части коридора Хэси и Восточного Тянь-Шаня народом юэчжи в западную и центральную часть горной системы Алтая и Кобдинскую степь. Как известно, датировка Пазырыкских курганов до сих пор вызывает разногласия. Петербургские ученые, опираясь на корреляцию дендрохронологических и вновь установленных радиоуглеродных дат, настаивают на том, что, например, богатый иранским и китайским импортом курган 5 в Пазырыке датируется рубежом V-IV вв. до н.э. или первой половиной IV в. до н.э. [Марсадолов, Зайцева, Лебедева. 1994. С. 141-156]. Американские исследователи предлагают омоложение этих алтайских комплексов, основываясь как на радиоуглеродных датах, так и на трактовке некоторых импортных вещей из захоронений [Sourse. 1991; Hiebert. 1992. P. 120-122]. Аналогичную позицию занимает Б. А. Раев, уже давно утверждающий о необходимости пересмотреть датировки Пазырыкских курганов в сторону омоложения [1989. С.116-117]. Здесь на наш взгляд необходимо учитывать определенную зыбкость радио-карбонных датировок, имеющих, с историко-этнологической точки зрения, слишком большой хронологический разброс. Но даже принимая существующую хронологическую привязку пазырыкских комплексов (первая половина IV в. до н.э.), легко заметить, что и в этом случае культура курганов Пазырыка вполне укладывается в хронологический диапазон миграционного сдвига усуньской орды на Алтай и в Кобдинскую степь, происходившего с начала IV по конец III вв. до н.э. Такой вывод находит прямое археологическое подтверждение: пазырыкцы предстают на Алтае как пришельцы, историческую прародину которых в рамках доселе предлагавшихся схем этногенеза усуней и юэчжей установить невозможно. Эта

прародина могла находиться, на наш взгляд, только к югу от горной системы Алтая и Кобдинской степи, что в определенной мере подтверждается результатами комплексного исследования пазырыкского костюма, проведенного С.А. Яценко [1999. С. 168].

Итак, сравнительные характеристики оружия, предметов культа и конного снаряжения, а также графических изображений лошадей из трех, весьма удаленных друг от друга регионов (Согда, Памира, Алтая) свидетельствуют о наличии на этом огромном географическом пространстве с конца IV по конец II вв. до н.э. (а для согдийско-памирского региона и значительно позже) единой восточноиранской кочевнической этнической культуры.

Таким образом, как нам представляется, существуют достаточно веские основания для предложенной нами гипотезы о завоевании сакского Кангюя в первой половине II в. до н.э. иранскими кочевниками более восточной географической локализации. Такими кочевниками в свете имеющихся сведений китайских династийных историй могут быть, видимо, только асы (асиане) Усуни, а также какая-то часть этнических юэчжи, союзных асианам, которые не покинули территорию Семиречья после разгрома своей основной орды войсками князя Лецяоми.

На основании материалов археологии и сведений «Ши цзи» можно с достаточной уверенностью отождествлять кочевое владение Кангюй с кочевым военно-политическим союзом саков, территория которого простиралась широкой полосой от низовьев и среднего течения реки Сырдарья на западе, до Джунгарского Алатау и хребта Тарбагатай на востоке. В первой половине II в. до н.э. юго-восточная часть владения саков (народ «сэ»), находящаяся в Семиречье, была завоевана юэчжи и отторгнута от Кангюя, сохранившего на востоке выход в степи Восточного Туркестана (и, соответственно, общую границу с империей хунну) в районе Джунгаро-Иртышского коридора. Не позднее 161 г. до н.э. (год смерти Ляошань-шаныоя, сына великого Модэ) юэчжи были разгромлены асианским войском князя Лецяоми (воспитанник Модэ, усуньский гуньмо) и, признав свой вассалитет по отношению к асианам Усуни, вынуждены были покинуть территорию Семиречья. Примерно в это же время князь Лецяоми переносит главные кочевья Усуни с Монгольского Алтая в Семиречье, значительно увеличивая тем самым территориальный разрыв между своей ставкой и ставкой верховного шаньюя хуннов. Вслед за этим асиане Усуни разрывают свои даннические обязательства по отношению к государству хуннов и, успешно отразив все их карательные набеги, устремляются в большой военный поход на запад. Неожиданность этого рейда помогла асианам легко сокрушить военный потенциал сакского Кангюя и захватить столицу этого государства - город Битянь, располагавшийся на берегу Сырдарьи в районе г. Кзыл-Орда. Отсюда войско асиан двинулось в южном направлении и вскоре захватило оазисы Согда, форсировало реку Сырдарья и вторглось в пределы Греко-Бактрии. Во всех этих владениях, согласно последним нумизматическим и археологическим исследованиям, воцаряются асиано-юэчжийские по происхождению правящие династии.

Военная мощь асо-сакского Кангюя, где все сильнее начинают доминировать единые специфически аланские этнические черты, в указанное время уступает не только весьма многочисленным армиям юэчжи, хуннов и массагетов (Яньцай), но даже армии

асиан Усуни. Невысокая численность последней вполне компенсировалась значительно лучшей военной выучкой асианских воинов, а следовательно, их гораздо большей неустрашимостью и верой в победу. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что к концу II в. до н.э. этническая система сакского Кангюя, получившая в результате нашествия асиан значительную генетическую инъекцию восточных иранцев, начинает быстро набирать силу.

Таким образом нет оснований, на наш взгляд, для утверждений о равнозначности асской (усуньской) и юэчжийской (тохарской) этнических составляющих в процессе складывания ранней аланской этносоциальной системы. Изначально и, по всей вероятности, до конца аланской этнической истории первичным генетическим базисом алан несомненно оставался асский (усуньский) этнический монолит, сформировавшийся в главных своих чертах в предгорьях Монгольского Алтая и на просторах Кобдинской степи.

Подводя итог нашим размышлениям, попытаемся реконструировать этапы раннего этногенеза сармато-аланских племен (в контексте событий военной истории) на основе известных нам археологических материалов и сведений нарративных источников.

Генетико-культурным и этнополитическим ядром аланского этноса было племя усуней (асиев-асиан античных источников), первоначально обитавшее на востоке Центральной Азии в западной части Ганьсуйского коридора (коридор Хэси), вдоль северной подошвы Западного Наньшаня и хребта Алтынтаг.

Около IV в. до н.э. усуни терпят ряд военных поражений от юэчжей - тохарского племени, занимавшего восточную часть коридора Хэси (от Дуньхуана до Увэя). Под натиском юэчжей большая часть усуньских кочевых родов покидает Ганьсуйский коридор и переселяется в Восточный Тянь-Шань (район озера Баркуль). Однако юэчжи не прекращают военное преследование усуней и на рубеже IV-III вв. до н.э. принуждают последних к новому отступлению на север. Усуни переселяются в предгорья Алтая, где начинают кочевать по довольно обширному степному региону: от Монгольского Алтая и Кобдинской степи до верхнего течения Бухтармы и Катуни [Лысенко. 2002а. С. 179 сл.].

Совокупная военно-политическая активность юэчжей и набиравших силу хуннов вызвала миграционные подвижки иранских кочевых обществ от Алтая до Приаралья. Этническими продуцентами этих событий стали ранне-прохоровские племена предков аорсов и роксоланов, сместившиеся из степей Зауралья соответственно в нижнюю и

среднюю части Волго-Донского междуречья [Лысенко. 2004а. С.220]. Можно предположить, что в эти этногенетические процессы были вовлечены и сарматские кочевые общества Волго-Уральского региона, на основе которых в IV-III вв. до н.э. сложился этнос языгов. Значительная роль в этническом становлении языгов несомненно принадлежала племени яксаматов, населявшему левобережье Дона от его восточного изгиба до впадения в Меотиду [Максименко. 1998. С.162 сл.]. Таким образом, на рубеже III-II вв. до н.э. западные племена сармато-аланов обретают собственную военно-политическую субъектность, оставаясь при этом органичной частью евразийского сармато-аланского суперэтноса.

В первой половине II в. до н.э. племя усуней, окрепшее на Алтае и в Кобдинской степи под протекторатом державы хунну и ассимилировавшее в своей племенной среде алтайские племена «бома», входит в новую фазу этногенеза. Военно-политические события в этой фазе начинают нарастать почти лавинообразно. Около 165 г. до н.э. асы (асиане-усуни) наносят тяжкое поражение юэчжийской орде князя Кидолу, переселившейся в Семиречье и получившей в древних китайских источниках наименование Большого юэч-жи. Князь Кидолу был убит, а разгромленные юэчжи (наиболее мобильная часть племени) вынуждены были покинуть территорию Семиречья. Выйдя к границам Греко-Бактрии, эта часть юэчжийской орды потерпела очередное военное поражение от войск бактрийского царя Евкратида и вынуждена была признать свой вассалитет по отношению к государству бактрийских греков. В это время асы князя Лецяоми успешно завершили переселение своего племени в Семиречье, включив в состав своей этнической системы оставшиеся здесь племенные кланы саков и юэчжи.

Во второй половине II в. до н.э. (145-130 гг.) асы подчиняют область государства Кангюй, где воцаряется асская по происхождению царствующая династия, а также регионы Согда и Хорезма. В этот же период объединенным асиано-юэчжийским войском завоевывается Греко-Бактрия. Авангардные части иранской племенной коалиции входят в Северный Афганистан (Тилля-тепе), активно участвуют в разного рода военных операциях на территории Парфии. В ходе этой глобальной военной кампании формируется единая арийская идеология восточноиранских кочевников, гордо именовавших себя, вне зависимости от принадлежности к конкретному степному племени -aryana (арийцы) [Чочиев. 1996; Габуев. 1999. С.119 сл.; Лысенко. 2002а. С.269]. В скифо-сакской этнической среде это слово вскоре стало звучать как alana-alan, что позволило асским полководцам сплотить разноплеменный восточноиранский конгломерат в прочный этнополитический союз, который правомерно называть аланской конфедерацией.

Единые этносоциальные причины резкого усиления сармато-аланской суперэтнической общности закономерно приводят к схожим событиям в разных частях сармато-аланского этнополитического ареала. В западной части ареала окончательно уничтожается военная мощь скифов и принуждаются к данничеству греческие полисы Северного Причерноморья. В границах Азиатской, а затем и Европейской Сарматий абсолютно доминирующее военно-политическое положение приобретают роксоланы, которых уже с рубежа II-I вв. до н.э. следует рассматривать

как субэтнос в составе единого аланского этноса. В центре сармато-аланской этносферы аланы около 70 г. до н.э. подчиняют своему политическому протекторату племена саков и массагетов, завоевывают и заселяют страну Яньцай в Мугоджарах, устанавливают новую границу с Парфией по северо-западных отрогам Копетдага и протоке Узбои. На востоке в 71-70 гг. до н.э. асиане Усуни наносят решительное поражение хуннам, после чего держава хуннов теряет свою ведущую роль на востоке Азиатской Скифии, а хуннуский этнос распадается на ряд остро конфликтующих друг с другом кочевых орд.

Подобно роксоланам на западной стороне этнополитического ареала, асиане Усуни стали периферийным, но только восточным субэтносом аланской суперэтнической системы.Возможность более широкого и эффективного применения на западе своих военных и организационных способностей, а также засилье китайского этнического элемента в Усуни способствовали постоянному, а с 55 г. до н.э. - все более массовому оттоку этногенетически активной части племени асов в центральные и западные части сармато-аланской этносферы. Это привело к существенному усилению военно-политического потенциала Кангюя, который, занимая центральное положение в границах сармато-аланского суперэтноса, к рубежу новой эры превратился в крупнейшую азиатскую кочевую империю. В этой связи представляет интерес предположение А.В. Симоненко о быстром, в течение одного-двух лет, перемещении какого-то иранского кочевого сообщества из восточных областей Центральной Азии в Сарматию (сам исследователь склонен видеть в этом сообществе усуньский или юэч-жийский племенной клан) [2003. С.56-57]. Действительно, есть все основания полагать, что ближе ко второй половине I в. до н.э. на территорию Сарматии вторглось какое-то сильное в военном отношении племя (или его значительная часть), которое мы отождествляем с асами (усунями китайских источников). Исходная точка движения этого сообщества асов пока неясна, однако в любом случае это должны быть либо пределы кочевого владения Усунь, либо главная аланская этнополитическая цитадель в Азии - Кангюй. В дальнейшем, как было показано выше, именно племенное сообщество

асов (асиев-усуней) стало политическим ядром аланской конфедерации и структурообразующим стержнем аланского этноса.

Миграция этногенетически динамичной части социума на запад, а также негативные последствия внутриэтнической борьбы, резко усилившейся с разделом усуньской кочевой державы на два владения, привели к нарастанию кризисных явлений в этнической системе асиан Усуни. Усилению этой негативной тенденции способствовали китайские эмиссары Хань, методично засылаемые в восточную часть Азиатской Скифии, которые инициировали и всемерно поощряли процесс самоуничтожения асской политической элиты. Все это, вместе взятое, привело к утрате асской Усунью того лидирующего положения среди кочевых держав востока Центральной Азии, которое страна асиан/усуней по праву заняла после разгрома кочевой империи хуннов в 71-70 гг. до н.э.

Замедлившись на востоке суперэтнического ареала, этногенез аланов по-прежнему полнокровно развивался на западе. В 35 г. н.э. армия аланов (или, как полагаем мы, роксоланов) впервые вторглась через Дарьял в Закавказье, где разгромила армянские и парфянские войска. В 72 г. аланы Кангюя, пройдя по территории Гиркании, вторглись в Мидию и Армению. Была захвачена богатейшая добыча, а парфянская армия во всех крупных сражениях неизменно терпела поражение. Продолжая методичные военные рейды в Парфию, аланы дошли в 135 г. до Каппадокии. Приблизительно в этот же исторический период (I в. н.э.) роксоланы энергично штурмуют линию римских оборонительных укреплений по Дунаю, неоднократно вторгаются в пределы римской провинции Мезия. В 62 г. н.э. римскому легату Мезии Плавтию Сильвану пришлось столкнуться на поле битвы уже непосредственно с аланами [Лысенко. 20026. С.111 сл.]. К концу I в. н.э. сармато-аланский суперэтнос в полной мере устанавливает свое военно-политическое господство в евразийских степях к западу от хребта Тарбагатай.

Как убедительно показывают недавние обобщающие исследования [Габуев. 1999; Цуциев. 1999; Туаллагов. 2001; Лысенко. 2002а], нет никаких объективных оснований к тому, чтобы рассматривать аланский этнос как некую этнополитическую скатерть, которую методично разворачивали на запад, но при этом почти синхронно сворачивали с востока. Комплексный анализ центральноазиатских археологических материалов и нарративных источников древнего Китая позволяет утверждать отнюдь не о кратковременном пребывании асов-аланов в Усуни, Кангюе или Яньцай, а напротив, о весьма длительном (не менее 4-5 столетий) сохранении аланского этнического массива на территории этих владений. Аналогичную картину устойчивого функционирования этноса мы наблюдаем и в западной части аланского этнического ареала.

Таким образом, рубеж I-II вв. н.э. следует, по-видимому, считать хронологической вехой завершения процесса формирования этничности в аланском кочевом сообществе. К этому же историческому времени приурочен финал раннего периода аланского этногенеза и переход к новому - среднему периоду аланской истории [Лысенко 2016, 8-62].

След това, което се каза малко по-горе за лекс. ***туркан,*** *и подминавайки с напълно заслужено-основателно мълчание предпоследните приблизително-повърхностни заключения и твърдения, нека все пак конкретизираме още малко така предложеното*

обобщение за нейните български черти и особености, като отбележим, че беззвучните съгласни звукове в строежа на така записаната в изворите дума безспорно са собствено източноарменска субституция, именно поради което оригинално-първичната българска форма трябва да има вида ****дурган,*** *началният звук на което е типично българско съответствие на огузотюркския зв.* ***й,*** *налице също така и в днболг. дилом от Именника на българските ханове, както и в известното още от Менандър (VI в.) в гръцка транскрипция квболг.* ***δόχια, δόγια*** *със старотюркско съответствие йог и с такива значения в тюркските езици изобщо като "похороны, погребение; поминание, печаль, траур; кладбище, бугорок на могиле, могила, курган", но очевидно заето през същата епоха и в средновековния аланси език, откъдето пък е развито в съвременното осет. doğ "скачки в память умершего", което проф. В. Абаев обаче неясно защо определя много неточно като "древен принос в аланския език от средноазиатските тюркски езици"* [Добрев 2005, 458, вж. и срв. Боровкова 2001, 35-291; Киселев 2016, 326].

Именно при тези културно-исторически условия и предпоставки, от североизточноиранския усунски език в прабългарския език преминава и се заема и титл. *багатур*, която обаче в усунския език си има малко по-друга форма и значение, възникнали и образувани на основата на конкретен апелатив, който пък от своя страна притежава и свой собствено-специфичен етимон. Етимонът на дадена титла е онзи исторически първичен и изначален елемент в нейната генеалогична структура, който във вид на точно определено лексикално значение и съответната му фонетична форма съществува и функционира в границите на определен синхронен срез от диахронията на даден език, а именно поради и благодарение на това и в по-голяма или по-малка група родствени езици, като сравнително обособен и самостоен компонент ядро на конкретно словообразувателно гнездо, отделните съставки на което се образуват и обединяват помежду си както по силата на техните историко-деривационни връзки и отношения, така също и на основата на общите си фонетико-морфологични и семантични белези и признаци, претърпели конкретно развитие и промени във Времето и Пространството, но историко-генетически тъждествени и еднакви с основните и съществени белези и черти на изходния етимон.

Всеки етимон се заражда, съществува и функционира в рамките на конкретен език на определен етап от неговото историческо развитие, като най-стари, разбира се, са етимоните, които възникват и съществуват още по време на най-старото състояние на този език или когато той все още е праезик, и той е онзи първично-лексикален елемент, на основата на който възниква и се развива апелативът, нарицателното съществително или друго име, върху което пък по-нататък и впоследствие възниква и се развива и самата титла. Независимо от това дали възниква още в праезика или на конкретен по-късен етап от неговото историческо развитие, апелативът е лексема, лексикална единица, която се състои от форма или още звуков строеж от една страна и лексикално значение или семантика от друга, към които допълнително се присъединяват и проявяват и родовите по принцип граматични форми с техните граматични значения, така че цялостно-неделимата лексико-граматична единица, представляваща по същество конкретна дума, съществува и се проявява във и чрез апелатива като номинативно средство на езика в рамките и благодарение на голям брой йерархически организирани лексико-граматични структури, наречени парадигми, може да се каже и класове, като съставки на една изключително сложна йерархия с голям брой свойства и отношения на всеки един фонетичен или семантичен признак на думата, именно в пресечната точка на които се намира или заема своето място вътре във всички тези парадигми и самата дума наименование на конкретен клас от предмети или признаци на предметите или накратко апелатив.

Пълното и последователно или което е същото, научно-етимологично определяне произхода на прабългарската титл. *багатур* задължително предполага посочването, обяснението и структурно-семантичното описание както на нейния апелатив, така също и на нейния етимон като неделима част от конкретен език или диалект, експлицитно дефиниран като произхождащ и принадлежащ към конкретно езиково семейство или негова група и подгрупа, и то в рамките на определен етап и място от историко-географското му развитие и разпространение, с едновременното посочване, обяснение и описание и на всички етимологически релевантно-съществени техни фонетико-семантични белези или признаци, исторически наследени или пък допълнително възникнали било в самия език или диалект, било пък в историко-географски съседните, родствени или неродствени езици, в които тази титла е преминала и е засвидетелствана. Посочването, обосноваването и доказването паралелно-последователно в съществено-главното както на етимона, така също и на апелатива на дадена титла е минималното задължително условие, без което не може, за да се приеме и признае, че наистина е налице обектноадекватно мотивирано-съобразено и теоретико-методологически обосновано и доказано сполучливо-убедително научно-етимологично определяне на нейния произход и историческо развитие в рамките както на езика основа, така също и на останалите родствени или неродствени езици.

Източноиранската по произход прабългарска титл. *багатур* най-вероятно има за етимон източноиранския гл. **bay-* „to distribute, allot; give or receive portions”,

свър. *baj-, baxš-,* авест. *bag-* „предоставлять в качестве доли; назначать, определять; быть предоставленным в качестве доли, пая“, сегашна основа *baž-,* стперс. *bag-* „наделять, вылять“, согд. *βaxš, βxt-, βγn-,* пехл. *baxš-, baxt, bōxtan* „deliver”, хсак. *būṣṣ-, būta-* „давать, делить, распределять, оделять“, перс. *baxšīdan* „schenken“, всички от иран. **bag-* „to distribute, allot; give or receive portions”, санск. *bhájatiṃbhaktá-, bhága-, bhāgá* „distribution, allotted portion”, ие. **bhag-*. Неин апелатив пък е производното посредством средноперсийския деятелен словообразувателен суф. *-tār* нарсим **baγtar* „distributor, who gives or receives portions”, зпдир. **baxtar-,* изтир. *vaγdar-* „тот, кто распределяеть, наделитель“, авест. *baχtar* „тот, кто предоставляет выделенную долю, часть, дань; тот, кто распределяет, выделяет долю, наделяет“, срперс. *baxtār, bg'twr,* пехл. *bōxtār* „deliverer”, от което е млим *Bokhtar* „Redeemer, saviour; Reliever of all trouble“, алан. *бакатар,* осет. *bæğatyr/bæğatær* „храбрый, богатыр“, санск. *bhaktṛ* „distributor of givts, bliss, riches”.

На един по-късен етап от развитието на усунския език, първично-изходната форма **baγtar* се ресемантизира и придобива значението „господар; господин“. В условията на частично усуно-българско двуезичие и от позицията на по-високия социален статус на българите добри войни, последното значение прераства и се променя в значението „храбрец, смелчага; юнак, герой; мъж, войн“. Същевременно на българска фонотактическа реинтерпретация се подлага и звуковата форма на лекс. **baγtar,* където поради нетипичността за прабългарския език двуконсонантно съчетание *-γt-* първата затворена сричка се превръща в по-характерно-типичните за тюркския български език, две отворени срички, а последният зв. *a* най-напред се лабиализира до зв. *o,* който впоследствие се редуцира до зв. *y* и така се получава формата **bayatur.* Именно тази форма се запазва непроменена в продължение на повече от десетина века от времето на нейното заемане и адаптация в централноазиатския прабългарски език през IV-III в. пр.н.е. до времето на нейната употреба в дунавския прабългарски език през IX-X в. [вж. и срв. Основы иранского языкознания 1979, 164; ~*~1981, 71-72; Сравнительно-историческая грамматика 2001, 560; Bailey 2016, 1-3; Bailey ect 2016, 1; Menges 1951, 93-95; Ramstedt 2015, 76-77; Skjærvø 2011, 117; Tekin 2016, 51; User 2016, 3-4; ЭСВхЯз, 100; ЭСИЯз-2, 45-54; ЭСТЯз-б, 82-85; AiWb, 923-924; Doerfer-2, 366-377;

Names, 13, срв. Татаринцев 1987, 90-95; Choi 2016, 6-7; Абаев-1, 240-245; Фасмер-1, 183].

В дунавския прабългарски език вече, от титл. *багатур*, по пътя на семантичната конверсия, се образува нарсим *багатур* „личен секретар, помощник“:

Всъщност, видно особено добре от надписа βαγατούρ(τοῦ) βασι(λέως τῶν) Βουλγάρων, багатурът е ни повече, ни по-малко, личният секретар на владетеля, престолонаследника или на друго високопоставено лице, но във всички случаи и преди всичко той трябва да се свърже с владетелското семейство. В случая владетелят е цар Симеон Велики, животът на когото като монарх преминава в борбата да стане василевс и на българи, и на ромеи [Добрев 2011, 391-426], поради което по някое време ползва и печати като василевс само на ромеите (Ив. Йорданов; Н. Кънев). И въпреки това, намирането на четири печата с току-що приведения надпис, показва и доказва, че личният секретар на Симеон не само най-често съставя неговите писма, но и ги подпечатва не с неговия, а с личния си печат, какъвто той несъмнено притежава [Добрев 2016, 60].

В заключение, прабългарската военна престижно-почетна титл. *багатур* води началото си от централноазиатския източноирански усунски език най-малкото от V-IV в. пр.н.е. Тук тя има за апелатив лекс. **baγtar*, която пък от своя страна е производна от етимона си гл. **baγ-*. При заемането и адаптирането на тази лексема в централноазиатския прабългарски език от същата епоха, тя се преобразува фонетически и се ресемантизира до собствено прабългарската титл. *baγatur*. Именно от прабългарския език, по пътя и благодарение на дългосрочно-непрекъснатите многобройни и многократни преки и косвени етнолингвистични контакти и взаимодействия, титлата преминава и започва да се употребява в огромното множество диалекти и езици от Северния ледовит океан до Индийския океан от север на юг и от Тихия океан до Атлантическия океан от изток на запад.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

Бернштам А. Н., Очерк истории гуннов. Интернет, 2012.

Бешевлиев В., Прабългарски епиграфски паметници. Интернет, 2009.

Боровкова Л. А., Царства „Западного края“ во II-I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из „Ши цзи“ и „Хань шу“. Москва, 2001.

Добрев Ив., Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. София, 2005.

~*~Етимон и апелатив на българското народностно название. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2015в.

~*~Персийската по произход прабългарска титла „багаин” в нейния основен лексико-ономастичен контекст. - Bulgarian Names of Eastern Origin. Internet, 2016.

Дыбо А. В., Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. Интернет, 2013.

Зуев Ю. Л., К этнической истории усуней. Интернет, 2016.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Интернет, 2014.

Йорданов Ст., За организацията на граничната охрана в епохата на Първото българско царство. Интернет, 2005.

Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири. Интернет, 2016.

Лысенко Н. Н., Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э.-II в. н.э. Интернет, 2016.

Минкова М., Ив. Иванов, За значението на надписа върху оловните печати на Йоан и Михаил от началото на християнската епоха. - България в световното културно наследство. Материали от Третата национална конференция по история, археология и културен туризъм *Пътуване към България* – Шумен, 17-19.05. 2012 г. Интернет, 2016.

Основы иранского языкознания.
-Древнеиранские языки. Москва, 1979;
-Среднеиранские языки. Москва, 1981.

Паркер Е. Г. Тысяча лет из истории татар. Интернет, 2015.

Попконстантинов К., Новооткрит печат на Михаил багатур и багатурският род на Йоан, Сондоке и Михаил. – Археология, 2008, № 1-4.

Руденко С. И., Культура хуннов и Ноинулинские курганы. Интернет, 2014.

Симеонов Б., Титулната практика в ханската България: Произхождение, структура и значение прабългарских титулов в период между VII и X веками. – Linguistique Balkanique, XXIV.2, 1981.

Сисорна К., Хунны и Тюрки : Huns and Türks. Интернет, 2012.

Славова Т., Титулите *багаин* и *багатур* в ранносредновековна България. Интернет, 2015.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Москва, 2001;

Татаринцев Б. И., Этимология тюркского названия богатыря. – Советская тюркология, 1987, № 4.

Худяков Ю. С., Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии. Интернет, 2006.

Шервашидзе И. Н., Фрагмент древнетюркской лексики: Титулатура. – Вопросы языкознания, 1990, № 3.

Bailey ect, Baga. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2016.

Chen S., Some Remarks on the Chinese "Bulgar". Internet, 2014.

Choi H.-W., Eski Korece'de Türkçe Ödünç Kelimeler. İnternet, 2016.

Csornai K., Where Huns' Blood Drew. The Xiongnu. Internet, 2010.

Dobrev Iv., İç Asya Bulgarca'sında İlk ve en Erken Metin olan Pugu Beyti. – Türkologia, 2015, № 4.

Fleischer C., Bahādor. - Encyclopædia Iranica. Internet, 2016.

Menges K. H., Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions. – Byzantion, vol. 21, 1951.

Popkonstantinov K., A newly found seal of Michael bagatour and the bagatour family of Ioannes, Sondoke and Michael. Internet, 2011.

Ramstedt G. J., Alte türkische und mongolische Titel. İnternet, 2015.

Schmitt R., Asparuch und Konsorten im Lichte der Iranischen Onomastik. Internet, 2010.

Skjærvø P. O., Introduction to Pahlavi. Internet, 2011.

Tekin T., Tuna Bulgarları ve Dilleri. İnternet, 2016.

User H. Ş., *Byzantinoturcica*'da Kayıtlı İslam öncesi Türk Unvanları Hakkında Notlar. İnternet, 2016.

Xiongnu. - Wikipedia. Internet, 2014.

ИЗТОЧНИЦИ

Абаев - В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1-4. Ленинград, 1958-1989.

Бичурин - Бичурин Н. Я. [Иакинф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1-3. Интернет, 2012.

ЭСВхЯз - И. М. Стеблин-Каменский, Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург, 1999.

ЭСИЯз - Расторгуева В. С., Д. И. Эдельман, Этимологический словарь иранских языков, т. 1-3. Интернет, 2016.

ЭСТЯз - Этимологический словарь тюркских языков - а-с. Интернет, 2014.

СлДСЯз - Словарь древн□го слав□нскаго □зыка, составленный по Остромирову Евангелію. С.-Петербургъ, 1899.

Сыма - Сыма Цянь, Исторические записки, ч. 1-4. Интернет, 2012.

Фасмер - Макс Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 1-4. Интернет, 2014.
AiWb - Christian Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961.
Clauson - Clauson G., An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
Doerfer - Doerfer G., Türkische und Mongolische Elemente im Neupersishen, Band II. Internet, 2009.
Names - Zoroastrian names (Based on C. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch).* Internet, 2016.

СЪКРАЩЕНИЯ

авест. - авестийско
алан. - аланско
вж. - означава съгласие, приемане, одобрение, споделяне, дори и заимствуване
гл. - глагол
зпдир. - западноиранско
зв. - звук
ие. - индоевропейско
изтир. - източноиранско
иран. - иранско
лекс. - лексема
млим - мъжко лично име
нарсим - нарицателно съществително име
перс. - персийско
пехл. - пехлевийско
санск. - санскритско
согд. - согдийско
срв. - при цитираната литература означава несъгласие, неприемане, отхвърляне и отричане, а при примерите – само сравняване или просто съпоставяне
срперс. - средноперсийско
стперс. - староперсийско
суф. - суфикс
съвр. - съвременно
хсак. - хотаносакско
осет. - осетинско